Фото А. ГОСТЕВА.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Маленькие жители пятисотлетнего города.
Новый корпус хлопчатобумажного комбината.

МОЙ ГОРОД

Михаил Степанович СТЕПАНОВ, Герой Социалистического Труда, депутат Чебоксарского горсовета

— На последней сессии горсовета утвердили мы новый герб Чебоксар. А перед этим конкурс был проведен: 300 эскизов рассмотрели члены жюри. И долго спорили, прежде чем отобрать лучший. Герб ведь должен отразить как-то характер города, главное для него. Автор прежней, 1781 года, эмблемы нарисовал пяток летящих «конвертом» уток, которые символизировали обильную в этих краях охоту, и дракона с золотой короной, взятой с герба Казанской губернии,— Чебоксары входили тогда в ее состав... Ну а что изобразить на современной эмблеме нашего города? Что наиболее характерно для него? Бурное развитие промышленности, правильно. Но какой отрасли отдать тут предпочтение? Электротехнической, отправляющей свою продукцию в семьдесят стран мира? Но в Чебоксарах и крупнейший в стране хлопчатобумажный комбинат: моток пряжи или ткацкий челнок вполне могли бы украсить герб города. Так же как и изображение трактора, посколь-

ну а скором времени вступит в строй Чебоксарский тракторный завод-гигант. Да и уже работающему мощнейшему химкомбинату есть что представить на гербе... Так обстоит дело с промышленностью. А сколько заявок на геральдику у нас, строителей, у энергетиков, у деятелей культуры, у ученых! Хорошо было бы, например, изобразить плотину будущего Чебоксарского гидроузла, четвертого по счету на Волге, который завершит великую реконструкцию реки. И отчеканить силуэт недавно возведенного памятника нашему земляку В. И. Чапаеву, который скачет на коне. А рядышком поблескивал бы космический корабль Андрияна Николаева, другого нашего знаменитого земляка...

И хоть всего этого нет на новом гербе, очень он мне нравится. По цвету нравится, вернее, по двуцветию своему — голубое и красное, как на флаге Российской нашей федерации. Нравится преемственностью от прежнего герба, родством с ним — тоже летят птицы. Широко разметнулись дубовые кроны прелестного чувашского орнамента, которым увенчан герб, и это мне больше всего нравится в его рисунке. Я люблю наш национальный орнамент, привык с детства видеть его расшитым мастерицами на рубахах, на скатертях, на полотенцах, а теперь и выложенным кирпичами на фасадах многих домов в Чебоксарах. К этому, между прочим, я имею некоторое отношение, могу даже сказать, что первым проложил тут дорожку. А было так.

Девять лет назад вели мы с бригадой кладку первого дома в Новочебоксарске, городе-спутнике, который находится пока в двадцати километрах от Чебоксар, но по плану они должны сомкнуться и стать одним городом. Так вот, мы строили там четырехэтажный дом для химиков, и я знал по проекту застройки, что рядом подымется точно такой же, а за ним третий, четвертый, пятый, целая улица совершенно одинаковых домов. Не скрою, меня, как каменщика, всегда удручала эта одинаковость. Я понимал, чем она продиктована — необходимостью быстрее строить жилье,— но хотелось, чтобы у каждого дома было все-таки свое лицо, чтобы он узнавался не только по номеру на фасаде, а и по своему архитектурному облику, по какой-то хотя бы детали в этом облике. И вот, заканчивая кладку того дома, я решил пустить по карнизу чувашский орнамент, чередуя красные кирпичи с силикатными, простенький такой рисунок, скопированный с рукава моей расшитой рубашки. Я сделал это самовольно, ни с кем не согласовав, боясь, что «не согласуют». Опасения мои были небезосновательны. Явился технадзор, представитель заказчика, увидал, какой я карниз веду, шум поднял — нарушение! — приостановил кладку. Я объясняю, говорю, что прочности не убавляется, а красивее. Не слушает, жалобу на меня пишет, вызывает архитекторов. А тем понравилось новшество, они решили использовать мой рисунок карниза и на соседнем доме. Но это было бы уже повторением. А мысль моя как раз и заключалась в том, чтобы у каждого дома был свой, неповторимый рисунок. Теперь так и делают у нас, в Чебоксарах. Чувашский орнамент — всякий раз новый, оригинальный, но ненавязчивый, не кричащий, заиграл на зданиях, придавая каждому своеобразие. А нынче украсил собой и городской герб.

Автор герба — Элли Юрьев. Я знаком с ним: он работает художественным редактором в Чувашиздате, а я повесть пишу о своей жизни, часто бываю в издательстве, захожу в мастерскую Элли, он, наверно, будет иллюстрировать мою книжку... Недавно в его оформлении вышла антология «Поэты Франции» на чувашском языке. В книге стихотворения 77 поэтов — от XV века до наших дней,— и все переведены с оригинала, а часть вообще впервые опубликована у нас в стране. Переводчик — молодой наш чувашский поэт Геннадий Айги. Томик оформлен и издан превосходно — на мелованной бумаге, в муаровом переплете, изящной суперобложке и вложен в футляр. Жаль, что отпечатали пока малым тиражом, боялись, что не разойдется, а раскупили, расхватали мигом, в полдня. Надо переиздавать. За выпуск этой книги художник Юрьев и Чебоксарская типография награждены на всероссийском конкурсе почетными дипломами.

Элли 33 года, он закончил Академию художеств в Тбилиси, где служил до этого в армии. Я хорошо знаю и его отца Михаила Ивановича. Он журналист, ответственный секретарь республиканской газеты, а я ее давний и постоянный нештатный корреспондент. Юрьев-старший — один из самых первых чувашских комсомольцев и был даже, кажется, пионером. Он создавал в республике молодежную и детскую печать, газетчик, что называется, от бога, в свои 60 лет такой же боевой и напористый, каким был в молодости. Михаил Иванович — глава большой семьи, его жена, Елена Ивановна, мать-героиня. У них десятеро. Назову поименно и по старшинству: Сеит, Элли, Луиза, Хаджи-Абрек, Оисака, Олимпиада, Земфира, Тимур, Золя и Индира. Есть тут два художника (кроме Элли, еще Хаджи), бортмеханик, смазчица вагонов, подсобница на стройке, студентка, школьники... Вот из какой славной семьи автор нашего нового городского герба.

Он, герб, в самую пору подоспел, к 500-летию Чебоксар, которое мы нынче отмечаем. Считалось до сих пор, что город основан в 1555 году, при Иване IV, как опорный пункт Московского государства. Но теперь ему счет ведется с первого упоминания в русских летописях. А оно относится к году 1469-му, когда, как сказано в записи о походе на Казань, «и того же дни отплывше от Новагорода шестьдесят верст, ночевали, наутрее обедали на Рознежи, а ночевали на Чебоксари; а от Чебоксари шли день весь да ночь всю ту шли, и приидоша под Казань на ранней зоре, мая 21, в неделю 50-ю». Я выписал это из исторической справки, которую нам, пропагандистам, раздали в горкоме партии к юбилею. Но, говорят, город еще старше. Археологи говорят.

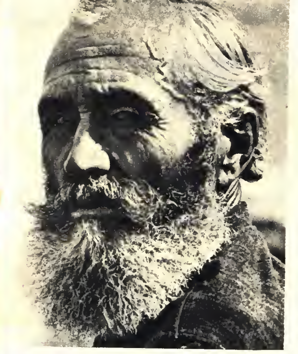
В Чебоксарском, третий год существующем университете деканом историко-филологического факультета работает профессор Каховский Василий Филиппович. Фамилия для чуваша необычная: Каховский. А он до семи лет Филипповым был: фамилии у нас в деревнях присваивали прежде по имени отца. Вот пошел Васютка Филиппов в школу, было это в первые годы Советской власти. И школьный учитель, единственный в селе большевик, давал приглянувшимся ему ребятам революционные клички, как он говорил. А увлекался он больше всего декабристами, и в классе появились Пестель, Рылеев, Бестужев-Рюмин. Васютка был наименован Каховским, и закрепилась за ним, а паспорт вошла эта историческая фамилия. Может, потому и разгорелся у мальца интерес к истории. Правда, он и химией увлекался в равной мере. Учился одновременно на двух факультетах — историческом и химическом. Доктором стал исторических наук. Написал книгу «Происхождение чувашского народа» и много других книг, среди которых учебное пособие для средней школы «Родной край». Стоит у нас дома в шкафу, дочки — Тамара в 9-м классе, Лена в 7-м — учатся по этой книге, возьмет ее скоро в руки и младшая, Верочка... Студентам университета профессор Каховский читает курс археологии. И руководит археологическими раскопками в Чебоксарах.

Спешат археологи! У них в распоряжении всего четыре года. Древняя часть города, которая их интересует, примыкает к Волге и через четыре года будет залита Чебоксарским морем. И надо торопиться, пока она, что называется, на поверхности и можно обойтись без скафандров... Я прочел в газете, что раскопки идут успешно. Особенно повезло Каховскому с его помощниками нынешним летом. На улице Чернышевского, во дворе школы, они произвели раскоп на глубину в четыре с половиной метра, который обнаружил удивительный археологический разрез. Сразу восемь строительных слоев наглядно, один под другим. Верхний почти свеженький, известка от постройки гимназии в конце прошлого века. Ниже лежали столбы, остатки ворот, тронутые пожаром, и исследования дерева показали, что это уже век XVIII. Еще ниже пошли и наткнулись на крытый бревнами двор, и, судя по обилию валявшихся тут кож, это была мастерская кожевника, жившего в XVII веке. Он был богат и обзавелся дренажной системой из кирпича. Все ниже в глубину веков опускались археологи. Еще метр, и они в XV веке, который можно было определить по редкостной археологической находке — по берестяной грамоте. Но жизнь не замерла на этой глубине, жизнь свидетельствовала о себе еще ниже. Тут нашли целую ювелирную мастерскую: множество льячков, специальных форм для отливки золотых изделий. И сами эти изделия — кольца, брошки, наперсток золотой. И был это век XIV, а возможно, и XIII—XII. Вот как пытаются археологи сразу состарить наш город. Ну что ж, отпраздновав торжественно его 500-летний юбилей, мы готовы погулять и на его, скажем, 750-летии.

А у меня, строителя, свой особый интерес к находкам археологов. Я побывал на их раскопе в школьном дворе. Хотелось поглядеть, как строили в древности, опыт, так сказать, перенять. Как бревна тесали, как их укладывали, как венцы вели. И, конечно, все кирпичи дренажные перетрогал, с ладони на ладонь перебрасывал. Отформованы и обожжены на славу, аккуратненько. Ни единой трещинки, даже царапины нет, хоть сейчас в дело. А когда постучишь одним о другой, звук чистый-чистый, музыкальный такой, играть на них можно. Хороши кирпичики! А уж в чем другом, в кирпичах-то я знаю толк. Мальчишкой еще клал печи с отцом в деревне. Под конец войны и после нее в стройбате служил, жилье восстанавливали на Украине. А с пятидесятого года, как, демобилизовавшись, вернулся в Чебоксары,— каменщиком, бригадиром, мастером, прорабом вот теперь, окончив вечерний техникум. Последние четыре года сам кирпич не кладу, мозоли на ладонях помягчели, посветлели, но за предыдущие пятнадцать лет уложил кирпича порядком, хватило бы примерно на 250 жилых

Заведующая прядильной фабрикой хлопчатобумажного комбината Надежда Филипповна Филиппова представляет Чебоксары в Верховном Совете СССР.

Профессор педагогического института Геннадий Никандрович Волков.



— А столицу Чувашии я помню еще большой деревней. Сейчас не узнать. Крепко живем,— говорит Петр Артемьевич Артемьев. За эту сегодняшнюю жизнь он воевал, прошел от Орла до Берлина.

Азы рабочего мастерства Николай Александрович Королев постигал в Ленинграде, а Героем Социалистического Труда стал в Чебоксарах, на Электроаппаратном заводе.

Пассажирская пристань на Волге.

четырехэтажных домов, по четыре секции каждый. Говорю — хватило бы на жилые, потому что строил я главным образом промышленные корпуса — хлопчатобумажный наш, тракторный, химкомбинат...

Я каменщик, но не удивляйтесь, что рассказываю о людях далеких, казалось бы, для меня профессий: о художнике, об археологе. Ну, во-первых, мне всегда интересны люди, для которых я работаю, строю, с которыми живу в одном городе. А во-вторых, общественные мои обязанности все время расширяют круг моих знакомств. Я был депутатом Верховного Совета СССР от Чебоксар, вот уже пятый созыв заседаю в горсовете, не раз избирался в обком партии. Идешь по городу, с тобой то и дело здороваются, а ты не всегда можешь припомнить, кто это. Но многих я хорошо знаю, со многими дружу и о многих мог бы тут рассказать. Ограничусь лишь одной судьбой, одной биографией.

Этого человека зовут Федот Орлов. Профессия у него по фамилии — летчик. В войну вся республика знала его, следила за ним, гордилась им. Он был первый летчик-чуваш, ставший Героем Советского Союза. Перед самой войной он летал в экипаже Гастелло вторым пилотом. И когда командира перевели в другую часть, Орлов принял у него машину, на хвосте которой стоял номерной знак «2». А сейчас Федот Никитыч написал книгу под названием «Месть голубой двойки». Он рассказывает, как мстил на своем бомбардировщике за гибель Гастелло. Книга эта про войну. А в другой повести Орлов вспоминает детство. И я узнал из нее, что маленький Федя был среди чувашских ребят-сироток, которых во время страшного голода в Поволжье спасла Надежда Константиновна Крупская. Она помогла вывезти их в Подмосковье. Там ребятишек разместили в детских домах (Федя попал в Томилинский), выходили, вырастили... Орлов — я знаю его жизненные планы, мы с ним товарищи — собирается написать и третью книгу. Про то, как испытателем работал после войны. Про трагический случай на Кавказе. Как попал с вертолетом в аварию и свалился в горах. К счастью, старик пастух видел его падение, но потребовалось трое суток, пока спасатели добрались до ущелья, где он лежал. Он был без памяти и пробыл в беспамятстве еще тридцать два дня. Год лечился. И пять лет потом еще летал. Головные боли мучили его и заставили все-таки уйти из авиации. Мог бы не работать — пенсия. Работает. Контрольным мастером на электроаппаратном. Через его руки проходит вся продукция на экспорт. И, как я уже сказал, книги пишет... Дома в платяном шкафу у Федота Никитыча семьдесят галстуков. Все красные, пионерские. Он почетный пионер в семидесяти школах республики. И во всех бывает, со всеми в переписке... Когда Андриян Николаев приехал в Чебоксары после полета в космос, они встретились с Орловым, и космонавт сказал старому летчику: «В юности я читал про вас и хотел стать таким, как вы...»

Нас с Федотом Никитычем часто приглашают на различные торжества в городе. Недавно вот присутствовали с ним на закладке памятника Ивану Яковлевичу Яковлеву, великому нашему просветителю, «чувашскому Ломоносову», создавшему для своего народа письменность. С помощью Ильи Николаевича Ульянова Яковлев открыл десятки называвшихся тогда инородческими школ для чувашей. В память об этом два высших учебных заведения в Чебоксарах носят их имена: университет — имя Ульянова, а пединститут — Яковлева. Во время закладки памятника я стоял как раз на трибуне рядом с проректором института Волковым Геннадием Никандровичем. Он профессор, доктор педагогических наук, молодой доктор, 42 года ему. И кончал, между прочим, школу, открытую когда-то Яковлевым в селе Яльчики. С Волковым я давно знаком, неоднократно слушал как пропагандист его лекции на семинарах. А тут как-то он выступал по чебоксарскому телевидению. Тема была «Ленин и Чувашия». Интереснейшая беседа, и я по пропагандистской привычке многое записал себе в блокнот.

Известно, как Ленин помог Яковлеву. Это произошло в первый год Советской власти. Кто-то пытался отстранить старика от заведования Чувашской учительской семинарией. Он посетовал на то в письме сыну, профессору-историку, который жил в Москве. Алексей Иванович, знавший Ильича с детства, встречавшийся с ним в эмиграции, отправился с жалобой отца в Кремль. И в симбирский Совдеп тут же ушла телеграмма председателя Совнаркома: «...Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни». Имеется также записка Владимира Ильича управляющему делами Совнаркома с просьбой послать в Совдеп вторую телеграмму по поводу Яковлева. И есть еще такая телеграмма в Симбирскую губчека: «Не выселяйте старика Ивана Яковлевича Яковлева и его жену из квартиры. Об исполнении сообщите».

Эти документы широко известны. А сейчас внуки Яковлева, живущие в Москве, передали через профессора Волкова в дар Чувашии 162 письма деда своему сыну, их отцу. Письма еще не опубликованы, но Геннадий Никандрович изложил содержание некоторых из них, где упоминается Ленин. Таких десять, и все они говорят о том, как Владимир Ильич интересовался Чувашской учительской семинарией, вникал в детали ее жизни, способствовал превращению этой школы в институт народного образования. В одном письме Яковлев просит сына передать Ленину три документа; в другом сообщает, что в результате вмешательства Ленина их из квартиры не выселяют; в третьем просит кланяться Владимиру Ильичу, поблагодарить за сочувствие; в четвертом говорит о своем желании приехать в Москву, встретиться с Лениным, но боится, что не выдержит дороги; в пятом выражает радость по поводу того, что Ленин заинтересовался его статьей; в шестом — я запомнил слова — пишет: «Поговори обо всем этом с Владимиром Ильичем... на него я питаю надежду...» И надежда оправдалась, все, о чем просил старик Яковлев, Лениным было сделано: школу реорганизовали в институт, все ее здания, мастерские, фермы были объявлены по декрету достоянием трудящихся Чувашии.

Узнал я от профессора Волкова еще один примечательный факт. Оказывается, в личной библиотеке Ильича в Кремле хранится семь книг, посвященных Чувашии. И в их числе брошюра Гаврилова «Опыт исследования чувашского земледелия», изданная в Чебоксарах в 1921 году, сразу присланная Ленину и оставленная им у себя. Автор ее, «природный крестьянин», как он назван в предисловии, всю жизнь жил в деревне Тораево, Моргаушского района, состоял в колхозе и умер лишь месяц назад...

...Чебоксарам по документам, по паспорту 500 лет. Республика наша в десять раз моложе своей столицы. 24 июня 1920 года на заседании Совнаркома был решен вопрос об образовании Автономной Чувашской области в составе РСФСР (позже она стала республикой). На заседании присутствовали четыре делегата из Чебоксар. Когда проголосовали, Владимир Ильич сказал, обращаясь к делегатам:

— Желаю успеха всем трудящимся чувашам!

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 38 (2203)

20 СЕНТЯБРЯ 1969

Минута молчания. На переднем плане (справа) Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан и член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

ПРОЩАНИЕ С ХО ШИ МИНОМ

На площади Бадинь во время похорон. Фото В. Соболева (ТАСС).

9 сентября в Ханое состоялась торжественно-траурная церемония похорон Президента Хо Ши Мина. На площади Бадинь, где в 1945 году товарищ Хо Ши Мин провозгласил независимость Вьетнама, собрались тысячи людей, чтобы отдать последний долг любимому Президенту, выдающемуся деятелю международного коммунистического движения. На трибуне находились руководители Партии трудящихся Вьетнама, Национального собрания ДРВ, правительства ДРВ, Отечественного фронта Вьетнама, вьетнамской Народной армии, южновьетнамской делегации вместе с главами делегаций, прибывших в Ханой из разных стран мира. Глава советской партийно-правительственной делегации член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и члены советской делегации выразили вьетнамским товарищам соболезнование по поводу кончины Председателя ЦК ПТВ, Президента ДРВ Хо Ши Мина — большого и верного друга Советского Союза.

С прощальным словом от имени ЦК ПТВ выступил Первый секретарь ЦК ПТВ товарищ Ле Зуан. Затем было оглашено завещание Президента Хо Ши Мина.

Минута молчания. Потом над площадью прогремел прощальный артиллерийский салют...

СКОЛЬКО ИХ БЫЛО, АТАК!

Александр Борисович Михайлов в дни войны и в дни мира.

21 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ РАБОТНИКА ЛЕСА

ХОЗЯЕВА

Зеленый дол... При этих словах в воображении возникают тенистые дубравы, пронизанный солнцем березняк, мохнатый ельник, торжественные ряды корабельных сосен. В Татарии есть целый район, который так и называется Зеленодольский. И не случайно: здесь раскинулся огромный лесной массив. В нем вольготно живется не только сосне и ели, но и липе, ясеню, сибирскому кедру, амурскому бархату. Чудесные места для отдыха! И нескончаемым потоком тянутся в здешние санатории, дома отдыха, пионерские лагеря жители Казани, Зеленодольска, Волжска.

Приедут горожане, отдохнут и уедут. А в зеленодольских кущах остается жить большой и дружный коллектив людей, для которых лес — рабочее место. Здесь на площади 16 568 гектаров расположился Зеленодольский опытно-показательный механизированный лесхоз. Предприятие заслуженное, по праву слывущее одним из лучших в Российской Федерации. Совсем недавно главный лесничий Ю. А. Игонин был удостоен Золотой медали ВДНХ.

Не случайно в названии этого лесхоза присутствует слово «механизированный». Подготовка почвы, посев семян, уход за посевами, рубка леса — все делается с помощью машин. Впрочем, есть и более прогрессивные методы, например, химический уход за молодняком. Эффект получается весьма ощутимый: этот метод повышает производительность труда даже

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

Недавно журнал «Огонек» принимал у себя ливанскую делегацию литераторов и издателей, в состав которой входили Генеральный секретарь Союза писателей Ливана прозаик и драматург, редактор журнала «Аль-Адаб» («Литература») Сухейль Идрис; поэт, редактор и издатель журнала «Мауакиф» («Позиция») Адонис; переводчик и издатель журнала «Аль-Улум» («Наука») Муин Баальбеки; критик и редактор журнала «Аль-Сакафа Ара-

Только что отгремели залпы салюта, посвященного Дню танкиста. Вся страна праздновала этот День. Я расскажу об одном человеке, который имеет к празднику прямое отношение.

...Этому снимку четверть века. Он открывал 47-й номер «Огонька» за 1944 год. Возле люка танка «Т-34» — гвардии младший лейтенант Александр Михайлов. Командир танкового взвода, он не раз отличался в боях. Примером для него был командир батальона, гвардии майор Андрей Мамалуй. Вскоре А. Мамалуй геройски погиб. Новый комбат объявил Михайлову: «Передаем танк героя вам. Надеюсь, будете достойны его славы».

Танк героя попал в надежные руки. Получен приказ: подавить огневые точки, сорвать контратаку врага. Подавлено вражеское орудие, смят пулеметный расчет, уничтожена еще одна пушка. Подбиты два фашистских танка. Но тут сильный удар сотряс танк Михайлова. Перебита гусеница, машина загорелась. Через несколько минут опять бой, на этот раз рукопашный.

Несколько сот метров отделяли командира взвода от своих. Почувствовал, как силы покидают его: перебита рука, несколько пулевых ранений. И уже совсем близко от своих наткнулся на группу гитлеровцев, отступавших под ударами гвардейцев. Они сдались в плен истекавшему кровью танкисту.

Сколько их было, атак и маршей, огневых поединков!.. Семь раз горел, четыре раза был ранен... На гимнастерке Александра Михайлова засверкала Золотая Звезда.

Сегодня полковник Александр Борисович Михайлов свой боевой опыт, знания передает молодым танкистам.

Полковник В. ДОСЕКИН

ЗЕЛЕНОГО ДОЛА

по сравнению с механизированным уходом в двенадцать с половиной раз.

Работники лесхоза — мастера на все руки. Древесину перерабатывают здесь же, в лесхозе. Изготовляют мебель и другие нужные вещи. А из отходов делают хвойно-витаминную муку, мочало, веники, оглобли, корзины. Лесхоз выпускает 76 наименований разнообразной продукции.

Помогают зеленодольцы и местным колхозам и совхозам. Каким образом? Создают защитные лесополосы. Места здесь овражистые, почвы подвержены эрозии. Лучшее лекарство против этих болезней земли — защитное лесоразведение. За двадцать лет лесхоз создал или помог создать протянувшиеся на 454 километра полезащитные полосы и на 177 километров приовражно-балочные. В результате заметно повысилась урожайность зерновых.

Заслуженную славу стяжал коллектив и серьезной опытно-исследовательской деятельностью. Зеленодольские специалисты тесно сотрудничают с Татарской лесной опытной станцией.

На утренней зорьке уходят в лес зеленодольцы. А возвращаются частенько уже на закате. Потому-то и стоит здесь красавец лес — частый, крепкий, ухоженный. Одаряет людей ягодами, грибами, вкусной родниковой водой, целебным воздухом, настоянным на хвое.

Н. ВЛАСОВА

бия» («Арабская культура») Жозеф Мугайзель; редактор журнала «Ат-Тарик» («Путь») Мухаммед Дакруб; критик, литературовед Хуссейн Мурувве; профессор университета, критик Мухаммед Надж и секретарь редакции журнала «Аль-Адаб» Анда Идрис.

Ливанские гости приглашены в Москву правлением Союза советских писателей для участия в симпозиуме «Литература и общество». Они проявили большой интерес к работе журнала «Огонек». В беседе с ливанскими гостями принимали участие секретарь правления Союза писателей Грузии Иосиф Нонешвили и поэт Кайсын Кулиев.

На снимке: ливанские гости и советские писатели в редакции «Огонька».

Фото А. Гостева.

Встреча в Пекине Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и Премьера Государственного совета КНР Чжоу Энь-лая

11 сентября 1969 года по взаимной договоренности в Пекине состоялась встреча Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, возвращающегося из ДРВ в Москву, с Премьером Госсовета КНР Чжоу Энь-лаем.

Обе стороны откровенно разъяснили свои позиции и провели полезную для обеих сторон беседу.

С советской стороны на встрече присутствовали секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев и заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов.

С китайской стороны на встрече присутствовали заместитель Премьера Госсовета КНР Ли Сянь-нянь и заместитель Премьера Госсовета КНР Се Фу-чжи.

На снимках: встреча А. Н. Косыгина и Чжоу Энь-лая в Пекине.

Фото В. Соболева (ТАСС) и Л. Носова (АПН).

Наш взгляд

«ПОП-МУЗЫКА» ЭТОГО НЕ ЗАГЛУШИТ

Викентий МАТВЕЕВ

Последние номера американских журналов заполнены репортажами из Вудстока — небольшого поселка в штате Нью-Йорк. «Лайф» отводит десять страниц описаниям и иллюстрациям, посвященным фестивалю «рокк» и «поп-музыки», состоявшемуся там во второй половине августа. Заголовок «Тайма» говорит о «крупнейшем эпизоде в истории». Сделаем, конечно, скидку на склонность журнала к сенсации. Но все же когда на лужайках перед наспех сколоченными подмостками собирается примерно полмиллиона юношей и девушек со всех концов Соединенных Штатов Америки,— явление это незаурядное. Они располагались в палатках и под открытым небом, ютились в сараях и амбарах, эти бородатые юнцы с транзисторами, гитарами, девушки с взлохмаченными прическами и в мини-одеждах, спрессованные в одну «коммуну», делившиеся едой, напитками, сигаретами, а главное, наркотиками, кои были заготовлены для них ловкими коммерсантами более щедро, чем питьевая вода и продукты. Наркотиками торговали открыто.

На второй день фестиваля закрапал дождь, а на третий хлынул ливень. Вудсток не опустел. Репортеры сравнивали потом барахтавшихся в грязи людей с червями. Разворот в «Лайфе» запечатлел покрытые водой лужайки Вудстока, ставшие похожими на поля сражений, побоища: сотни людей полегли в беспорядке на землю. Наркотики сделали свое дело. Фоторепортерам было где развернуться, и в печати появились снимки, говорящие яснее всяких слов, что в сегодняшней Америке нормы журналистики не выше норм чикагских стриптизов.

Динамики гудели над Вудстоком круглые сутки. Однако музыка даже самого экстравагантного толка была не причиной, а поводом для гигантской сходки. По словам психоаналитика Ролло Мэя, Вудсток демонстрирует громадную тягу американской молодежи к общению, к чувству локтя. На эту тему пишут сейчас американские комментаторы, оценивая происшедшее в Вудстоке. И они, очевидно, правы. Но это еще не вся правда.

В числе выступавших ансамблей там была группа из Сан-Франциско с чудным названием — «Самолет Джефферсона». Ее девиз — четверостишие, звучавшее в Вудстоке:

> Смотрите, что делается на улицах,
> Идет революция, идем к революции,
> Гэй, я танцую на улице,
> Идет революция, идем к революции...

Цитирую по «Тайму». Любопытно, что журнал не проявляет тревоги от склонения слова «революция», пока оно звучит в аудитории, одурманенной парами марихуаны. Но журнал признает, что «рокк-фестиваль стал своего рода эквивалентом политического форума для молодежи». Ибо — снова цитирую журнал — «молодые люди, не колеблясь, заявляют, что самое рациональное и техническй развитое общество привело к расизму, репрессиям и бессмысленной войне в джунглях Юго-Восточной Азии».

Вот что важно.

На фестивале в Вудстоке большинство составляла студенческая молодежь. Стоит вспомнить в связи с этим, что за 1967/68 учебный год в США произошло более 150 крупных студенческих волнений. Они продолжают нарастать. Еще показательнее мотивы студенческих выступлений. В том же 1967/68 году 27 раз студенты выступали против зловещего бизнеса компании «Доу кемикл», занятой производством напалма.

Помню, с каким возмущением говорили мне о деятельности этой компании студенты одного из колледжей Сан-Францисского университета, когда я был там весной 1968 года. Разговор шел в уютном доме одного из преподавателей университета — на вершине холма, откуда открывался красивый вид на ночной город с мириадами сверкавших огней. Теплый ветер доносил в комнату соленые запахи Тихого океана. Было мирно и спокойно, но каким обманчивым было это спокойствие!.. Спустя несколько месяцев я прочел в газетах о кровавых столкновениях в Сан-Францисском университете между студентами и полицией. Может быть, в схватках участвовала и сидевшая рядом со мной славная девушка-студентка, которую ее друзья назвали активисткой движения протеста против «Доу кемикл», хотя ее отец занимает в компании ответственный пост.

За последние годы невиданных для США размеров достигло антивоенное движение, со многих трибун в стране прозвучал лозунг: «Без новых Вьетнамов!», миллионы американцев начали переосмысливать то, что лежит тяжелым бременем на совести их страны.

Соединенные Штаты находятся в состоянии сильного брожения. Тысячи и тысячи людей ищут ответы на мучающие их вопросы. И тысячи — не надо закрывать на это глаза — попадают в расставленные ловушки. В том числе и молодежь. Буржуазная пресса утверждает, что многие юноши и девушки в США ищут спасения в наркотиках. Что ж, верно, употребление наркотиков в США растет. Но спасения в наркотиках и других средствах притупления социального сознания ищут, по сути дела, столпы господствующего в стране порядка. Если надо, они не останавливаются перед самым суровым законодательством. Почему же не принимается мер против бизнеса, основанного на сбыте наркотиков? Видно, потому, что это отдушина для уменьшения давления во внутреннем политическом котле США.

«Поп-музыка» с марихуаной в Вудстоке не заглушает и не затмевает сложности внутреннего положения в США. Наоборот, лишь подчеркивает это.

За океаном потому и пускают в ход самые изощренные средства затуманивания умов, что власти опасаются политической активизации широких масс. Но мыслящие американцы, среди которых много молодежи, поднимают голоса против преступлений и уродств того общества, в котором они живут.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Сергей ДМИТРИЕВ

Никто теперь уже не сомневается в том, что так называемая «шестидневная война» израильских агрессоров против соседних арабских стран вылилась в длительную, изнурительную для самого Израиля войну. Отмечая это, Генеральный секретарь Коммунистической партии Израиля Меир Вильнер недавно говорил: «Кровь льется свыше двух лет на Среднем Востоке. «Шестидневная война» продолжается в действительности свыше семисот дней». Сейчас кровопролитие длится уже более 800 дней.

Агрессия не принесла Израилю мира и «обеспеченных» границ, о которых все еще болтают некоторые политические и военные деятели на холмах сионских в древнем Иерусалиме. Выбросив в горнило этой агрессивной войны только за первые шесть дней более одного миллиарда американских долларов (это подсчитал некоторое время тому назад бывший министр финансов Израиля, а ныне генеральный секретарь правящей израильской партии труда МАПАЙ Пинхас Сапир), правящие сионистские круги страны не достигли тем не менее поставленных перед собой задач. Потерпели полный провал их планы свержения прогрессивных режимов в Объединенной Арабской Республике и в Сирии, агрессору не удалось заставить соседние арабские страны капитулировать и сдаться на милость израильской военщины, как на то рассчитывали в Тель-Авиве и в столицах некоторых западных держав.

Правда, используя момент внезапности и сосредоточив в стратегически важных в военном отношении пунктах полностью отмобилизованную к тому времени и оснащенную современными видами оружия 300-тысячную армию, израильским агрессорам удалось на время захватить у арабов территории, в три с лишним раза превышающие территорию собственно Израиля. Но это была «пиррова победа», не только не решившая ни одной из тех многих проблем, которые накопились в арабо-израильских отношениях со времени создания государства Израиль двадцать один год назад, но еще более осложнившая эти проблемы.

Для каждого непредубежденного читателя является очевидным тот факт, что болтовня израильско-сионистской пропаганды о «гуманизме» израильских оккупационных властей, о стремлении правящих кругов Израиля к миру и дружбе со своими арабскими соседями — все это на поверку оборачивается ложью, цинизмом и лицемерием. Так и приходят на память слова бывшего руководителя корпуса наблюдателей ООН на Ближнем Востоке шведского генерала Карла фон Хорна, который, говоря об израильско-сионистской пропаганде, писал: «Никогда я не мог представить себе, чтобы правду могли искажать так цинично и с такой легкостью». Примеров этому больше чем надо: новые сотни тысяч палестинских беженцев, силой изгнанных гаулейтерами генерала Моше Даяна со своих родных мест, массовые убийства и кровавые расправы в застенках «шинбета» (израильская тайная разведка) с палестинскими патриотами, с женщинами, стариками и детьми, тысячи разрушенных домов и жилищ в библейских городах — Иерусалиме, Хевроне и других, наконец, варварские налеты воздушных пиратов Израиля на мирные города и населенные пункты соседних арабских стран и многое другое.

ШУМЯТ ВИТИИ НА ХОЛМАХ СИОНСКИХ

В своем письме в газету «Лос Гатос Таймс» американский еврей Моше Менухин, отец всемирно известного скрипача Иегуди Менухина, писал: «Согласно израильским данным, их собственные потери за шесть дней войны составили 679 убитых и 2 563 раненых, в то время как эта бойня унесла жизнь и здоровье у 115 665 арабов. Если к этим жертвам прибавить еще более 260 тысяч новых арабских беженцев, если подумать о разрушенных арабских деревнях и взорванных домах, если подумать о тех несчастных, кто остался без крова, или тех, кто ежедневно испытывает на себе террор израильских захватчиков, и если при этом вспомнить, что все это делается вопреки Уставу ООН, запрещающему использование силы и провозглашающему территориальную и политическую неприкосновенность любого государства, то людей, виновных во всем этом, нельзя иначе назвать, как нацисты!»

Таков далеко не полный список кровавых преступлений израильских правящих кругов, все еще продолжающих опираться в этих своих грязных криминальных делах на материальную помощь и моральную поддержку как международных сионистских организаций, так и некоторых империалистических государств, и прежде всего Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германии. Разве можно когда-либо подумать, чтобы такая маленькая страна, без достаточных материальных, сырьевых и человеческих резервов, как Израиль, могла бы ежедневно тратить почти четыре миллиона израильских фунтов на войну против арабских стран, если бы не было финансовой и материальной помощи и поддержки со стороны финансовых сионистских магнатов или со стороны нефтяных и других королей и власть имущих, спокойно взирающих на борьбу между евреями и арабами, сидя у сейфов в Бонне, Нью-Йорке, Вашингтоне, Лондоне и Цюрихе?

Лживая пропаганда израильских правящих кругов об их якобы «гуманном» обращении с населением оккупированных территорий, стремлении к миру и дружбе со своими арабскими соседями решительно опровергается и пиратскими действиями израильской военной авиации против гражданских объектов и населенных пунктов на территории Сирии, Ливана и Иордании. Израильские варвары вывели из строя целую оросительную систему, питавшую водой поля арабских крестьян в долине реки Иордан. А разве десятки арестованных мирных жителей района Газы, повальные облавы и аресты арабов в Рамалле и старом Иерусалиме 13 и 14 августа не разоблачают сионистскую версию о «гуманном отношении» израильской военщины к арабскому населению? Таковы факты, так действуют новоявленные «миролюбцы» и «гуманисты» из Тель-Авива. Израильские правящие круги выступают в роли пруссаков Ближнего Востока, зарящихся на чужие земли и мечтающих о присоединении к Израилю чуть ли не всех территорий, силой захваченных ими. Факты показывают, что в эти арабские земли израильские сионисты вцепились ныне с алчностью Шейлока.

Об одном забывают в Тель-Авиве и на холмах сионских в Иерусалиме: политика разбоя и захватов осуждена народами. Она уже привела агрессора к полной изоляции на международной арене. Подтверждением этому стало недавнее единодушное решение Совета Безопасности, осуждающее израильских агрессоров, которые совершили нападение на южные районы Ливана.

Политика агрессии, несомненно, до предела осложнила и внутриполитическую обстановку в самом Израиле.

Поступающие из Тель-Авива сообщения показывают, что по мере приближения общеизраильских выборов в кнессет (парламент), назначенных на 28 октября, борьба между отдельными политическими партиями и группировками резко обостряется. Сложившаяся в стране обстановка сказывается и на положении внутри самой правящей партии МАПАЙ, где дело доходит в последние недели до открытых схваток в самом руководстве партии. Известно, что всего лишь несколько месяцев тому назад руководители Израильской партии труда во всеуслышание заявляли о «монолитном» единстве партии, о том, что впервые так называемые «рабочие партии» разных политических оттенков, включая МАПАЙ, Ахдут Гаавода, РАФИ и, наконец, так называемую левую сионистскую партию МАПАМ, объединились в один мощный блок, располагающий подавляющим большинством депутатов в нынешнем составе кнессета.

И вот теперь этот «мощный» блок дал трещину. Как и ожидалось, во главе раскольников встал лидер израильских «ястребов» и один из руководителей бен-гурионовской группировки РАФИ, генерал Моше Даян. При объединении с партией МАПАЙ в начале 1968 года руководители РАФИ выставили ряд политических требований-условий, которые после горячих дискуссий с известными оговорками и поправками были в конце концов приняты тогдашним руководством партии в составе покойного Леви Эшкола, Голды Меир, Игала Аллона и других. Однако и после этого своеобразного «брака по расчету» между Леви Эшколом и его соратниками по партии МАПАЙ, с одной стороны, и руководством РАФИ в лице Шимона Переса, Моше Даяна, Йосефа Альмоги и других—с другой, остались серьезные разногласия.

Они затрагивали не только область внешней политики и, в частности, вопросы, связанные с урегулированием арабо-израильского конфликта, но также и внутриполитическую жизнь Израиля. Так, чтобы расчистить путь к открытой диктатуре буржуазии, руководители РАФИ продолжают настаивать на требовании, в свое время выдвинутом престарелым «отцом нации» Давидом Бен-Гурионом, о необходимости отказаться от ныне существующей системы пропорционального представительства отдельных партий в кнессете и заменить ее так называемой мажоритарной системой.

Нетрудно догадаться, что это требование бенгурионовцев прежде всего направлено против прогрессивных, демократических сил и организаций страны.

Руководители РАФИ не отказались также и от своего старого требования изменить всю систему образования в Израиле. Речь идет в данном случае о таком изменении системы образования, которая в случае ее осуществления превращала бы израильских девушек и юношей в ультрашовинистов, реакционных националистов и отпетых расистов.

Но главное сейчас, разумеется, не в этом. Серьезнейшая грызня, которая имела место в Тель-Авиве некоторое время тому назад между премьер-министром Голдой Меир и министром обороны генералом Моше Даяном на заседании руководящего комитета партии, отражает всю глубину разногласий между ними по основному вопросу сегодняшнего дня — о путях и средствах выхода из тупика, в котором оказалась страна в результате вероломного нападения на соседние арабские страны в июне 1967 года. Эти острые разногласия со всей силой проявили себя в ходе работы закончившегося 6 августа съезда Израильской партии труда, принявшего избирательную платформу партии на выборах в кнессет 28 октября. Говорят, что министр иностранных дел Абба Эбан, поддержанный Голдой Меир и другими, решительно выступил против предложений группы «ястребов» во главе с Даяном о необходимости того, чтобы съезд уже сейчас определил границы Израиля и, по существу, поставил соседние арабские страны перед совершившимся фактом. Моше Даян и его сторонники не пошли на съезде на открытый разрыв, они проиграли первый бой против Голды Меир и ее сторонников, но рано еще говорить, что они проиграли все сражение.

Идея урегулирования конфликта с арабскими странами мирными, политическими средствами, вывод израильских войск с захваченных арабских территорий, как это предусматривает ноябрьская (1967 года) резолюция Совета Безопасности, с каждым днем находит все больше сторонников в Израиле. В необходимости такого урегулирования убеждает простого труженика Израиля и не одурманенного сионистской пропагандой о «великом Израиле» израильского интеллигента безусловная изоляция страны на международной арене, безысходность положения, в которое поставило страну нынешнее руководство, и, наконец, с каждым днем ухудшающееся материальное положение населения, о чем не преминул сказать даже такой «защитник» интересов трудящихся, как отъявленный экстремист, бывший генеральный секретарь партии РАФИ Шимон Перес, когда он выступал в Тель-Авиве на съезде партии МАПАЙ.

Рвущийся к власти генерал Даян готов сотрудничать с любой правой партией, не исключая и ультрареакционной партии Менахэма Бегина «Херут». В этой связи нельзя считать случайным заявление Моше Даяна, сделанное им некоторое время тому назад, о том, что позиция партии «Херут» в вопросе о будущих отношениях с арабскими странами и о путях урегулирования ближневосточного конфликта для него значительно ближе и является более приемлемой, нежели позиция руководства его собственной партии. Генерал Даян даже демонстративно покидал заседание руководящего комитета своей партии в знак протеста против неугодных ему высказываний и критических замечаний в его адрес со стороны руководства партии. Вскоре после этого инцидента Голда Меир вынуждена была буквально бежать с заседания фракции РАФИ под аккомпанемент оскорбительных выкриков и неистовый свист участников этого заседания.

Нельзя исключать возможность того, что нынешние схватки в руководстве правящей партии приведут рано или поздно и открытому выходу из нее группы Даяна—Переса. Так позволяют думать выступления этих двух «ястребов» на съезде партии МАПАЙ в Тель-Авиве. Как Даян, так и Перес выступили на съезде с предложениями, которые идут вразрез с политической линией руководства партии. В этой связи нельзя пройти мимо выступления на том же съезде старого и опытного в межпартийной драке конформиста Исраэля Галили, который ратовал за то, чтобы «забыть все внутрипартийные разногласия».

Не исключено, что мы будем свидетелями серьезных взрывов на холмах иерусалимских в самом недалеком будущем.

Да, неспокойная осень у Израиля в нынешнем году.

К 25-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЭСТОНИИ ОТ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ГВАРДЕЙСКАЯ ОСЕНЬ

Генерал-лейтенант Лембит П Э Р Н, бывший командир 8-го эстонского таллинского гвардейского корпуса

В начале февраля 1944 года войска Ленинградского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Л. А. Говоров, захватили небольшой плацдарм на западном берегу реки Нарвы, у города того же названия. Клочок выжженной военным огнем, перепаханной снарядами и минами земли размером тридцать пять километров по фронту и около пятнадцати в глубину.

Конечно, в масштабах крупнейших, небывалых по размаху и напряжению сражений, которые гремели в те дни на всем огромном протяжении советско-германского фронта от Черного до Баренцева морей, захват плацдарма на Нарве был в общем-то событием рядовым.

Но для солдат и офицеров нашего 8-го эстонского корпуса этот плацдарм был преисполнен величайшего значения. Это была земля Эстонии...

Наконец-то он наступил, долгожданный час, к которому мы шли долгие военные дни и ночи, через сражения и бои, через горечь потерь, через радость побед...

Еще в первых боях на родной земле приняли участие эстонский территориальный корпус, таллинский и нарвский рабочие полки и семнадцать истребительных батальонов, созданных в нашей республике из добровольцев.

Упорные бои, которые пришлось выдержать воинам-эстонцам совместно с бойцами 8-й и 11-й армий, продолжались до 1 сентября, а на островах Моонзундского архипелага — до 3 декабря 1941 года...

Эти бои надолго отвлекли значительные силы врага от колыбели революции — Ленинграда и в конечном итоге сыграли немалую роль в провале гитлеровского блицкрига... Рабочие полки, части эстонского территориального корпуса, истребительные батальоны и другие подразделения послужили ядром 8-го корпуса, формирование которого было начато на Урале, а завершено в Коломне. В октябре 1942-го 8-й эстонский корпус, командование которого было возложено на автора этих строк, вступил в бой...

Я не случайно вспоминаю историю нашего корпуса. Теперь, спустя почти четверть века после окончания войны, предатели эстонского народа, выполняя задание своих империалистических хозяев, пытаются доказать, будто народ Эстонии не участвовал в боях с гитлеровскими захватчиками. В частности, фашиствующие псевдоисторики-эмигранты Олмаа и Вармаса, повторяя зады геббельсовской пропаганды, утверждают, что «в боях на территории Эстонии... получил громкую известность эстонский красный корпус, в котором большинство командиров, а также большая часть личного состава были русские».

В действительности же даже после тяжелых боев, которые пришлось выдержать корпусу с тех пор, как он вступил в бой,— к лету сорок четвертого его национальный состав насчитывал более восьмидесяти процентов воинов-эстонцев и менее 20 процентов бойцов других национальностей, в том числе примерно 16 процентов русских, в основном уроженцев Эстонии... А командный состав корпуса состоял из эстонцев на 93,3 процента.

Наш корпус представлял собою мощное боевое соединение, численно ненамного меньше, чем вся армия буржуазной Эстонии. В его состав входили 7-я и 249-я эстонские дивизии, корпусные части, сформированные по штатам повышенного типа, 45-й и 221-й отдельные танковые полки «Лембиту» и «За Советскую Эстонию» и 87-я отдельная авиаэскадрилья «Тазуя», самолеты которой были приобретены на средства, собранные эстонцами.

До того, как вместе с другими частями и соединениями Советской Армии вступить на эстонскую землю, наш корпус принимал участие в освобождении от врага Великих Лук, Невеля и Новосокольников... А на родной земле мы вместе с другими войсками нашего фронта освобождали Нарву, Таллин, Хаапсалу, Курессааре, пять портов и немалое число небольших городов, местечек, сел...

О боевых успехах солдат и офицеров эстонского корпуса, об их патриотизме и самоотверженности можно судить и по тому, что воинам было вручено более 20 тысяч орденов и медалей СССР, а 13 человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Таким был наш корпус.

Но и наш корпус, хоть, как я уже говорил, по численности (не говоря уж о вооружении) был вполне сопоставим со всей армией буржуазной Эстонии, не являлся единственной боевой единицей эстонского народа, сражавшейся против гитлеровских захватчиков... Несмотря на жесточайший режим и массовые расстрелы, несмотря на целую сеть тюрем и концлагерей, гитлеровцы не смогли сломить воли эстонского народа, который знал, был уверен, что родная страна, Советская Армия не оставят его в беде.

В 1942 году в Москве был создан Эстонский штаб партизанского движения, который возглавил секретарь ЦК КПЭ Н. Каротамм. К началу 1943 года все важнейшие транспортные магистрали врага находились под контролем эстонских партизанских отрядов. А всего на территории Эстонии действовали три крупных партизанских бригады и более шестидесяти организаторских и разведывательных групп.

В боях за Родину трудящиеся Эстонии понесли тяжелые потери. Погибло около 60 процентов всего состава республиканской партийной организации и почти 75 процентов комсомольской. Треть сотрудников ЦК компартии республики и более половины работников волостных комитетов партии.

А сколько эстонцев сложили головы в гестаповских застенках, в лагерях смерти, сколько было убито без суда и следствия на улицах городов и сел...

Но народ Эстонии не дрогнул, не покорился. Население республики принимало участие в мужественной борьбе, которую вели партизаны и подпольщики. Оно добывало нужные сведения о маневрах и замыслах врага, снабжало продовольствием, укрывало раненых.

Господа эмигранты типа Олмаа и Вармаса попытаются игнорировать эти факты. Побудительные причины ясны: за правду этим господам попросту не будут платить.

Однако вернемся к плацдарму на западном берегу Нарвы. На рубеже рек Нарва, Чудского и Псковского озер фронт надолго стабилизировался, хотя обе стороны время от времени предпринимали атаки, стараясь улучшить свои позиции. Советское командование весной и летом 1944 года сосредоточило свои усилия южнее. К концу июля наши войска продвинулись на центральных фронтах до пятисот километров, полностью освободили Белоруссию, большую часть Литвы, значительную часть Латвии, часть Польши и вышли широким фронтом к границам Восточной Пруссии.

Пока шла Белорусская операция, командование двух фронтов — Ленинградского и Прибалтийского — осуществило на территории Эстонии две операции местного значения в целях расширения плацдарма для будущего решающего наступления. Первая из этих операций — Нарвская — началась 25 июля 1944 года. Неожиданно для противника соединения 2-й ударной армии генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского еще раз форсировали реку Нарву севернее города Нарвы и во взаимодействии с 8-й армией генерал-лейтенанта Ф. Н. Старикова 26 июля освободили город. А к исходу 27 июля вышли на подступы к укрепленному гитлеровцами рубежу — «Танненберг» на линии Муммасааре, Тамби, Кирикукюла. Прорывать укрепленный район «Танненберг» лобовыми атаками было нецелесообразно. Обойти фланги — невозможно. На севере «Танненберг» упирался в Финский залив, на юге — в Чудское озеро...

Вот он — долгожданный Таллин!..

Фото Б. Кудоярова.

Первые встречи на улицах освобожденной эстонской столицы.

Поэтому дальнейшее продвижение на этом участке временно было приостановлено.

Вслед за Нарвской операцией войска 3-го Прибалтийского фронта провели Тартускую операцию, в результате которой усилиями 1-й ударной армии генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева и 67-й армии генерал-лейтенанта В. З. Романовского была очищена от немецко-фашистских захватчиков юго-восточная часть Эстонии с городами Тарту, Эльва и Выру, а на северном берегу реки Эма-Йыги в районе Тарту был захвачен еще один плацдарм. Захваченные советскими войсками плацдармы на Нарве и Эма-Йыги сыграли в последующем большую роль.

Для окончательного разгрома немецко-фашистской группы армий «Север» (состоявшей из 56 дивизий — в том числе пяти танковых и двух моторизованных,— 3 моторизованных бригад и насчитывавшей 1 216 танков и самоходок, около 7 тысяч орудий и минометов и до 400 боевых самолетов) и завершения освобождения Советской Прибалтики Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в конце августа 1944 года поставил перед войсками Ленинградского, Третьего, Второго и Первого Прибалтийских фронтов задачу нанести ряд сильных одновременных ударов по вражеской группировке с целью ее расчленения и уничтожения по частям. Основные усилия войск Прибалтийских фронтов сосредоточивались на рижском направлении. На Ленинградский фронт и Балтийский флот возлагалась задача разгрома оперативной группы «Нарва» и освобождения Эстонской ССР.

Командующий войсками Ленинградского фронта Маршал Советского Союза Л. А. Говоров решил во второй половине сентября 1944 года провести при тесном взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом Таллинскую операцию. Ближайшая задача операции заключалась в нанесении главного удара из района Тарту в общем направлении на Раквере с целью разгрома основных сил вражеской оперативной группы «Нарва». После этого наши войска начали наступление на Таллин.

Во исполнение замысла Маршала Советского Союза Л. А. Говорова командующий 2-й ударной армии генерал И. И. Федюнинский решил нанести противнику два концентрических удара. Первый — силами 8-го эстонского и 30-го гвардейского (командующий генерал-лейтенант Н. П. Симоняк), стрелковых корпусов с рубежа Кастре, Луунья в направлении Маарья-Магдалэена, второй — силами 108-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта В. С. Поленова — восточнее Тарту в направлении Ауду, Пыльтсамаа.

Утром 17 сентября 1944 года в 8 часов 20 минут, через три дня после начала общего наступления

советских войск Прибалтийских фронтов, когда все внимание противника было обращено на рижское направление, войска 2-й ударной армии неожиданно для врага перешли в наступление и в тот же день прорвали вражескую оборону. Ширина прорыва достигала 30, а в глубину наши части продвинулись на 17 километров. На другой день войска армии продвинулись еще на 25—30 километров.

Командующий вражеской оперативной группы «Нарва» генерал Грассер, подсчитав потери, в ночь на 19 сентября начал отводить свои войска.

К вечеру 20 сентября (на 4-й день операции) части 2-й ударной армии вышли на рубеж Авинурмеэ, Рахула, Роху, Куртна, Ауду, Пыльтсамаа. Вражеские соединения, обороняющие западнее Нарвы рубеж «Танненберг», опасаясь попасть в окружение, начали отход. Теперь перешла к преследованию противника и 8-я армия. За два дня она преодолела 70 километров и 21 сентября овладела Раквере. С утра 22 сентября главные силы 2-й ударной армии после сложной ночной перегруппировки начали наступление на Пярну. А наш эстонский корпус повернул на Таллин. Нам была предоставлена честь освободить от врага столицу своей республики. Небывалый подъем охватил части корпуса. Передовой моторизованный отряд под командованием полковника В. Вырна в течение ночи на 22 сентября с боями двинулся по тылам врага и, пройдя 120 километров в отрыве от главных сил корпуса, к утру пробился на подступы столицы и ворвался в Таллин. К 14 часам город был освобожден. Почти одновременно с передовым отрядом эстонского корпуса в Таллин вошел наступавший по Нарвскому шоссе передовой отряд 117-го корпуса генерал-майора В. А. Трубачева, входившего в 8-ю армию.

В 1 час 30 минут 23 сентября, преодолев заграждения в Таллинской бухте, в Таллинский порт вошли торпедные катера Краснознаменного Балтийского флота.

С неописуемой радостью встречали трудящиеся Таллина свою освободительницу — Красную Армию. Жители толпами выходили на улицы. Радость таллинцев переходила в ликование, когда в ответ на их приветствия слышалась родная речь бойцов эстонского корпуса. На площади Свободы танкисты оказались среди целых толп счастливых жителей столицы. Они буквально осыпали и танкистов и их боевые машины букетами живых цветов. Люди, избавленные от фашистского ярма, наконец-то вновь почувствовали себя свободными!

В ходе Таллинской наступательной операции с 17 по 26 сентября 1944 года только на материковой части Эстонской ССР противник потерял около 30 тысяч человек убитыми и ранеными. В плен попал 17 281 гитлеровец.

26 сентября соединения Ленинградского фронта завершили освобождение всей материковой части Эстонской ССР.

Через три дня соединения 8-й армии генерала Ф. Н. Старикова, в состав которой вошел и наш 8-й эстонский корпус, при поддержке кораблей Краснознаменного Балтфлота приступили к освобождению островов Моонзундского архипелага.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Эстонский корпус идет по родной земле...

Фото Г. Акмолинского.

Заместитель министра просвещения ЭССР, Герой Советского Союза Арнольд МЕРИ

ПОЧЕМУ СОЛДАТЫ ПОБЕЖДАЮТ?

ВОПРОС. Чем вам запомнился день 22 сентября 1944 года?

ОТВЕТ. Настроением Победы. Мы шли к Таллину ночью, в полной тишине — на одном перекрестке немецкие регулировщики, не услышав голосов и в темноте приняв нас за своих, даже указали нам путь. Мы шли быстро, многие из нас возвращались по той же дороге, по которой отступали в 1941-м, и вспоминались повзрослевшим солдатам их первые бои.

ВОПРОС. Расскажите, когда и где состоялся ваш первый бой?

ОТВЕТ. Летом 1941 года, между Порховом и Дно. Но прежде хотелось бы рассказать о том, за что я и мои товарищи вступили в этот бой. Был один день, определивший для нас и войну и всю последующую жизнь: 21 июня 1940 года. Я служил в то лето в эстонской буржуазной армии, точнее — учился в школе шоферов автотанкового полка. Мы находились в летних лагерях под Таллином, жили в ожидании перемен. Жители рабочей Нарвы осыпали цветами путь вступившей в Эстонию Красной Армии, люди с цветами стояли на путях ее продвижения по Эстонии. Офицеры нашего полка были в большой тревоге. Мы, рядовые, видели, как они заправили машины и спрятали их в кустах. В офицерских палатках появилась гражданская одежда. Учений не было. Мы в бинокль смотрели на башню Длинный Герман — там был укреплен сине-черно-белый флаг буржуазной Эстонии. И вдруг он исчез, и в летнем небе полыхнуло красное знамя. Больше не было сил сидеть и ждать событий. Я на велосипеде помчался в город. Таллин, до того тихий, поразил меня небывалым оживлением. По улицам ходили рабочие патрули с красными повязками. Заводские оркестры играли на площадях, гремели незабытые песни революции. Заводы вышли на демонстрации, рабочие несли свои старые сохраненные знамена с датами «1905» и «1917». Трудящиеся Эстонии, почувствовав себя под защитой пролетарской солидарности, требовали народовластия. В эти дни мы проходили школу политической борьбы рабочего класса и увидели его победу. К вечеру на моей фуражке красовалась пятиконечная звезда, подаренная мне моим сверстником-красноармейцем.

Вскоре я вступил в комсомол. Меня избрали членом горкома комсомола и поручили заниматься созданием комсомольских организаций в эстонских воинских частях. К тому времени, когда эстонские части влились в состав Красной Армии, в них начали работать первичные комсомольские организации.

А тем временем совсем недалеко от эстонских границ, в центре Европы, фашизм уже вел наступление.

Странно, но когда я услышал о начале войны, я не почувствовал отчаяния. Я испытал какое-то другое чувство, которое до сих пор не умею определить одним словом. Я понимал, что не кто иной, а именно мы, наше поколение будет вынуждено дать фашистам бой. Ожидание неизбежной схватки было очень тревожным и тяжелым. Вскоре мы оказались лицом к лицу с врагом.

Эстонский территориальный корпус двинулся из Таллина на псковское направление. Наш батальон расположился между Порховом и Дно. Взвод, в котором я служил, стал на поляне, поросшей кустарником и окруженной лесом. Нас было человек двадцать. Немцев никто здесь не ждал. Они появились внезапно. Конечно, мы могли бы незаметно отойти в расположение основных сил батальона. Но за нами был штаб корпуса. И мы приняли бой. Много ли было немцев? Трудно сказать. Потом говорили, что в кустарнике нашли около сотни трупов уничтоженных нами фашистов. Я сразу же крикнул, чтоб бойцы заняли оборону. Ранения, полученные мною в первые минуты, к счастью, оказались не тяжелыми, и я первое время мог держаться на ногах. Мы отразили несколько атак и остановили врага. Вот, пожалуй, коротко все, что я могу рассказать о первом бое. Потом, в госпитале в Кинешме, я узнал о том, что мне, как командиру подразделения, присвоено звание Героя Советского Союза.

ВОПРОС. Как складывалась дальше ваша военная судьба?

ОТВЕТ. Учился в военно-инженерном училище, затем подал рапорт, и меня назначили во вновь формировавшийся 8-й эстонский корпус помощником начальника Политотдела по комсомолу. Какая бы ни проводилась политическая работа среди молодых солдат, она всегда сводилась к главной цели корпуса — победителями вернуться в Эстонию, в Таллин.

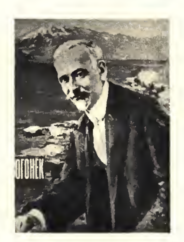
ВОПРОС. Когда началось продвижение на Таллин?

ОТВЕТ. Наверное, правильно было бы ответить: в тот день 1941 года, когда мы оставили его. Но до возвращения прошли еще нелегкие годы военной подготовки и тяжелые бои за Великие Луки, за Новосокольники, за Невель, за Нарву. И вот 21 сентября во второй половине дня командир корпуса генерал Лембит Пэрн отдал приказ — взять Таллин утром следующего дня. Передовая ударная группа нашего корпуса в пути. Авангардные танки колонны «За Советскую Эстонию» вступают в бой, гасят фашистскую контратаку и, форсировав реку, мчатся по шоссе к Таллину. И вот они уже входят в город. Группа капитана Ф. Иванова первой проходит Центральную площадь. Другая группа эстонских танков выскакивает на площадь Победы. Какой-то человек в гражданском бежит навстречу с красным знаменем.

— На Вышгород везите знамя, на Длинный Герман! — кричит он. И вот уже лейтенант Лумисте поднимается на Длинный Герман. И снова красное знамя плещется высоко над городом. Таллин наш!

К 100-летию со дня рождения О. Туманяна

СВЕТ ЛИКУЮЩЕГО СЕРДЦА



Г. МАНАСЯН

Среди создателей многовековой, изумительной по богатству культуры и литературы Армении Ованес Туманян занимает выдающееся место. Все, что создано им за сорок лет творческой жизни — от совершенных по красоте лирических стихов и глубоких по мысли философских четверостиший, от широких и полнокровных по содержанию поэм и баллад, кончая чудесной прозой и полными мудрости сказками и легендами для детей,— все это стало дорогим достоянием народа. Каждый армянин знает и любит творения Туманяна, как каждый русский знает и любит творчество Пушкина, Лермонтова, англичанин — Шекспира и Байрона, немец — Гёте, украинец — Шевченко.

Уместен ли вопрос, почему творчество Туманяна любимо народом и почему эта любовь непреходяща? Мастерство, талант — какими бы широкими и многозначащими ни были эти понятия, они не дают достаточно убедительного ответа, если еще не добавим к этому ту постоянную, неразрывную связь, которую поэт никогда не терял с народом, то, что он главной целью своей жизни, своего творчества считал служение родине, народу.

Туманян был выходцем из народа. Он родился в деревне, и люди ее, их жизнь, стремления и чаяния стали одной из главных тем его творчества. Куда бы ни забрасывала его судьба, впечатления, полученные в детские и юношеские годы, проведенные в селении Дсех, в живописном Лорийском районе Армении, среди величественных гор, глубоких ущелий и шумно бегущих по их дну прозрачно-серебристых рек, оставались всегда свежими и волшебной силой манили его снова туда. Но поэт знал и бесчисленные невзгоды, страдания, бесправие и нищету милых его сердцу тружеников земли, обитающих в этих горах, он знал, как они изнывают под тяжестью непосильных налогов, барщины, податей.

Вчера за податью пришли,
А чем платить? Ведь я сам-друг...
Что снять могу с клочка земли?
Паши, паши, мой верный плуг!
Уходят силы день за днем,
Здоров ли, нет — трудись, как вол,
А малолеток полон дом,
И каждый голоден и гол...—

писал он в стихотворении «Песня пахаря», ставшем одним из шедевров армянской поэзии. А легенда «Шах и разносчик» кончается словами:

Доколе шах и пленник есть,
Хозяин и наемник есть,
Не могут на земле процвесть
Ни счастье, ни любовь, ни честь.

Оставаясь всегда верным принципу народности литературы, великий поэт, создавая свои произведения на фольклорные мотивы, бережно сохранял в них все истинно народное, прогрессивное, очищая их в то же время от чуждых, религиозно-мистических наслоений. Так им были созданы замечательные поэмы «Давид Сасунский», «Взятие крепости Тмук», «Парвана», сказки «Храбрый Назар», «Хозяин и работник» и другие.

Для Туманяна, прекрасно знающего прошлое и настоящее своего народа, достаточно было услышать простодушный рассказ крестьянина или пересказ предания, живущего в памяти народа, чтобы на этой основе написать законченное поэтическое произведение, наполненное народной мудростью.

Громадна роль Туманяна в формировании армянского литературного языка. Он страстно, непримиримо боролся против апологетов «чистого», книжного языка, против тех, кто пренебрежительно относился к народной речи. Он говорил: «Нашим могучим и живым литературным языком должен быть язык, состоящий из народных наречий, «грабара» (древнеармянский книжный язык), и существующего ныне литературного языка». И сам он стремился к такому языку.

Туманян — один из крупнейших представителей армянской реалистической литературы. Реализм он считал единственным творческим методом, способным верно и глубоко отражать действительность. И не случайно поэт решительно отвергал чуждые ему, но модные в его эпоху течения в искусстве: символизм, футуризм, экспрессионизм, акмеизм и другие.

В поэмах «Ануш», «Маро», «Лореци Сако», в рассказах «Гикор», «Каменная баня», так хорошо знакомых миллионам читателей, Туманян с мастерством, присущим великим художникам, изображал типические черты жизни армянской деревни в период распада феодальных отношений.

Социальная тема, тема свободы личности лежит в основе лучшего произведения великого поэта — поэмы «Ануш». Она по праву считается вершиной поэтического гения Туманяна.

Против социальной несправедливости, против строя, основанного на угнетении и эксплуатации большинства меньшинством, направлены такие замечательные произведения Туманяна, как рассказ «Гикор», поэма «Стоны» и многие другие. Рассказ «Гикор» армянская дореволюционная марксистская критика считала «самым сильным, самым содержательным и самым талантливым произведением» армянской демократической литературы.

В творчестве поэта много грустных страниц, но все же оно проникнуто глубоким оптимизмом, верой в светлое, радостное будущее. Весьма характерно в этом смысле великолепное стихотворение «С отчизной», написанное в мрачном, более того — трагическом для Армении 1915 году.

И верим мы — взойдет заря, настанет тьме конец
И воссияет яркий свет ликующих сердец,
Блеснут вершины гор твоих, и, выглянув из туч,
Впервые старый Арарат улыбкой встретит луч!
И воспоет твою судьбу словами новых лет
Не осквернивший уст своих проклятьями поэт.
Грядущий мой край,
Встающий мой край!

Путь к счастью, к мирной жизни на земле великий поэт видел во взаимоуважении, дружбе, доброжелательных чувствах друг к другу разных народов.

И, будучи убежденным в том, что национализм чужд широким массам, людям труда, он в своем творчестве, в активной общественной деятельности выступал последовательным и энергичным пропагандистом интернационализма. «Есть одно великое дело, это добрые отношения между народами»,— писал он. Высший смысл творчества Туманян видел в том, «чтобы роднить между собой нации, народы. И уже в этом колдовская сила поэзии и искусства. Сохраняя ароматы и очарование каждого, одновременно свести их воедино и из множества создать гармоничное целое». В 1905—1906 годах, когда в Закавказье вспыхнули спровоцированные царской властью армяно-азербайджанские столкновения, поэт, рискуя жизнью, с белым флагом в руках объезжал азербайджанские и армянские деревни и убеждал крестьян покончить с братоубийственной войной, «вложить мечи в ножны».

Великий армянский поэт высоко ценил историческую прогрессивную роль русского народа. В нем он видел бескорыстного друга и освободителя Армении. Как и его предшественники, революционные демократы и просветители Хачатур Абовян и Микаэл Налбандян, счастье Армении, ее свободу и будущее он видел в неразрывной связи и дружбе с русским народом. Туманян очень высоко ценил роль классической русской литературы, ее народность, реализм. Он призывал армянских писателей служить своему народу и своей культуре так, как это делали Белинский, Чернышевский, Некрасов.

С открытой радостью приветствовал Туманян Октябрьскую социалистическую революцию и с первых же дней стал на сторону победившего народа. В победе революции он видел торжество своих мечтаний о свободе и счастье родного многострадального народа. «Знайте, что все происходящее не случайно. Это — естественное течение истории. Наше будущее, как я всегда говорил, и вы знаете, связано с Россией. А чем свободнее Россия, тем лучше как для нас, так и для всего мира. Теперь каждый будет спокойно жить»,— писал он в одном из своих писем, относящихся к первым годам Советской власти в Армении. А в другом, продолжая эту мысль, он добавил: «дружба между мною и большевиками от Москвы до Еревана... тесная. Я обратился с письмом в Ревком и к Ленину, конечно, имея в виду общие интересы». В своей статье «Хуже голода» Туманян со жгучей ненавистью клеймит позором врагов Советской страны, которые подло торжествовали по поводу голода, возникшего в некоторых губерниях России в 1921 году.

Сбылись мечты великого поэта. Он увидел родную страну освобожденной. С первых же дней установления Советской власти в Армении и в Закавказье Туманян с приливом новых сил включился в работу. Но тяжелая болезнь прервала ее. 23 марта 1923 года Туманян умер.

Бессмертное творчество великого армянского поэта, его образ поэта-гражданина, непоколебимо верившего и боровшегося за светлое будущее человека, сделали его близким и понятным всем народам нашей страны. Вот почему 100-летие со дня его рождения братские народы Советского Союза отмечают как большой поэтический праздник.

Борис ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

У этих скал легендарная Афродита приняла земное крещение.

I

Из морской пены рождаются только легенды. Так родилась Афродита, прозванная Кипридой, ибо земной колыбелью ее был остров Кипр. Действительность создает жизнь, взаимоотношения людей, социальные бури и катаклизмы. Легенды скрашивают действительность. Жизнь опровергает легенды. Но из пены событий намываются зерна правды, как из сотен тонн породы — крупицы золота.

Сколько волн, рождаясь у берегов древнего Египта, Ассирии, Рима, Греции, Персии, Турции, Венеции и даже атлантической Англии, обрушивалось за тысячелетия на маленький Кипр, неся на своих гребнях не красоту, не любовь, не счастье, а пену лжи и лицемерия. Шли века, бризы сдували пену, и киприоты все больше утверждались в мысли, что правду нужно искать лишь в свободе. Захватчики, поработители разрушали очаги, храмы, семьи. Но главного они не могли уничтожить — человека. А человек хоть и тонок, как тростник, но он — человек, по словам Паскаля,— «мыслящий тростник». Мысль же, как говорил за пятнадцать веков до Паскаля фригийский философ Эпиктет, «может восторжествовать, и никто не в силах восторжествовать над мыслью».

Последнюю попытку восторжествовать над мыслью о свободе предприняла Англия в 1878 году. Двумя годами позже тогдашний ее премьер Гладстон заявил: «Кипр — неотъемлемая часть британской империи». Что из этого получилось, свидетели мы сами. Правым оказался древний фригиец (полезно иногда прислушиваться к голосу предков).

Страна героев и рабов
Расторгла рабские вериги.

Правда, для того, чтобы разорвать цепи колониализма, понадобилось более восьмидесяти лет кровавой борьбы. Только 16 августа 1960 года Кипр был торжественно провозглашен республикой.

А умерили ли наконец свой разрушительный бег волны? В какой-то степени — да. Однако случаются еще и теперь штормы.

II

Стал ли меньше наш земной шар? Праздный вопрос. Конечно, нет. Каким он был в первый день творения, таким и остался по сию пору. А если посмотреть на этот вопрос со стороны философской, психологической? Окажется, что мир стал меньше. И размеры его сокращаются чуть ли не в геометрической прогрессии.

Сегодня самолет домчит вас до Никосии за каких-то четыре часа. А сто лет назад добирались до этих мест на парусниках неделями. Десять лет назад мы могли окинуть едким взором лишь маленький островок. А теперь человек увидел не мысленно, не абстрактно, а реально, собственными глазами весь земной шар сразу, со всеми его континентами и морями. Он целиком вошел в объектив обыкновенного фотоаппарата, которым мы снимаем на память дома и улицы, детей и бабушек.

Но уменьшилось ли в той же пропорции количество проблем на нашем, как мы уже сами на практическом опыте убедились, маленьком шарике? Ничуть нет. Даже наоборот. Они нарастают, как снежный ком.

Наука, техника развиваются глобально, двигаются вперед поступательно, от частного к общему, от малого к большему с космическими скоростями. Человеческая психология, взаимоотношения людей имеют другие измерения. Они развиваются в зависимости от места, условий и времени, то ускоряя, то замедляя бег истории, вспышками и взрывами. Умершее одно зерно дает жизнь колосу со множеством новых зерен.

Маленький Кипр может служить в этом смысле как бы наглядным пособием. Он, как линза, сконцентрировал в одной точке бесчисленные проблемы современности, придав им форму главных противоречий империализма.

...Итак, свобода. Все-все преодолели борцы — муки, кровь, огонь. Кипр — республика. Из рук империализма уплывал непотопляемый авианосец — важная стратегическая база в Средиземном море. Хищник с этим примириться не мог. И империализм прибег к старому, испытанному методу — подогреть, а затем разжечь в стране расовую национальную рознь, тем более горючий материал для этого имелся (на Кипре, как известно, живут издавна две общины — греческая и турецкая). Когда же костер запылает, вмешаться в дела страны под видом умиротворения.

Задуманное было осуществлено. Между общинами в декабре 1963 года, не без содействия местных экстремистов, начались кровавые стычки. «Заинтересованные» стороны (уже не одна Англия, а четыре державы) — Англия, Греция, Турция, при активном участии США привели в действие военный механизм Северо-Атлантического блока. Но киприоты не захотели сдаваться, терять свою только что добытую государственную самостоятельность. Правительство республики обратилось в Совет Безопасности с просьбой о помощи. Кипрский вопрос стал предметом обсуждения на XX сессии Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций. В судьбе Кипра приняла участие уже сотня государств.

Кипр сохранил свою независимость благодаря твердой, недвусмысленной политике Советского Союза. Государственный флаг республики не был спущен. Но не покинул своего древка и английский. Мало того, к нему присоединились и другие флаги — греческий, турецкий, американский и голубой флаг ООН. И приплыли они на остров не на прогулочных яхтах и отнюдь не в гости.

И все-таки можно с уверенностью сказать, перефразируя слова известного кипрского поэта Антиаса: решетка сломана, хоть и осталась стража под окном.

III

Новый город — всегда неожиданность. А тем более Никосия. Она поражает не столько внешностью, сколько внутренним содержанием. А содержание, как известно, накладывает свои меты на облик. Поэтому и во внешности Никосии есть нечто такое, что не идет в сравнение ни с одним другим городом мира. Представьте себе современные столичные улицы без тротуаров. А в Никосии их попросту нет. Раньше, видимо, когда транспортной единицей исправно служил ослик, они не нужны были. Велика ли для пешехода опасность от ослика? Теперь же, в век мотора, чтобы проложить тротуары, надо урезать с одной фасадной стороны особняков окружающие их палисадники, где растут олеандры, бугенвилии, душистый жасмин, пальмы, оливы и другие неведомые мне, с яркими цветами кусты и деревья. Земля же частная, дорогая. Нрав у владельцев строгий, несговорчивый. Вот и приходится пешеходам сновать между мчащихся машин. А те спокойно пролетают мимо, обдувая рубашки горячим воздухом. Условия смирили вечных антагонистов мостовой. Правда, пешеходов на улице меньше, чем автомобилей.

Высоких домов в Никосии мало, так что ее смело можно назвать одноэтажной столицей. Но она не оставляет впечатления однотонности. Ни один особняк не похож на другой. Удивительно разнообразна палитра местных архитекторов.

Здесь нет испепеляющего, влажного зноя. Выше сорока бывает редко. А вечером вообще благодать. Легкий ветерок со Средиземного моря приносит сюда душистую прохладу. Море-то рядом, каких-нибудь двадцать — тридцать километров.

Жизнь вечерами вся на виду. В кафе, на верандах гостиниц, в ресторанах под звездным небом пьют из маленьких чашек кофе, холодную воду — ее пьют со смаком, даже с восхищением: вода дорога, ее добывают на Кипре насосами из глубоких артезианских скважин, пьют соки и заморские «Севен-ап», «Кока-колу». Редко вино, пиво. У многих в руках газеты, журналы. Идет тихая, чинная беседа. Обсуждается злоба дня, итоги футбольных матчей.

Ни выпивших, ни тем более пьяных. Волосатых, кудлатых, так называемых битников или хиппи, я вообще ни разу не встречал в городе. Улыбки, а не громкий смех. Ни развязных поз, ни интимных объятий. Говорят, недавно судили девушку за то, что она слишком непринужденно сидела в общественном месте.

Естественно, я поинтересовался, откуда у кипрской молодежи такая высокая, по европейским меркам, нравственность.

— Наша молодежь слишком горда, чтобы копировать худые привычки Запада,— ответил мне Андреас Фантис, директор крупнейшей прогрессивной газеты «Харавги»,— ну, и традиции...

Уж не кровь ли предков, древних эллинов, дает о себе знать даже спустя тысячелетия, или наследники Эсхила помнят его Прометея — героя, ставившего превыше всего силу сознания, твердость характера?

А вот что сказал по этому поводу крестьянин Панделис Ияновилис из деревни Дали:

— Если у нас в деревне увидят пьяного, все на него будут показывать пальцами. Он на всю жизнь прослывет бездельником, человеком пустым, никчемным. Ему перестанут доверять даже самую малость.

И Панделис Ияновилис махнул рукой, не столько подытоживая этим жестом свой ответ, сколько выражая им свое полное пренебрежение и таким людям, давая нам бы понять, что вообще нет причин говорить о них, ибо встречаются они чрезвычайно редко.

Развлечениями для никосийцев служат кино под открытым небом, телевидение да еще нарды. Играют в нарды везде — дома, в кафе, у газетно-журнальных киосков. Недавно выстроен прекрасный театр, в основном для гастролеров. Своей постоянной национальной труппы еще нет. Но есть желание ее создать.

Сумерки быстро сменяются черной ночью. Словно кошачьи глаза, вспыхивают ртутные лампы уличных фонарей. Радио передает мелодии Дебюсси, Чайковского, Моцарта, Шопена. Люди устали. Они завершили свой ежедневный путь — вернулись туда, откуда ушли утром,— домой. А после бурного финиша хочется покоя. Но не крепки объятия Морфея. Тревожат сон киприота шагающие под окнами

ГИ НЕ В ГОСТИ

солдаты в голубых беретах, с автоматами на груди. И мысль: волен ли ты в своей свободной республике?

IV

Быть в Никосии и не увидеть Средиземного моря — это все равно что на званом обеде не попробовать ни одного блюда.

— Поедемте к морю? — сказал я.

— С удовольствием.

— А куда ближе всего?

— В Кирению. Но это смотря с кем вы поедете...

Разговор шел с моим кипрским знакомым, архитектором-греком. На последнюю его фразу я как-то сразу не обратил внимания — подумаешь, с кем ехать. Была бы машина да хороший попутчик. А мой собеседник Георгиос Каламарис слыл либералом, здравомыслящим политиком. Лет ему под сорок. Вид у него преуспевающего, с хорошим аппетитом человека.

— Да-да. Смотря с кем,— продолжал Каламарис.— Если со мной, то путь из ближнего превратится в дальний. Мы не вольны в своей стране выбирать маршруты.

— Как это понять?

— А вот так... В общем, берите в попутчики любого, только не грека. В пути все поймете.

И я поехал с моим соотечественником Порфирием Николаевичем Куприяновым.

Кирения — небольшой городок на северном побережье, в тридцати километрах от Никосии. Его виллы, отели, пансионаты расположены у подножия лесистой Киренийской гряды, вдоль золотистого пляжа. Это город-курорт с крупным современным портом, известным яхт-клубом; для любителей старины — крепость-монастырь св. Иллариона, воздвигнутый еще в средние века, чернеет на вершине горы.

Никосию в силу ее малых размеров миновали быстро и сразу же уперлись в полицейский пост. Он оказался греческим. Впереди, метров за триста, замаячил красный флаг с белым полумесяцем и белой звездочкой.

Триста метров — это нейтральная зона. В маленькой-то стране, где каждый клочок земли дорог, как капля пресной воды. Флаг с полумесяцем — над турецким контрольным постом. Машина замедляет ход. Два дюжих солдата внимательно всматриваются в наши лица.

— Национальность узнают по внешности,— говорит с улыбкой Порфирий Николаевич,— видите, документов не спрашивают.

Началась территория турецкой общины. Размеры ее невелики — всего три деревни. Но въезд сюда киприотам-грекам строго запрещен. Они могут попасть в Кирению только окольным путем, проделывая лишние десятки километров. Или же... а вот как «или» — это мы увидели через пятнадцать минут.

Турецкие деревни похожи, как близнецы. Флаги у въезда и выезда. Глинобитные, серые, восточного типа дома стоят, тесно прижавшись друг к другу. Кое-где строятся новые, современные. Это после того, как греки сняли блокаду, разрешили туркам завозить из своей зоны цемент, кирпич, стекло. На окраине одной деревни — трехэтажные бараки. В них живут так называемые беженцы — турки из смешанных деревень.

У таверны, за столиками, группами сидят мужчины. Как и греки, они пьют воду, кофе, чай, играют в те же самые карты.

На полях валки скошенной пшеницы. У сарая, чем-то схожего с русским овином, земляной ток. Два человека подбрасывают лопатами обмолоченное зерно. Ветер очищает его от овсюга и половы. На чуть всхолмленной бурой равнине — крошечные отары тощих коз. Пастухи, как напоминание о детстве человечества, стоят неподвижно, опершись на длинные палки. И кажется, что жизнь остановилась около их ног.

Из-за горизонта выросла Киренийская гряда, похожая на гигантский нож, положенный на желтую скатерть вверх щербатым лезвием. Один поворот дороги, другой, запахло сосной и кедром. Они растут, перемежаясь с платанами и дубом, по склонам пологих гор, освежая воздух, расцвечивая краски пейзажа новыми тонами.

— Посмотрите вниз,— сказал Порфирий Николаевич.

Под нами белел виток серпантина, по которому медленно двигался караван автомобилей—легковых, грузовых, автобусов с багажом на крышах.

— Ничего не заметили?

— За поворотом, наверное, пробка.

— Это конвой.

— Что-что?

— Конвой, говорю. Сейчас мы его догоним.

Наша машина споро бежала вниз, а я, признаться, терялся в догадках, всматриваясь в караван. Что еще за конвой? По моему разумению, конвой — это вооруженный отряд, сопровождающий кого-либо с целью охраны или предупреждения побега. Почему-то вспомнилась война. Северное море. Транспорты, следующие в Мурманск с оружием. Вереницы пленных на улицах Москвы. И тут я наконец разглядел одну важную деталь. Впереди и сзади колонны шло по два зеленых джипа с развевающимися флагами ООН. Вот оно что! Оказывается, четыре раза в день в определенный час у границ турецкой общины собираются машины с теми самыми греками-киприотами, которые хотят попасть в Кирению или обратно в Никосию кратчайшим путем. К голове и хвосту колонны подруливают на джипах вооруженные до зубов ооновские солдаты, и под их недреманным оком колонна отправляется в получасовой путь.

А вот и сам конвой. Он уже стоял у контрольного поста. Ребята в голубых беретах передавали поштучно своих подопечных греческим полицейским.

Впереди вдруг мелькнула ярко-голубая полоска. С каждым мгновением она становилась все шире и шире, пока не слилась с небом.

V

Каковы же перспективы развития взаимоотношений между двумя общинами — греческой и турецкой, спрашивал я себя, вернувшись из поездки в Кирению. Нездоровая натянутость не может продолжаться вечно. Должен же быть положен этому конец. Приемлемое решение здорового сосуществования греков и турок в едином государстве найдено было бы, видимо, давно, если бы...

«Мы не вольны в своей стране выбирать маршруты,— вспомнил я слова архитектора Каламариса.— Многие вопросы Кипра, к сожалению, выходят из-под нашего контроля. Поэтому бывает трудно осуществить на практике наши стремления».

Да, слишком много развевается чужих флагов над островом.

Конечно, мнение Каламариса интересно. Но оно личное, так сказать, индивидуальное. Мне же хотелось услышать ответ на волновавший меня вопрос из уст официальных, от людей, непосредственно занятых поисками его счастливого решения. И такая возможность вскоре представилась. Я был принят Мильтиадисом Христодулу — директором бюро правительственной информации.

Его бюро располагалось в здании, оставшемся еще от колониальной администрации. Одноэтажное, длинные окна с частыми переплетами, каменные полы, камин — точь-в-точь такие же дома я видел и в других бывших колониях Англии — в Кении, Замбии, Египте. Строилось по одному стандарту, независимо от широт и меридианов, диктуемому из Лондона. Правда, книги, язык, мебель — многое теперь по-другому в комнате, где шла беседа с Мильтиадисом Христодулу. Но вот дух...

— Мы хотим независимого Кипра, без какого-либо иностранного вмешательства,— говорил Мильтиадис Христодулу,— а вмешательство — основная причина трудностей в переговорах.

Почувствовали, как повеяло затхлостью прошлого. Вмешательство! Не может империализм существовать без этого осужденного народами анахронизма. Как говорится, горбатого могила исправит. И совпадение точек зрения — личной, частной Каламариса с официальной,— которое я уловил, тоже было знаменательным для сегодняшнего Кипра.

Тут уместно заметить о попытках влияния на Кипр с черного хода. Не мытьем, так катаньем. Использование неоимпериалистов. Израиль предлагает максимум своих услуг. По телевидению показываются документальные фильмы, конечно, со знаком плюс и в основном милитаристские, на театральных подмостках выступают тель-авивские артисты, увеличился поток коммерсантов и туристов. Не ждут особых приглашений и журналисты. В Фамагусте деятели с холмов Сионских заложили плиту в честь мучеников-евреев. Действительно, сюда при англичанах было интернировано из стран Европы пятьдесят тысяч евреев, готовившихся выехать в Палестину. Они прожили полтора года в благоустроенном лагере. И, не потеряв ни одного человека, благополучно отбыли в Израиль.

Свое отношение к проискам неоимпериалистов киприоты выразили своеобразно: они взорвали плиту в Фамагусте.

Но вернемся в кабинет директора бюро правительственной информации.

— Переговоры за год прошли три фазы,— продолжал Христодулу,— на первых двух присутствовал оптимизм. На третьей — о центральной власти — почувствовались некоторые перебои. Парламент единый, избранный всем народом пропорционально национальному составу. В принципе турки согласны. Но своего кандидата они предлагают избирать турецкими голосами. Полиция, судопроизводство — единое. Да, соглашается другая сторона, но судить турка может только турецкий судья. Самым трудным в переговорах оказался вопрос о местном самоуправлении. Здесь единство пока не прощупывается. В районировании страны, в создании местной администрации необходимо опираться прежде всего на географические, экономические соображения и национальные пропорции. Турки исходят из чисто национальных интересов: самоуправление отдельно, как для одной, так и для другой общины. Это рождает прецедент к разделу острова. Кроме того, в стране много смешанных деревень, значит, неминуемо возникнет проблема переселения, что нарушит дружеское сотрудничество между общинами.

Мильтиадис Христодулу изложил коротко ход переговоров и греческую позицию. Но старое правило гласит: надо выслушать и противоположную сторону. Памятуя это, я и отправился

е ннформацнонный центр турецной общнны. Центр находится е северо-западной частн Ннкосин. Въезд сюда обозначен металлнчесннмн бочкамн с песном, перегоражнвающнмн в деа ряда перенресток. Проемы онон угловых домов превращены в амбразуры. Турецкнй полнцейскнй пост. Вннмательный взгляд. Маленькая тнхая улочка. Круглая площадь с памятнином Ататюрну посреднне. Еще улочна. Двухзтажиый желтый дворец в мавританснолм стнле — резнденцня вице-презндента Фазыла Кучука. Здесь же, в правом нрыле, находится н ннформацнонный центр. Меня любезно естретнл неeысокого роста, поджарый,. с впалыми щекамн директор бюро Алн Зихин. Тесный кабннет. На стене нарта Кнпра: по белому обшнриому четырехугольннну разбросаны розовые горошнны — места поселення турок. Траднцнонный нофе.

Кан н грек Мнльтнаднс Хрнстодулу, турон Алн Знхнн начннает разговор сразу с основного:

— Мы хотнм жнть вместе с гренамн в незавнснмом, самостоятельном государстее. Вопрос стонт не о ноличестве общин, не о том, чей должен быть еерх. Крепного партнерстеа — еот чего мы добнваемся.

Мысль, ндея той н другой стороны тождестеенны, только высназаны онн е разной форме. А дальше:

— Гренн же твердят об энознсе. Турни не желают господства гренов, нан не думают онн стать н нолонией Турцнн... Посмотрнте, пожалуйста, эту лнстовну. Она свежая. О чем е ней речь? Листовна прнзывает греное вооружаться, онружать турецние сентора, проннкать е них. Поэтому мы настороженно относнмся н словам гренов, не пуснаем нх н себе.

Что не пускают, это я ендел сам. Видел я н листоенн, летящне по центральной улнце Лндра. Знаю, н нто их разбрасывает: подпольщнниэнстремисты, руноводнмые черными полноеннками нз Афин.

Алн Знхин не сназал прямо, что мешает успеху в налаживанни хорошнх отношенний между общинамн. Но зато на примере поназал, с наних берегое гоннт ветер трудные еолны раздора.

«Двоим лучше, нежелн одному, потому что у них есть доброе вознагражденне е труде нх», — сиазано у Экнлезнаста. Двоим легче найтн общнй язын. Третья сила здесь лншняя. Она помеха всему. Третнй должен уйтн.

VI

Деревня Далн насчнтывает трн тысячи жнтелей. Это, даже по нашнм, российскнм масштабам, деревня большая, не говоря уж о Кнпре. От обычных нипрскнх городков она отлнчается разве лишь тем, что в ней поуже улнцы, поскромнее дома да земля поблнже к порогу. Запахн тоже другне.

Солнце уже зашло. Витрины магазннчнков ярко освещены люмннесцентными лампамн, дверн парнкмахерских (с утра крестьянин, вечером — брадобрей), ворота мастерских по ремонту хозяйственной утварн открыты настежь. Многолюдье на террасах таверн н нлубов. Стрекочет за высоной кирпнчной стеной проекцнонный ннноаппарат. Если отойтн от стены шагов на двадцать, можно бесплатно посмотреть и сам фнльм, правда, в несколько нснаженном внде.

Хозяйкн сндят у своих порогов, мужчины у энранов телевнзоров с увлеченнем смотрят футбольный матч.

В Далн жнвут не только гренн. Есть в ней н десяток турецких семей. Но резкой нацнональной разобщенности, что мы наблюдали в другнх местах, нет. Чувствуется влняние прогрессивных снл. Передовые людн деревнн собраются в Доме народных организаций. Построен он недавно на кооперативных началах крестьянами совместно с рабочими профсоюзамн.

Дело в том, что члены многнх крестьянскнх семей работают в Ннкосни — мелкнмн чиновнинамн, офнцнантами, поварамн, механнкамн, стронтелямн. Дух солндарности, передовых ндей вносят онн в быт, в образ мыслей своих земляков. И кан нтог этой смычкн, возросшего взанмопонимання н явнлся Дом народных организаций. Тан что для кипрнотов он не просто Дом, самое внушительное сооружение в деревне, но знаменне временн, политнческое событне. Библнотека, комнаты для кружнов самодеятельности, спортнвный манеж, таверна и, наконец, концертный зал с партером, бельэтажем н амфнтеатром — все несет службу просветнтеля н воспнтателя.

Летом работа Дома сосредоточена на его обширных верандах. И наш разговор после прогулки по деревне идет на свежем воздухе в тесном кружке крестьян, под анномпанемент спортнвного телекомментатора. Энран, конечно, отвлекает, но не всех, премнущественно молодежь.

— Понравнлось? — с гордой заинтересованностью спрашнвает крестьянин Панделис Иянонлнс, он же н адмнннстратор Дома.— Получше, чем вон у тех...— Кнвок головой на противоположную сторону, где на вндавшей внды террасе старой таверны тоже сидела группа мужчнн. Прнземнстое помещенне оказалось нлубом, члены которого прндерживаются нрайне правых взглядов.

— Захажнвают н нам. Интересуются,— продолжал Панделнс.— Гостям мы рады...

— Что нового? — спросил я по стандарту первого знакомства.

Но ответ получил неожнданный:

— Семь тысяч лнтров молона вылнлн на улнцу.

— Где же это вас так угораздило?

— В Ннкоснн. И не угораздило...

Это была своеобразная демонстрацня протеста. И вспыхнула она по прнчнне зкономической. Цена пол-лнтровой бутылни молока в магазине — пятьдесят милсов, а нупец платнт крестьяннну за это же ноличество семнадцать с половнной мнлсов. Больше не желает. Ему выгоднее ввозить порошок нз-за границы.

— Что же делать? Коров держать в убыток,

Кипр без древностей — не Кипр. Памятники минувших эпох можно встретить на любом берегу острова. Саламис. Развалины Гимнасии.

Палатка на колесах.

В центре Никосии.

Любимое развлечение киприотов—игра в нарды.

Башня Колосси близ Лимасола.

На новых улицах столицы все по-новому. Для пешеходов есть тротуары.

а деревня занимается молочно-товарным животноводством.

Проблема сбыта молока, как я выяснил позднее, стала важным звеном в цепи экономических проблем, в том числе и справедливого распределения национального дохода. За последние годы он значительно вырос, почти на 65 процентов. На эту же цифру увеличились и прибыли крупной буржуазии. Мелкий же собственник, трудящийся человек черпает из этой копилки всего лишь 5—10 процентов.

— Пойдемте ужинать,— пригласил Панделис Иаковилис,— за столом о делах говорить веселее.

Ужинали мы на площади, около огромного каменного квадрата с полусферами по углам. Вначале я подумал, что это какая-то модернистская скульптура. Странно было ее видеть на Кипре — сокровищнице произведений искусства Эллады. К счастью, ошибся — обычная печка для приготовления национального блюда из баранины. Пользуются ею все бесплатно.

— Вода дорого стоит,— продолжал свой рассказ Панделис Иаковилис.— В деревне шестьдесят пять колодцев, далеко не у каждого. А воды надо много — для дома, в поле на полив. Значит, и платить надо много. Вспахать землю — три с половиной фунта с гектара отдай хозяину трактора. А ведь еще надо бороновать, сеять, убирать. Опять плати. В общем, беда, у кого нет трактора... Посмотрите на соседний столик.

Там солидно усаживались двое дядьков в белых рубашках. Один посмуглее и поупитаннее.

— Соседи. Турок и грек.

О чем они говорили, слышно не было. Но, судя по выражению их лиц, умеренной жестикуляции, беседа шла важная, мирная, касающаяся хозяйственных забот.

— И при моем прадеде так жили. Тихо, спокойно... И чего кричат греки турки, турки греки... Киприоты мы, и весь сказ!

Когда мы прощались, деревня уже спала.

VII

Кому не хочется помолодеть?! Я знаю одного тридцатилетнего человека, который кокетливо, с лукавинкой в глазах частенько говорит: «Эх, сбросить бы сейчас годков десять!» Так что о тех, которым за полста, и речи быть не может: конечно, хотят. И эликсир молодости под рукой. Правда, из области легенд, но все же. Велика сила народной молвы. А она гласит: купание у камней Афродиты разгоняет кровь, разглаживает морщины.

И мы поехали молодеть.

Дорога на юг к Лимасолу. Те же два цвета сопровождают нас: желтый — всхолмленная равнина с щетиной стерни, и голубой — безбрежное небо.

Кипр без древностей — не Кипр.

Повстречались они, естественно, и на этой дороге. Храм Аполлона. Сохранились бани, огромная чаша театра, на котором любительские коллективы сейчас ставят Эсхила и Софокла, ристалище, мраморные колонны, фундаменты многочисленных зданий с остатками мозаичных полов, стадион (хоть сейчас играй на нем в футбол) с отдельными трибунами для особо важных персон.

Если древность нас восхищает, роднит, делает богаче и умнее, то некоторая современность, наоборот, вызывает чувство гнева, недоумения. Особенно отвратительно, когда они соседствуют. Это ощущение я пережил буквально через несколько минут после того, как мы расстались с храмом Аполлона.

Началось это с полицейского поста. Нет, не с греческого, не с турецкого, а с английского. За кордоном все преобразилось. Даже шоссе стало уже и темнее. Посредине него светящиеся чашечки — точь-в-точь как на дороге из Лондона в Стратфорд-на-Эйвоне. Двухэтажные, белые, все на один манер, под одинаковой черепичной кровлей, выстроились рядами по холмам дома. У каждого крыльца — подстриженный газон, клумба, декоративный куст. Дорожки щедро посыпаны красным песком. В котловине — тщательно ухоженный спортивный комплекс. Зеленые поля для крикета и гольфа. Бассейн.

У обочины — верзила в шортах и в защитного цвета рубашке с засученными по локоть рукавами. Под мышкой держит клюшки для гольфа.

Всюду вывески, объявления, предупреждения, разумеется, на английском языке. В маленьких будочках — полицейские. Словом, машина мчится будто по графству Йоркшир.

Только не знаю, висит ли там у дороги такое предупреждение, написанное огромными буквами: «Съезд с шоссе категорически запрещен!». Я этого, по крайней мере в графстве Йоркшир, не видел.

Английская военная база. Девяносто девять квадратных километров. И в третий раз мне вспомнились слова архитектора Георгиоса Каламариса: «Мы не вольны в своей стране выбирать маршруты...»

Так действительность зачеркивает легенды. Море было гладким. Только у скал Афродиты, серых и загадочных, оно шипело, вынося из грота на горячую гальку берега густую пену.

Долго я смотрел в это белое кипение. Будто чего-то ждал. Нет, не выйдет на берег богиня любви, красоты и счастья, пока не уберутся с ее родины посланцы войны, ненависти и злобы.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ВЕЧНО ЖИВАЯ РУСЬ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Что за диво? На обычно тихой улице — толчея. Почему такая давка на тротуаре у входа в особняк? Почему такая сутолока в вестибюле, в гардеробе?

Подъезжают машина за машиной к парадному подъезду, их обступают молодые и немолодые люди: «Нет ли лишнего билета?..» Рядом с большой афишей выстраивается молчаливая очередь из публики поскромнее и потише, которая все же мечтает проникнуть в заветные высокие двери, когда схлынет поток счастливых обладателей приглашений. Кстати, несколько забегая вперед, необходимо доверительно сообщить, что очередь людей поскромнее не иссякала у этого дома полтора месяца, невзирая на капризы московской погоды. Не иссякала ни на час.

Наконец и мы медленно, влекомые людской толпою, не спеша, ступеньку за ступенькой одолеваем белую парадную мраморную лестницу.

В первом зале нас встречает хозяйка. Румяное, свежее лицо ее приветливо. Тугие косы, уложенные короной, венчают гордую головку. Красавица рада гостям, ее соболиные брови чуть приподняты, карие глаза блестят. Она прелестна и величава. В ней вся роскошь женской красы. И ласковая милота и упрямая непокорность. Она самолюбива, но добра. Еще миг — и она степенно шагнет вперед, навстречу гостям, и поклонится. Тогда мы увидим серебряную стежку пробора, сверкнут рубиновые серьги, зашуршат тяжелые складки лилового шелкового платья, блеснет рдяным огнем большая брошь, зашелестит черный платок, усыпанный лазурными, шафранными, пунцовыми, янтарными цветами, обрамленными изумрудной зеленью... Она степенно опустит лебяжью белую руку, низко, чуть не касаясь пола кружевным платком, и мы явственно услышим любезное сердцу «Добро пожаловать!».

Но не шагнет она, не поклонится, не оживет. Навеки будет такой — спокойной, вальяжной чаровницей. И никогда не ступит ей на паркет особняка Академии художеств на Кропоткинской улице, а стоять на булыжной мостовой приволжского городка. И до скончания веков будет бушевать буйная кипень горящих красок русской осени, во всем великолепии червонных, багряных листьев, яркого золота куполов церквей, пожара алой рябины, пестряди лавок и лабазов с малахитовыми арбузами, пунцовыми яблоками.

И века пройдут, и многое изменится, а все будут плыть и плыть в высоком небе румяные кучевые облака над бескрайним синим раздольем Волги. Много утечет воды, может быть, человек оседлает далекие звезды, но навсегда напоминанием о Земле, о вечной красоте останутся пышнотелые богини Рубенса, закованные в парчу и драгоценности инфанты Веласкеса, очаровательные и милые парижанки Ренуара. Среди них будет и наша русская красавица «Купчиха», с которой мы только что встретились на вернисаже.

Ее создал Борис Михайлович Кустодиев в 1915 году, полвека с лишним тому назад. Ему девяносто лет, и поэтому открыта эта юбилейная выставка, и поэтому такое столпотворение и торжество, и так радостны лица людей, очарованных волшебным даром художника.

Только нет с нами создателя всех этих чудесных картин. Он ушел от нас в 1927 году, тяжко больной, парализованный, по существу, безногий. Последние пятнадцать лет своей недолгой жизни (а он прожил всего сорок девять лет) были пыткой и борьбой с недугом. Неизлечимая опухоль спинного мозга, операции, клиники, больницы, бессонные ночи, неподвижность. И, несмотря на все эти нечеловеческие испытания и муки, именно в эти пятнадцать лет художником созданы десятки шедевров, составляющих славную главу в развитии русской живописи. Главу, полную радости, солнца, веселого разноцветья.

Такова была сила характера Кустодиева. Натуры цельной, чистой, бесконечно преданной искусству.

КРУШЕНИЕ СУЕТЫ

Осень. Сырые туманы стелются по крутым склонам Альп, накрывая долину Лейзена промозглой мглой.

Кустодиев лежал на балконе, запеленатый в меховом мешке. Неподвижность. Тишина. Тихо, слишком тихо для живых. Туман обволакивает черные скелеты деревьев, игрушечные домики, подползает к балюстраде, он похож на огромную серую медузу. Воздух замер, и щупальца грязно-серой мги близки, они выползают из-за хилых елей, вот они совсем рядом.

Вдруг тусклое марево прорезал звонкий рожок, Кустодиев вздрогнул. Почта...

«Милая Юля,

Получил я твое письмо сейчас с этой ужасной новостью — умер милый Серов — умер наш лучший, чудесный художник-мастер. Как больно все это — как не везет нам на лучших людей и как быстро они сходят со сцены... Меня это все взволновало очень — я так ясно его вижу живым, хотя давно мы с ним последний раз виделись — весной в Петербурге...

Шлю сегодня телеграмму его жене, хотя не знаю адреса — но думаю, что дойдет, его ведь все знали в Москве.

А у нас пасмурная погода — снег, туман, ветер — так неприятно и тоскливо.

Вероятно, его уже похоронили вчера — как это ужасно... Как несправедлива эта смерть в самой середине жизни, когда так много можно еще дать, когда только и начинают открываться широкие и далекие горизонты...»

Как трагически звучат эти слова из письма Кустодиева к жене Юлии Евстафьевне, написанные им самим, тяжко, неизлечимо больным! Ведь художнику в ту пору было всего 33 года, когда он лежал в лечебнице далекого швейцарского курорта Лейзена, месяцами прикованный к постели. Тяжелые, безысходные мысли порою одолевали его:

«...Прислала ты письмо, которое растревожило мои старые раны — все эти вечно старые и вечно новые вопросы, которые и меня самого мучают не меньше тебя. Ты вот пишешь про чувство одиночества, и я вполне это понимаю — оно у меня еще усиливается... сознанием, что я нездоров, что все, чем другие живут, для меня почти уже невозможно... В жизни, которая катится так быстро рядом и где нужно себя всего отдать, участвовать я уже не могу — нет сил. И еще больше это сознание усиливается, когда я думаю о связанных со мной жизнях — твоей и детей. И если бы я был один — мне было бы легче переносить это чувство инвалидности...»

Духовная крепость и сильный характер волжанина оберегали Кустодиева. Мгновения упадка и хандры сменялись днями, полными уверенности и подъема:

«Правда, несмотря на все, я иногда удивляюсь еще своей беспечности и какой-то, где-то внутри лежащей, несмотря ни на что, радости жизни,— просто вот рад тому, что живу, вижу голубое небо и горы — и за это спасибо. И не останавливаюсь долго на мучащих, неразрешимых вопросах.— Да, этого всего не опишешь в письмах на нескольких листочках бумаги...»

В одни из таких добрых дней, когда недуг немного отпустил художника, Кустодиев начинает, несмотря на запреты врачей, писать картину. Этому полотну было суждено стать вехой на творческом пути художника. Здесь, на чужбине, он, подобно Гоголю, особенно ярко ощутил красу родной земли. Он мог повторить слова великого писателя:

Б. Кустодиев (1878—1927). СИРЕНЬ. 1906.

Государственный Русский музей.

Б. Кустодиев. МОСТ. АСТРАХАНЬ. 1918.

Музей-квартира И. И. Бродского.

Б. Кустодиев.
ПОРТРЕТ М. В. ШАЛЯПИНОЙ.
Начало 20-х годов.

Ленинградский государственный
театральный музей.

Б. Кустодиев. МОСКОВСКИЙ ТРАКТИР. 1916.

Государственная Третьяковская галерея.

Б. Кустодиев. КРАСАВИЦА. 1915. Государственная Третьяковская галерея.

Б. Кустодиев. НОЧНОЕ. 1917.

ЯРМАРКА. 1908.

Государственная Третьяковская галерея.

Б. Кустодиев. ПОРТРЕТ И. С. ЗОЛОТАРЕВСКОГО. 1922. Государственный Русский музей.

«Теперь передо мною чужбина, вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, не гадкая Русь, но одна только прекрасная Русь...»

Кустодиев, невзирая на великолепный успех, достигнутый им на первых порах творческого пути, на поток заказов, глубоко переживал бесцельность петербургской суеты и вредность славы модного портретиста. Вот как описывает он свои сеансы в Царском селе, моделью в которых служил царь Николай II:

«...Каждый день рассчитан, суета сует, толку никакого...

Ездил в Царское 12 раз; был чрезвычайно милостиво принят, даже до удивления — может быть, у них теперь это в моде — «обласкивать», как раньше «обливали». Много беседовали — конечно, не о политике (чего очень боялись мои заказчики), а так, по искусству больше — но просветить мне его не удалось — безнадежен, увы... Что еще хорошо — сторонкой интересуется, не знаю только, глубоко или так — «из-за жеста». Враг новшества, к импрессионизм смешивает с революцией: «импрессионизм и я — это две вещи несовместимые» — его фраза. И все в таком роде...»

«Сын Волги», коренной русский, не мог не чувствовать всю дурь и фальшь, всю казенщину официального Петербурга, тем более что, работая с Репиным над знаменитым «Государственным советом», Кустодиев весьма близко прикоснулся к элите государственного аппарата Российской империи и узнал многому цену.

Как крик души звучат слова:

«...Питер мне опротивел до невозможности, так хочется куда-нибудь в глушь, в деревню какую, что ли, в степь ли, только подальше от этого большого туманного Питера с высоким ящиками-домами...»

И как здесь не вспомнить слова, сказанные великим Гоголем:

«Таинственный, неизъяснимый 1834! Где означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанных один на другой домов, гремящих улиц, кипящей меркантильности,— этой безобразной кучи мод, парадов, чиновников, диких северных ночей, блеску и низкой бесцветности?..»

Петербург предлагал молодому художнику трудный искус. Не каждому было дано справиться с ним.

«Все составляет заговор против нас,— писал Гоголь,— вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждем спасти нашу бедную душу, убежать от этих страшных обольстителей...»

Не всем было дано «убежать от этих страшных обольстителей». Многих ждала судьба Черткова из гоголевского «Портрета». Кустодиев, попав в круговерть петербургской жизни, стоял на пороге беды. Суета, бессмысленная, каждодневная, поглощала время, убивала талант.

А ведь художник отлично знал, что он хотел. Редко кто из его современников так чувствовал Русь. Но Кустодиев принужден был писать парадные портреты.

«...Пишу и княжну, наконец-то ее добыл, но... больше 5 сеансов не буду иметь (был уже 3 раза), так как ее высочество очень утомляются от ничего-неделания, но желают получить хороший портрет, не позируя. Условия работы очень трудные, кругом дамы, болтают и делают свои замечания, вовсе для меня не лестные и хотят, чтобы я ее сделал и молодой и красивой — но ни того ни другого я перед собой не имею. Обещаю все это сделать в большом портрете...»

Как здесь не вспомнить злополучного Черткова!

Но судьбе было угодно распорядиться по-другому. Тяжкой болезнью художник был выброшен из этого замкнутого круга, изъят из засасывающего потока заказов и хлопотни. В Швейцарии, в Лейзене, оставшись наедине с собой, он особенно остро почувствовал пагубность сутолоки. Он вспомнил родину — яркую, радужную, горькую и чарующую. И он пишет свою мечту о России — здоровой, самоцветной, самобытной:

«...начал для Нотгафта, то есть, вернее, для иного — потому что, если очень удачно выйдет, не отдам — жалко, сделаю другое что-нибудь.— Стоят такие купчихи, белотелые, около магазинов, а вдали, за ними — Кинешма. Одну из купчих рисую с Зеленской — она чудесно подходит к этому типу».

И далее, в другом письме, он рассказывает:

«Провожу праздники в совершенном одиночестве, если не считать 4-х «купчих», общество которых каждый день его спрашивает. Это купчихи на Вашей картине, которую пишу все эти дни вовсю...»

По удивительному стечению обстоятельств Гоголь в свое время также проходил курс лечения в Швейцарии. И тоже вдали от России задумывал... Тут я прерываю свои размышления, ощутив строгий взгляд читателя. Ну как же можно сравнивать масштабность замыслов Гоголя и меру его свершений с Кустодиевым! А я и не пытаюсь приравнивать или сравнивать «Мертвые души» и «Купчих». Но все же прочтите слова Гоголя и подумайте о капризах судьбы:

«Все начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись. Швейцария сделалась мне с тех пор лучше, серо-лилово-голубо-сине-розовые ее горы легче и воздушнее. Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... Это будет первая моя порядочная вещь,— вещь, которая вынесет мое имя».

...Справедливости ради стоит упомянуть, что «Купчихи» Кустодиева были первой из серии шедевров, которые были созданы живописцем в коротенький промежуток между 1912 и 1927 годами — пятнадцать лет.

Отныне, начиная с этой картины, Кустодиев мог повторить с полным правом слова Гоголя: «Мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России».

И пусть не корит меня строгий читатель, что в этой главе о Кустодиеве так много сказано о Гоголе... Ведь они служили одной великой цели. Они писали во славу Руси.

ДОРОГА К СЕБЕ

Вернувшись из Швейцарии на родину, Кустодиев снова с головой окунается в петербургский омут. Он с горечью говорит:

«Ах, эти заказы, просьбы... Не хватает мужества от них отказаться, а они так мешают главному — замыслам, которые надо осуществить...

Пока еще все бегаю по городу, устаю и не могу наладить работу — сразу на меня свалились всякие дела, мало относящиеся к моей работе. Думаю, что завтра или послезавтра наконец засяду как следует...»

Проходит день, неделя, еще месяц, год, а царство суеты не отпускает из своих цепких лап художника. Но начало песни о Руси, положенное в далеком Лейзене, требовало от живописца продолжения, не давало покоя, тревожило душу. И среди каждодневной работы, тревог и забот Кустодиев не забывает о своей мечте:

«Занят сейчас кое-какими картинами, портретом и мечтаю все о большой работе и, как всегда,— когда был здоров, не писал того, что хотел, а вот теперь смерть как хочется начать большую картину к тоже «купчих»: уж очень меня влечет все это!..»

К великому сожалению, дорога к желанному не всегда бывает скорой и прямой. Проходит еще не один месяц, пока живописец осуществляет свое заветное желание. Он наконец как бы возвращается к себе, к своей отчизне.

Однокашник художника по академии, по мастерской Репина, Иван Билибин писал о своем друге:

«Волга и Кустодиев неразъединимы. Поволжские города, ярмарки, розовые и белые церкви с синими и золотыми куполами, дебелые купчихи, купцы, извозчики, мужики — вот его мир, его матушка Волга и его Россия. И все это здорово, крепко и сочно».

И Кустодиев снова, как в Лейзене, поет свою заветную песню, песню о Руси. Он начинает писать в 1914 году ставшую знаменитой и ныне находящуюся в Русском музее «Купчиху». Это она нас встречала в первом зале юбилейной выставки в Академии художеств.

Наконец Кустодиев находит себя. Невзирая на новые симптомы временно притихшего недуга, художник с необыкновенным подъемом создает один шедевр за другим: «Красавица», «Девушка на Волге». Вслед за ними он пишет блистательную серию картин — песен «Масленицы», сверкающую панораму русских праздеств, народных гуляний, калейдоскоп неповторимых по сочности и яркости красочных сочетаний, доселе еще неведомых в русской школе.

Репин, великий учитель Кустодиева, писал:

«На Кустодиева я возлагаю большие надежды. Он — художник даровитый, любящий искусство, вдумчивый, серьезный, внимательно изучающий природу. Отличительные черты его дарования: самостоятельность, оригинальность и глубоко прочувствованная национальность; они служат залогом крепкого и прочного его успеха».

И ученик оправдал надежды. Репин был в восторге от его «Масленицы», да и художественный мир наконец заметил н о в у ю к р а с о т у, найденную Кустодиевым.

Но, конечно, были и иные мнения. Один маститый академик выступил с яростным протестом против закупки «Масленицы». «Это лубок, а не живопись!» — исторг он в гневе.

Думается, что история русской живописи, да, впрочем, и не только русской, знает немало примеров, когда убеленные сединами мастера не всегда справедливо определяли меру художественности того или иного произведения. Стоит лишь вспомнить бурю насмешек и поношений, которую вызывали картины Жерико, Делакруа или Эдуарда Мане, ныне ставшие классикой.

Или зачем далеко ходить, ведь замечательное полотно «Девушка, освещенная солнцем», написанное молодым Валентином Серовым, вызвало целый каскад брани в среде академиков живописи. Нет нужды цитировать эпитеты, которые в сердцах произносили маститые маэстро. Правда, они, очевидно, не предполагали, что этот небольшой холст станет со временем жемчужиной Третьяковской галереи и одним из любимых портретов русской реалистической школы, а некоторые грандиозные по размерам, но весьма скромные по мастерству полотна иных академиков канут в Лету.

«АЙ ДА МОЛОДЕЦ ТВОЙ ОТЕЦ!»

В 1915 году Кустодиев побывал в Москве. Он бродил по городу, делал зарисовки. Неизменным спутником его был В. В. Лужский — актер МХАТа.

На вербном торгу у Спасской башни стоял трактир, любимое место отдыха извозчиков. Они пили здесь чай. Кустодиева увлекла идея написать картину «Чаепитие». Так родился «Московский трактир».

Вот что рассказывает сын художника Кирилл, позировавший ему для этой картины:

Отец... сперва написал фон, затем приступил к фигурам. При этом он рассказывал, как истово пили чай извозчики, одетые в синие кафтаны. Все они были старообрядцами. Держались чинно, спокойно, подсаживались, не торопясь, полового, а тот бегом «летел» с чайником. Пили горячий чай помногу — на дворе сильный мороз, блюдечко держали на вытянутых пальцах. Пили, обжигаясь, дуя на блюдечко с чаем. Разговор вели так же чинно, не торопясь. Кто-то из них читает газету, он напился, согрелся, теперь отдыхает.

Отец говорил: «Вот и хочется мне все это передать. Веяло от них чем-то новгородским — иконой, фреской. Все на новгородский лад — красный фон, лица красные, почти одного цвета с красными стенами — так их и надо писать, как на Николае Чудотворце — бликовать. А вот самовар четырехведерный снять должен. Главная закуска — ранн. Там и водки можно выпить «с устатку»...» Он говорит, а я ему в это время позирую: надев русскую рубаху, в одном случае с чайником, в другом — заснув у стола, я изображал половых. Позировал ему еще В. А. Кастальский для старика извозчика. Портретное сходство, конечно, весьма приблизительное, так как отец старался верно передать образ «лихача», его манеру держать газету, его руки, бороду.

Он остался очень доволен своей работой. «А ведь, по-моему, картина вышла! Цвет есть, иконность и характеристика извозчиков получились. Ай да молодец твой отец!» — заразительно смеясь, он шутя хвалил себя, и я невольно присоединился к его веселью.

«Московский трактир». Этот маленький шедевр вмещает целую энциклопедию московского быта начала XX века. Трудно поверить, что всего какие-то полвека отделяют нас от этой глубоко патриархальной сцены. Ведь ныне в нашей огромной Москве не отыщешь извозчика-лихача.

Но что, глядя на этот холст, заставляет задуматься и даже погрустить? Слов нет, Россия стала другой, извозчиков давным-давно нет. Но нет и таких вот красных чайных, с белыми скатертями, с расписными подносами и чайниками, с певчими птицами, где можно просто присесть, почитать газету, попить чайку и поразмыслить о том, как надоел казенный стиль некоторых столовых и кафе, серый и безликий. Как хороши традиции искусства Руси, цветастой, уютной, душевной!

Кустодиев — великий русский живописец. Он мечтал, что когда-нибудь будут построены клубы для народа. Сын художника записал мысли отца, который представлял себе эти клубы или дома культуры в виде прекрасных зданий, расписанных великолепными панно:

«Ну, вот хотя бы как в Венеции, в палаццо Лабия, работы Тьеполо.

Там это сделано для господ, а у нас будет сделано для народа России»... А как несказанно был он рад, когда декретом В. И. Ленина дворцы на Каменном острове, принадлежавшие прежде петербургской знати, были отданы под дома отдыха трудовому народу... Он говорил мне: «Ты счастливый, доживешь и увидишь сам всю красоту предстоящей жизни, а в жизни самое главное — труд и право на отдых после труда. Это и завоевано сейчас самим народом, раньше этого не было, жить было трудно, унизительно и мерзко».

«Мы, русские не любим, презираем свое, родное, у нас у всех есть какое-то глубоко обидное свойство стыдиться своей «одежды» (в широком смысле этого слова), мы всегда стремимся скинуть ее и напялить на себя хотя «поношенный», но обязательно чужой пиджачок».

И дай бог, чтобы эти слова относились лишь только к художественным критикам и художникам-модернистам начала нашего бурного века.

КРАСАВИЦА

В ленинградских архивах, говорят, сохранилось пожелтевшее от времени письмо некоего митрополита, в котором... Да, впрочем, это не письмо, это крик души святого старца. Вот примерно его содержание: «Видно, диавол водил дерзкой рукой художника Кустодиева, когда он писал свою «Красавицу», ибо смутил он навек покой мой. Узрел я ее прелесть и ласковость и забыл посты и бдения... Иду в монастырь, где и буду замаливать грехи свои...»

Я не берусь утверждать верность каждого слова из этого оригинального образца эпистолярного наследия прошлого, но нельзя не удивиться силе кисти художника, вызвавшего такую бурю чувств у подготовленного к искушениям зрителя.

Величава «Красавица». Пышный стан, округлые плечи... Она вот-вот приветливо улыбнется, и тогда алые уста раскроются и блеснут жемчужные зубы, еще сильнее зардеются и без того румяные щеки, появится ямочка на персиковом подбородке, засияют лукавые бирюзовые глаза. Красавица только что проснулась, она привстала на своем пышном ложе, как розовая богиня в белой пене пуховых белоснежных подушек и кружев. Она чутко прислушивается... Что она слышит? Кого ждет?

Сказочна, былинна краса ее. Сказочность, былинность скрыты не только в облике красавицы, но в красочной феерии, в этом букете соперничающих друг с другом сверкающих, чистых, ярых цветов. Под ударами волшебной кисти живописца простой купеческий сундук расцветает, подобно оперенью дивной жар-птицы. Каких только оттенков красного и розового нет здесь: кумачовые, пурпурные, коралловые, багряные, рубиновые, алые!.. Нет, не хватает слов, чтобы описать, охватить чудесную радугу кустодиевской палитры. И как великолепно противоборствуют этим горячим краскам холодные: голубые, лазоревые, бирюзовые, сапфировые.

Красавица — русская Венера. Она пришла к нам из самоцветных народных сказов, где текут молочные реки, где бродят добродушные лешие, где все дышит силой и чистотой.

Я нисколько бы не удивился, если в какой-то миг исчезли бы, как сон, тяжелый комод, неуклюжие сундуки, атласное пуховое одеяло — вся эта нехитрая купецкая роскошь — и наша героиня чудом вдруг оказалась бы на берегу сказки, со всеми атрибутами колдовства: жар-птицей, Иваном-царевичем, злой Бабой-Ягой, добрым Месяц Месяцевичем.

Вернемся на землю. Вот что повествует сын художника о создании «Красавицы»:

«...В апреле 1915 года мы переехали на Введенскую улицу... где была мастерская с двумя большими окнами, выходящими на улицу... Вскоре отец принялся здесь за работу над картиной «Красавица», явившейся своеобразным итогом исканий собственного стиля, начатых еще в 1912 году. Основой для картины послужил рисунок карандашом и сангиной, сделанный с натуры (позировала актриса МХТ Ш.). С натуры написано и пуховое одеяло, которое мама подарила отцу в день рождения. Он работал над картиной ежедневно, начиная в шесть-семь часов утра и работал весь день.

В десятых числах мая мои мать и сестра уехали в «Терем», и мы остались вдвоем. Как-то бабушка, жившая в то лето в Петербурге, принесла нам три гипсовых фигурки, купленных на Сытном рынке. Они отцу очень понравились, и он вписал их в картину (на комоде, справа). Дома у нас хранилась чудесная старинная стенка сундука с росписью по железу — на черном фоне красные розы в вазе. Отец воспользовался этим мотивом для узоров на сундуке, хотя цвет и изменил».

В некоторых толстых монографиях о Кустодиеве авторы настойчиво приписывают художнику некий постоянный скепсис. Они ухитряются разглядеть в стиле, почерке живописца, создавшего своих бессмертных красавиц, сатирический оттенок, некий всегда присутствующий чуть ли не сарказм. Им, видите ли, кажется, что Кустодиев где-то все время подсмеивается, подтрунивает над своими героинями. А между тем сам Кустодиев, по свидетельству современников, был всегда влюблен в своих героинь, а «Красавицу» считал венцом исканий, воплощением своего стиля. Кстати, эта картина, как, впрочем, и вообще творчество Кустодиева, нашла высокую оценку у Горького. Известно, что художник подарил великому русскому писателю повторение «Красавицы».

— Но позвольте,— возразят мне,— ведь ирония, усмешка, сатира и есть основа почерка Кустодиева, его стиль.

На это, пожалуй, лучше всего ответит сам художник:

«Не знаю, удалось ли мне сделать и выразить в моих вещах то, что я хотел,— любовь к жизни, радость и бодрость, любовь к своему русскому — это было всегда единственным «сюжетом» моих картин».

Радость, любовь к жизни, **любовь к своему русскому**... Думается, что здесь как-то тесновато словам «ирония» и «сарказм». Вальяжные, пышнотелые, полнокровные красавицы Кустодиева были антитезой анемичным, бескровным, рафинированным жеманницам декадентских полотен. И поэтому «Купчихи» вызывали такую реакцию у тогдашних критиков и искусствоведов. «Провинциалки» Кустодиева были им явно не ко двору.

Но бог с ними, с модернистами и прочими «истами», создающими своих прелестниц из проволоки, битого стекла и мусора. Как говорится: черного кобеля не отмоешь добела. И потом, как настаивают мудрецы, живопись и ее оценки — дело вкуса.

Но не к любителям ли «измов» обращены горькие слова Кустодиева:

ЖИТЕЙСКОЕ...

Мало кому в истории русского искусства столько доставалось от художественной критики и от коллег-живописцев, сколько Кустодиеву. Причем он получал удары, щелчки и щипки и слева и справа.

Футуристы кляли мастера за то, что он никак не может порвать пуповину, связывающую его с Репиным, и поэтому все «оглядывается на передвижников». Декаденты всех мастей почитали его искусство «безнадежно фотографическим». «Солидные» критики из большой печати десятых годов называли шедевры Кустодиева «лубочными».

Молодые критики, освоившие приемы вульгарной социологии, не требовавшей от авторов статей особой глубины и знания искусства, но создававшей зато великий шум и громыхание, навесили в 20-х годах на живописца ярлык «последнего певца купецко-кулацкой среды». Не более и не менее.

Вот что вспоминает дочь художника Ирина Борисовна о тех временах:

«Как-то сидим с ним в парке, около моря; он пишет этюд. Подошли какие-то две девицы. Некрасивые, тощие. Стали они критиковать: «Не так пишете, по старинке. Вы видите только вперед, а теперь это никому не нужно, отжило». Стали учить, как надо писать, чтобы видеть и справа, и слева, и даже через себя, назад. Обе оказались ученицами модного тогда К. Малевича — «неосупрематиста», как его тогда называли. Показали и свои «произведения» — мазки одной краской в разные стороны. Папа выслушал их, а потом, как всегда, добродушно иронизируя, сказал: «Спасибо за урок, милые барышни, но мне вас жаль! Сколько прекрасного вы не видите в жизни. Уж очень много смотрите направо, налево, вбок и назад. А впереди, главного не видите!»

Кустодиев довольно спокойно относился к подобным встречам. Художник любил искусство, и поэтому... он писал. Писал каждодневно, неустанно, невзирая на не покидающий его недуг. Он работал, невзирая на хулу и брань, хотя читать о себе ежедневно всякую пакость, наверное, неприятно и досадно. А в двадцатых годах такие ярлыки, как «певец купцов», приносили еще дополнительные неприятности.

ГЛАВИЗО, которым в двадцатые годы заправляли леваки, не больно привечало творчество Кустодиева. О нем просто забыли. Как, впрочем, «забыли» Нестерова, Васнецова и других ныне признанных корифеев русской живописи.

Кустодиев мечтал увидеть свои творения в музеях, в Третьяковке, где они стали бы достоянием народа. Но ГЛАВИЗО не спешило показывать Кустодиева. Вот любопытный документ — письмо к художнику в ответ на его запрос о судьбе своих полотен:

«В ответ на Ваше заявление от 16 сего месяца музей художественной культуры сообщает, что из приобретенных у Вас тов. Штеринбергом двух картин одна, а именно «Купчиха на балконе», отправлена в Москву в августе 1920 г. «Портрет И. Э. Грабаря» находится в настоящее время в музее и не мог быть выставлен потому, что организованная тов. Альтманом выставка музея имела целью представить современные течения в искусстве, **начиная с импрессионизма до динамического кубизма включительно...»**

Как, очевидно, Кустодиев в то время выпадал из обоймы художников от «импрессионизма до динамического кубизма включительно». Ну, что же делать! Ведь в те горячие дни кому-то казалось, что, ломая устои **русской реалистической школы**, можно на ее обломках построить дорогу в завтрашний день советской живописи.

Хотя надо заметить, что Кустодиев с первых дней революции активно включился своим творчеством в ряды художников, принявших Октябрь. Его холсты «Степан Разин», «Большевик», «Праздник II конгресса Коминтерна» и многие другие, написанные в первые годы становления Советов, сегодня считаются классикой. А его знаменитый «Большевик» по своей героической приподнятости и великолепной символике непревзойден и, пожалуй, является одним из лучших пластических воплощений революции за все годы... (Картина «Большевик» была опубликована на цветной вкладке «Огонька» № 1 в 1967 году.)

Но кому-то это было либо непонятно, либо слишком мало, чтобы включить Кустодиева в обойму «наших» и «нужных» художников. Тяжко больной живописец часто нуждался.

...Голод все продолжается,— вспоминает дочь художника Ирина Борисовна.— Мама у «мешочников» меняет вещи на конину, мороженую картошку, овес... Вскоре папу посетил Горький и очень помог нам. Папа стал получать пайки из Дома ученых. Когда у нас был А. М. Горький, он долго говорил с папой о его картинах, о том, что «сказал» ими в искусстве Кустодиев, чем ценны они для народа, для истории. Когда Алексей Максимович ушел, папа, довольный, радостный, весь словно светящийся изнутри, заметил: «Я и сам не знал, что я такой хороший, большой художник, как сказал мне Горький!..»

Для того, чтобы понять меру лишений и сложностей, окружавших Кустодиева, позвольте привести всего две выдержки из дневника Вс. Воинова — биографа Кустодиева, оставившего нам эти бесценные свидетельства:

«26.V.1924. Воскресение.

...Вечером у нас собрались гости. А. П. и С. В. Лебедевы, Ю. Е. Кустодиева, супруги Лансере, Нерадовский, Д. М. Митрохин, С. П. Яремич, Верейские... Малявины, М. В. Добужинский. Было очень хорошо, говорили о любимом нами всеми искусстве.

...Печальные вести сообщила Юлия Евстафьевна. Самочувствие Б. М. физическое и психическое ужасное, у нее самой гаснут силы поддерживать бодрость его духа и самой бодриться. К тому же совершенно неожиданно Ирину «сократили» на сценических курсах (при 100% активности!), то же грозит Кириллу в Академии.

1-го VI они с Б. М. едут в Лугу. Бедный Б. М., найдет ли он в себе силы влачить свой «крест»!? Все поговаривает о самоубийстве; так ему тяжело и невыносимо его кошмарное существование...

15.X.1924. Среда.

...После обеда поехал к Кустодиевым, настроение у них вялое — долги, денег нет. Ниоткуда не платят. Киру снова исключили из Академии за... невзнос платы за прошлый год (!). Теперь это улажено, т. к. родители внесли за него 25 руб. после объяснений Юлии Евстафьевны с кем-то из правления Академии. Все это происки... Кустодиев имеет большой успех в Венеции, его вещи воспроизводятся во всех газетах и журналах. А сам он здесь бедствует до крайней степени. Начал большую картину «Русская Венера».

Можно только поражаться стойкости характера художника, не сдававшегося и, вопреки всем невзгодам, мучительной болезни, непризнанию на Родине, все же творившего картины, восславляющие жизнь, радость, Россию.

Были, конечно, силы, которые пытались использовать эти сложности жизни Кустодиева. Вот что рассказывает дочь художника:

«В 1924 году покинули Ленинград Добужинские. Сомов поехал за границу сопровождать нашу выставку и не возвратился. Предложили и Кустодиеву ехать туда, где сулили «золотые горы», рисовали райскую жизнь. «Вас там так ценят, будете хорошо жить, работать, лечиться!» Папа даже побледнел от возмущения: «Я русский, и, как бы трудно нам всем сейчас здесь ни было, я никогда не покину свою Родину!» Не помню, кто был этот «предлагавший», но руки ему папа уже больше не подал и долго волновался, вспоминая этот разговор... Последние два года у него почти совсем высохла кисть правой руки, он не мог уже работать без муштабеля. Как-то он показал мне руку: «Смотри, как запали мускулы, совсем высохла...» Сколько невыразимой муки было в этих словах и сколько мужества и терпения! Но и в эти трудные годы он стойко и мужественно переносил лишения — нехватку во всем, холод и, несмотря на болезнь, работал ежедневно, ежечасно, создавая картины для народа, «для всех», как он любил говорить.

Здоровье папы все ухудшалось. Он очень ждал консультации Ферстера, верил в его помощь. Так как Ферстер жил в Берлине, стали хлопотать о заграничном паспорте. К сожалению, паспорт был получен через несколько дней после папиной смерти...

...Он лежал в белом гробу, утопая в цветах. Руки сложены на груди, лицо спокойное, добрая улыбка. Я причесала его в последний раз. А потом — толпы народа в квартире. Знакомые и чужие. Ни снимать, ни рисовать его мама не разрешила. Ведь он всегда говорил: «Человека надо помнить живым, а не мертвым».

...Прошло почти полвека... Где сейчас многие сотрясатели тех времен? Иных уж нет... И все ярче и ярче разгораются звезды русской живописи — Сурикова, Рябушкина, Нестерова, Кустодиева. И дело совсем не в том, что Малевич или Бурлюк были неталантливы. Нет, они были по-своему талантливы и искренни, и в какие-то мгновения их полотна кому-то казались светом, ведущим в завтра. Но прошло время, и просто многое стало на место... Бурлюк и Малевич на свое, а Суриков, Нестеров, Кустодиев — на свое.

Вот и все.

СТАРАЯ, НОВАЯ КРАСОТА

Как-то посетители Эрмитажа наблюдали небывалое. На белую мраморную лестницу был положен дощатый помост, и по нему на руках подняли и повезли в музей в кресле-коляске улыбающегося человека. Это был Кустодиев. Друзья решили сделать ему подарок...

Художник писал после посещения:

«Был в Эрмитаже, и совсем раздавили меня нетленные вещи стариков. Как это все могуче, сколько любви к своему делу, какой пафос! И так ничтожно то, что теперь, с этой грызней «правых» и «левых» и их «лекциями», «теориями» и отовсюду выпирающими гипертрофичными самомнениями маленьких людей. После этой поездки я как будто выпил крепкого, пряного вина, которое поднимает и ведет выше всех этих будней нашей жизни: хочется работать много, много, и хоть одну бы написать картину за всю свою жизнь, которая могла бы висеть хотя бы в передней музея Старых Мастеров...»

А ведь это писал художник с мировым именем, автопортрет которого наряду с величайшими художниками Европы был экспонирован в знаменитой галерее Уффици во Флоренции.

«Конечно,— говорил Кустодиев,— надо знать мировое искусство, чтобы не открывать америк, не быть провинцией, но необходимо уметь сохранить в себе нечто свое, родное и дать в этом нечто большое и равноценное тому крупному, что дает Запад. Ведь и Запад у нас ценит все национально оригинальное (и, конечно, талантливое), например, Малявина...»

Живописец изучает произведения импрессионистов... Здесь я чувствую на себе пристальный взор любителей кондовой позиции в оценке творчества художников и не допускающих даже мысли о каком бы то ни было влиянии Запада.

Но обратимся еще раз к самому живописцу:

«...Конечно, натюрморты Ван Гога прекрасны — особенно букет астр на красном, как запекшаяся кровь, фоне — они красивы так, как картины старых венецианцев. А Ренуара Вы напрасно не любите... В Париже он очень хорош, я его много видал и очень люблю. А какой он чудесный в Москве у Морозова?!!»

Кустодиев был мудр. Он не считал нужным вновь открывать америки или изобретать спички. Но, однако, он понимал, что жить в XX веке, не изучив достижения импрессионистов, живописцу нельзя.

Художник любил и отлично знал русскую икону, русский лубок, парсуну, вятскую игрушку, жостовские подносы и русские цветастые платки, но напрасно ищут истоки кустодиевского колоризма только в этих творениях народного гения. Кустодиев мог *найти и создать новую красоту* лишь потому, что, кроме великого знания и изучения старых мастеров и новых течений мирового искусства, кроме превосходного умения использовать народное творчество, Кустодиев знал лишь один исток, имя которому *Русь*!

В годы декаданса, в годы безверия и утери чувства национальной гордости, в пору, когда волны модернизма захлестнули петербургские салоны, Кустодиев своим искусством, воспевающим вековые устои Руси, ее неторопливый быт и уклад, поставил плотину, преграждавшую путь мутному потоку, идущему с Запада.

Кустодиев был не одинок. Рядом с ним жили и творили Нестеров, Малявин, Архипов и десятки других талантливых мастеров.

Новая красота картин Кустодиева. Как сложно ее рождение! Каких духовных сил, какой любви к Родине, к народу она потребовала!

Кустодиев подобен волшебному садовнику. Его творения расцветают дивными цветами. Его полотна — это поистине *сады радости*, в которых очарованный зритель видит возрожденную, сказочную и реальную — *вечно живую Русь*!

Фото Ю. Моргулиса.

Хоккей в разрезе

В. ВИКТОРОВ

Начался новый хоккейный сезон, проведены первые встречи и на ледяных аренах... и за столом летнего конгресса Международной лиги хоккея на льду. И, судя по всему, многочисленным любителям этой экспансивной игры предстоит волнений не меньше, чем в сезоне минувшем.

Сейчас, когда вспоминаешь этот сезон, он кажется подобием огромного айсберга — попробуй окинь его одним взглядом — от основания, скрытого от нас толщей промелькнувших дней, до самой вершины. И все же попытаемся представить себе хоккей в разрезе, от того первого сентябрьского матча между армейцами и спартаковцами, когда они вели спор на приз газеты «Советский спорт», до последней майской встречи между ними, которая должна была решить, кто же станет чемпионом страны.

Но надо ли вспоминать сейчас пережитое? Нам кажется, что обязательно надо, потому что, разобравшись в причинах неудач и просчетов минувшего сезона, можно лучше подготовиться к новому.

Одна из самых значительных особенностей огромного, девятимесячного сезона — то, что он весь пронизан от начала и до конца борьбой двух равноценных, высококлассных команд: ЦСКА — «Спартак». Это они поделили все почетные трофеи внутрисоюзного календаря и в конечном счете обеспечили успех выступлений сборной команды СССР на всех международных соревнованиях — и в Москве, и в Канаде, и в Стокгольме.

Правда, и раньше мы имели возможность наблюдать всегда яркий, всегда вдохновенный спортивный спор армейцев и спартаковцев, но все же с ними рядом или где-то совсем неподалеку еще сравнительно недавно была всегда готовая сказать свое решающее слово команда «Динамо». Но динамовцы отошли на задний план еще в предварительных соревнованиях.

Неудачи динамовской команды во многом объясняются слабостью ее защитных линий. Сколько раз уже отмечалось, что тренеры «Динамо», имеющие такого великолепного защитника, как В. Давыдов, не смогли «размножить» его опыт, его мастерство. И вот динамовцы закончили сезон, пропустив на чемпионате страны 109 шайб, всего лишь на одну меньше, чем хоккеисты «Химика». На чемпионате возникла даже ситуация, когда после шестого поражения динамовцы могли не оказаться в сильнейшей группе, и только в самый последний момент, добившись трудной победы над командой «Сибирь», они вошли в шестерку сильнейших.

Теперь мы имеем две равноценные команды — «Спартак» и ЦСКА.

Впервые за все годы армейцы уже не могут считать себя гегемонами советского хоккея. Ну что же, это не может не радовать: ведь там, где идет борьба равных по мастерству, по волевой собранности, там обычно проигравших нет. И все же за этим двуединством кроется и тревожный симптом. Да, спартаковцы уверенно провели сезон. Да, они завоевали первенство. Да, они выиграли у хоккеистов ЦСКА из шести матчей на чемпионате страны четыре при одном поражении и одной ничьей, но не объясняется ли этот успех не только ростом «Спартака», а еще и ослаблением армейской команды?

И действительно, когда начинаешь вспоминать выступления армейцев в прошлом сезоне, возникает тревожное чувство. Вопрос не в том, что команда ЦСКА проиграла несколько встреч таким испытанным соперникам, как «Спартак», московское «Динамо» или «Химик». Тут неудачи всегда возможны. Настораживает то, что армейцам пришлось испить горечь поражения и в борьбе с горьковским «Торпедо», значительно снизившим класс, и с дебютантами первенства, хоккеистами «Автомобилиста».

Выступление «Автомобилиста» в чемпионате было одним из самых приятных сюрпризов. Команда успешно играла в предварительном турнире и попала в число шести лучших. Она хорошо, хотя и не так уверенно, действовала и в финале. Новобранцы оказались серьезными соперниками, но все же шесть шайб в воротах четырнадцатикратных чемпионов СССР никто не ожидал. Да, прославленная армейская защита слабеет на наших глазах. С этим тревожным фактом мы столкнулись еще на Белой олимпиаде в Гренобле, а затем на чемпионате мира в Стокгольме. И в играх последнего первенства страны не раз мы видели, что В. Брежнев, А. Рагулин, О. Зайцев, И. Ромишевский уже не те, что были еще совсем недавно. Все труднее армейской защите прикрывать свои ворота и одновременно принимать участие в атаках, а смены ветеранам пока еще не видно.

В предварительных играх и в финале чемпионата страны нам пришлось столкнуться со многими неожиданностями. И если успехи «Автомобилиста» радовали, если расцвет «Спартака» не мог не вызвать удовлетворения болельщиков вне зависимости от их клубных симпатий, то форма, в которой находилась армейская команда, вызывала у всех серьезную тревогу.

И дело тут не только в ослаблении защиты ЦСКА. С тройками нападающих тоже не все оказалось в порядке. Явно не в форме был В. Полупанов, весьма посредственно выступало звено А. Ионова. Но когда была сформирована сборная, как и обычно, на основе команды ЦСКА, когда прошли международные матчи сперва в Москве, а затем и в Канаде, многим показались опасения ложными. Сборная СССР по-прежнему побеждала всех, а девять побед над национальной канадской сборной хоть кого могли ввести в заблуждение. И они ввели. Достаточно вспомнить высокую оценку, которую дал этим победам, вернувшись из Канады, старший тренер сборной А. И. Чернышев. Видимо, слишком велика была еще инерция канадского авторитета, чтобы здраво оценить эти девять побед. А тут еще появилось мнение, что европейский хоккей нам больше не соперник, что для нас в будущем интерес может представлять только борьба с канадскими профессионалами... Теперь мы знаем, какой ошибочной оказалась эта точка зрения. Больше того, как она была вредна: не на ней ли основываясь, решились тренеры сборной сформировать команду, нарушив неизменный до этого года принцип трех готовых, сыгранных звеньев?

И вот старшиновская тройка должна была играть в Стокгольме без Майорова, а фирсовская без Полупанова, в то время как нашими главными соперниками стали вовсе не канадцы, а хоккеисты Чехословакии и Швеции, которые за год значительно повысили свое мастерство. И для борьбы с такими командами у нашей сборной оказался не тот запас прочности. Сколько раз приходилось нам в Стокгольме наблюдать противоречивую картину: каждый из советских хоккеистов по-прежнему представлял большую силу, а тройки действовали неслаженно, допускали много ошибок! И ослабленные звенья Старшинова и Фирсова уступили в мастерстве молодой тройке Петрова, которая играла на чемпионате мира в своем обычном составе.

Когда после возвращения из Стокгольма снова возобновились игры на первенство страны, внимание всех привлекло старшиновское звено. Как не похоже оно было на то, что доставило нам столько волнений на шведском льду! Как мог за считанные дни так измениться его почерк? В чем тут дело? Просто ли в том, что на свое место в тройку вернулся Борис Майоров, поехавший на мировой чемпионат как зритель? Или суть волшебных превращений лежит глубже?

Конечно, можно высказывать различные предположения, но мне кажется, что орлиный взлет старшиновцев в последних играх на первенство страны объясняется тем, что эти игры были для них не только обычными выступлениями, но и средством доказать свою правоту в том подспудном споре о составе сборной, который разгорелся еще в декабре. И Старшинов, который так натужно, если можно так выразиться, играл в Стокгольме, и Зимин, до предела замотанный играми в составе второй сборной в Канаде (ведь он попал в Стокгольм в самый последний момент, уже сам не ожидая этого), и Майоров, издерганный необычной для него позицией зрителя,— все они хотели показать, на что способна их тройка. И, может быть, в этой же полемике находил силы забивать все новые шайбы на чемпионате страны и другой спартаковец — Александр Якушев, столь беспомощно выглядевший в Стокгольме, где он должен был играть не в своем, а в старшиновском звене.

Так, спор, начатый в Стокгольме, в сущности, не закончился после того, как труднейшая победа была там все же одержана и наши хоккеисты вернулись домой. Просто этот спор, кипевший под крышей стокгольмского «Юханнесхофа», перекинулся под крышу московского Дворца спорта и обрел там другое содержание. На сей раз цель этого спора заключалась в том, чтобы доказать, что сборная команда страны, если бы ее тренеры учитывали мнение своих спортсменов, их вкусы и возможности, могла бы достигнуть победы со значительно меньшими потерями.

Вероятно, равнодушие к интересам и помыслам своих игроков, к душевному климату команды характерно для тренеров профессионального канадского хоккея. Но нужно ли нам брать на вооружение подобное равнодушие? Разве не ясно, что чем ожесточеннее становится современный хоккей, чем больших усилий требует он от спортсменов, тем человечнее, душевнее должны быть отношения между ними и тренерами?

Вот в чем, как мне кажется, заключается внутренняя суть той полемики, которая развернулась на чемпионате страны после Стокгольма и нашла свое полное выражение в решающем матче 11 мая.

Тут необходимо сразу же поставить все точки над «и». Да, хоккеистами, развернувшими эту полемику, оказались спартаковцы. Но это не значит, что ими не могли бы стать игроки ленинградского СКА, или воскресенского «Химика», если бы они входили в сборную, или же игроки армейской команды, хотя бы тот же Вениамин Александров, с которым после окончания последнего матча чемпионата прощались любители хоккея. Да, тут дело не в клубных пристрастиях, в чем обычно сразу же обвиняются журналисты, если они касаются вопросов формирования сборной. Тут дело в чуткости и внимании к спортсменам. И именно об этой чуткости я и подумал, наблюдая торжественный ритуал проводов одного из славнейших наших хоккеистов.

Конечно, проводов невозможно избежать. Такова уж жизнь. Но каждый раз, прощаясь с известным хоккеистом, думаешь об одном и том же: «А не рано ли он уходит? Все ли отдал команде замечательный мастер?» И невольно сравниваешь судьбу двух ветеранов: Старшинова и Александрова. Один из них по-прежнему сохраняет свои позиции лучшего хоккеиста страны, другой вслед за своим товарищем по тройке Альметовым должен был покинуть ледяную арену.

Да, много острых и важных вопросов поставил перед нами минувший сезон! И от того, как будут решены эти вопросы, зависят успехи нашего хоккея в новом сезоне. Не будем обольщаться тем, что нам уже приготовлены на чемпионате мира в Канаде золотые медали. Завоевать их будет нелегко, может быть, еще труднее, чем в Стокгольме. Ведь в Канаде нам предстоит борьба не только с еще более сильными командами Чехословакии и Швеции (в том, что они будут сильнее, чем в Стокгольме, нет никаких сомнений), но и с канадской командой, укрепленной девятью профессионалами.

Канадские боссы сделали все, чтобы не допустить конфуза. Ведь до сих пор чемпионаты мира никогда не проводились на канадском льду и неудачи национальной сборной где-то там, в Европе, никого особенно на родине хоккея не беспокоили. Иное дело теперь. Невозможно потерпеть поражение дома. Этого допустить нельзя ни в коем случае — так решили в Канаде. И вот господин Ахерн, новый президент лиги, который до сих пор был ярым противником встреч любителей и профессионалов, вдруг совершил вольт на 360 градусов и всячески способствовал решению допускать в составы сборных команд профессионалов, причем в довольно большом количестве — девять человек.

Как известно, это решение Международной лиги хоккея на льду вызвало решительный протест Федерации хоккея СССР вопреки мнению тех тренеров, которые и в устной, а в последнее время и в письменной форме утверждали, что встречи с канадскими профессионалами — это как раз то, что нам нужно.

Да, борьба за золотые медали на чемпионате мира 1970 года началась еще нынешним летом, и пока счет в пользу канадцев. Это заставляет нас еще раз продумать все просчеты, допущенные при формировании сборной 1969 года. На сей раз эти просчеты так легко нам с рук не сойдут.

Истекла последняя минута стокгольмского чемпионата. Советская сборная празднует победу. Справа Е. Зимин и Е. Мишаков.

Фото А. Бочинина.

Виталий ЗАКРУТКИН

МАТЕРЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Эту женщину я не мог, не имел права забыть. Нелегкая ее жизнь, чистая душа, характер глубокий и добрый, наконец, то, как в полном одиночестве пережила она те страшные месяцы, которые стали для нее великим испытанием,— все это было мне известно, и я не забывал ее. Но потом отмеченные кровавыми боями последние годы войны, трудные походы по чужим землям, ранение, госпиталь, возвращение в разоренную врагами родную станицу, потеря близких, дорогих моему сердцу людей стерли, размыли в памяти образ этой женщины, и черты ее забылись, словно растаяли в белесой пелене утреннего тумана над заходящей осенней рекой...

Прошли годы... И вот однажды в древнем прикарпатском городе, куда я приехал по просьбе старого фронтового друга, мне вдруг вспомнилось все, что я знал о женщине, которую не смел забыть.

Получилось это так. Каждое утро, до восхода солнца, я выходил на прогулку: бродил по пустынным аллеям векового парка, медленно поднимался по крутому склону высокого холма, который местные жители именовали Княжьей горой. Там, на вершине холма, присев на железную скамью, я любовался старым городом. Озаренный желто-розовыми солнечными лучами, повитый легкой, призрачной дымкой, город являл собою живую картину человеческой жизни на протяжении семи веков; руины древних замков, полуразрушенные стены, украшенные позолотой иезуитские, бернардинские и доминиканские монастыри, ветхие деревянные церквушки и мрачные соборы, островерхие, крытые красной черепицей дома и остатки тронутых мшистой прозеленью пороховых башен, узкие, кривые переулки и широкие площади, бронзовые статуи на гранитных постаментах, радужные фонтаны, парки и кладбища, запечатленные многими людскими поколениями памятники их жизни вызывали молчаливое раздумье, мысли о вечном, неотвратимом течении времени...

Неподалеку от скамьи, на которой я обычно сидел, рос раскидистый клен, а у клена белела ноздреватая, источенная дождями каменная ниша. В нише стояло изваяние мадонны с младенцем на руках. И мадонна и пухлощекий ее младенец были ярко и грубо раскрашены масляной краской. На темноволосой голове мадонны красовался серый от пыли восковой венок, а у ног ее, на каменном карнизе, постоянно лежали свежие, обрызганные водой живые цветы; белые и алые гладиолусы, светло-голубые флоксы, несколько зеленых веток папоротника.

Цветы приносили двое дряхлых стариков — мужчина и женщина. На вершине Княжьей горы они появлялись раньше меня, клали цветы к подножию мадонны и, прижавшись друг к другу, подолгу стояли молча. Чаще всего я видел лишь их согбенные спины и низко опущенные седые головы. Какое горе согнуло этих бедно одетых людей, о чем они просили каменную мадонну,— кто знает? Может, они потеряли любимого сына или, скошенная неизлечимой болезнью, умирала их единственная дочь? А может, кто-то жестоко обидел беззащитных стариков или остались они, никому не нужные, без кровли и без куска хлеба? Широким и глубоким, как море, бывает горе людское, и чаще всего остается оно немым...

Свершив свою безмолвную молитву, старики каждый день проходили мимо моей скамьи и ни разу на меня не взглянули. А я после их ухода долго смотрел на раскрашенную мадонну, и странные мысли одолевали меня.

«Тебя, женщину по имени Мария, люди назвали матерью божьей,— думал я.— Люди поверили, что ты, непорочная, родила им спасителя-бога, принесшего себя в жертву и распятого за людские грехи. И люди сложили в твою честь песнопения-молитвы и стали именовать тебя владычицей и госпожой, без искуса мужеска зачавшей, присноблаженной, невестой неневестной. Богородительница, царица небесная, приснодева, пречистая, источник живота родшая, богоизбранная, предстательница, заступница, благодатная, богоневестная матерь — так называют тебя люди. Они построили тебе великолепные храмы, и самые великие художники мира украсили эти храмы твоим изображением. Голову твою и голову твоего младенца-сына окружили сияющим нимбом святости. Искусные златокузнецы и мастера-бриллиантщики одели тебя и сына драгоценными ризами. Лик твой, дева Мария, запечатлели на храмовых хоругвях, на бармах — царском оплечье, в священных книгах и гравюрах, и рыцари-крестоносцы и полководцы-воители, отправляясь на битву, преклоняли колени перед тобой. Именем твоим отцы-инквизиторы судили мужчин и женщин, именуя несчастных еретиками-отступниками и живьем сжигая их на кострах».

В густых ветвях клена тенькала синица, пестрые дрозды носились среди пихт и сосен. Золотыми отсветами солнца переливался, мерцал внизу древний город. В небесной синеве плыли редкие белые облака.

Неподвижными, кукольными глазами смотрела мадонна на меня, на деревья, на город. У ее ног лежали оставленные стариками цветы, и от них струился еле уловимый, грустный, легкий запах увядания.

«За что, женщина, люди поклоняются тебе? — мысленно спрашивал я, всматриваясь в бледно-желтое лицо мадонны, в кукольные глаза ее.— Ведь ты никогда не жила на свете. Ты выдумана людьми. А если даже бы была, Мария, то что тобою свершено в жизни и чем заслужила ты поклонение? Если верить евангелистам, ты вышла замуж за плотника, неизвестно от кого родила сына и потеряла его, распятого на кресте. Смерть сына — тяжкое, неизбывное горе для матери. Но разве нет на земле матерей человеческих, испытавших более страшные удары судьбы, чем те, которые ниспосланы были тебе? Кто же измерит их горе? Кто исчислит все их утраты? Кто им воздаст за их неустанный труд, за любовь к людям и милосердие, за материнское терпение, за пролитые ими слезы, за все, что пережили они и свершили во имя жизни на любимой ими нелегкой земле?»

Так думал я, всматриваясь в раскрашенное лицо каменной девы Марии, и в этот миг вдруг вспомнил женщину, которую не смел, не имел права забыть. Однажды, в годы войны, наши пути с ней случайно пересеклись, и теперь, спустя много лет, я не могу не рассказать о ней людям...

x x x

В эту сентябрьскую ночь небо вздрагивало, билось в частой дрожи, багряно светилось, отражая полыхавшие внизу пожары, и не было на нем видно ни луны, ни звезд. Над глухо гудящей землей громыхали ближние и дальние пушечные залпы. Все вокруг было залито неверным, тусклым меднокрасным светом, отовсюду слышалось зловещее урчание, и со всех сторон наползали невнятные, пугающие шумы...

Прижавшись к земле, Мария лежала в глубокой борозде. Над ней, едва различимая в смутном полумраке, шуршала, покачивала высохшими метелками густая чаща кукурузы. Кусая от страха губы, закрыв уши руками, Мария вытянулась в ложбине борозды. Ей хотелось втиснуться в затвердевшую, поросшую травой пахоту, укрыться землей, чтоб не видеть и не слышать того, что творилось сейчас на хуторе.

Она легла на живот, уткнулась лицом в сухую траву. Но долго лежать так ей было больно и неудобно,— беременность давала о себе знать. Вдыхая горьковатый запах травы, она повернулась на бок, полежала немного, потом легла на спину. Вверху, оставляя огненный след, гудя и высвистывая, проносились реактивные снаряды, зелеными и красными стрелами пронизали небо трассирующие пули. Снизу, от хутора, тянулся тошнотворный, удушливый запах дыма и гари.

— Господи,— всхлипывая, шептала Мария,— пошли мне смерть, господи... нет у меня больше сил... не могу я... пошли мне смерть, прошу тебя, боже...

Она поднялась, стала на колени, прислушалась. «Будь что будет,— подумала она в отчаянии,— лучше помереть там, со всеми».

Подождав немного, оглядываясь по сторонам, как затравленная волчица, и ничего не видя в алом, шевелящемся мраке, Мария поползла на край кукурузного поля. Отсюда, с вершины покатого, почти иепрнметного холма, хутор был хорошо виден. До него было километра полтора, не больше, и то, что увидела Мария, пронзило ее смертным холодом.

Все тридцать домов хутора горели. Колеблемые ветром, косые языки пламени прорывались сквозь черные клубы дыма, вздымали к потревоженному небу густые россыпи огненных искр. По освещенной заревом пожара единственной хуторской улице неторопливо ходили немецкие солдаты с длинными пылающими факелами в руках. Они протягивали факелы к соломенным и камышовым крышам домов, сараев, курятников, не пропуская на своем пути ничего, даже самого завалящего катушка или собачьей конуры, и следом за ними вспыхивали новые космы огня, и к небу летели красноватые искры.

Два сильных взрыва потрясли воздух. Они следовали один за другим на западной стороне хутора, и Мария поняла, что немцы взорвали новый кирпичный коровник, построенный колхозом перед самой войной.

Всех оставшихся в живых хуторян — их вместе с женщинами и детьми было человек сто — немцы выгнали из домов и собрали на открытом месте, за хутором, там, где летом был колхозный ток. На току, подвешенный на высоком столбе, раскачивался керосиновый фонарь. Его слабый, мигающий свет казался едва заметной точкой. Мария хорошо знала это место. Год тому назад, вскоре после начала войны, она вместе с женщинами из своей бригады ворошила на току зерно. Многие плакали, вспоминая ушедших на фронт мужей, братьев, детей. Но война им казалась далекой, и не знали они тогда, что ее кровавый вал докатится до их неприметного, малого, затерянного в холмистой степи хутора. И вот в эту страшную сентябрьскую ночь на их глазах догорал родной хутор, а сами они, окруженные автоматчиками, стояли на току, словно отара бессловесных овец на тырле, и не знали, что их ждет...

Сердце Марии колотилось, руки дрожали. Она вскочила, хотела кинуться туда, на ток, но страх остановил ее. Попятившись, она снова приникла к земле, впилась зубами в руку, чтобы заглушить рвущийся из груди истошный крик. Так Мария лежала долго, по-детски всхлипывая, задыхаясь от едкого, ползущего на холмы дыма.

Хутор догорел. Стали стихать орудийные залпы. В потемневшем небе послышался ровный гул летящих куда-то тяжелых бомбардировщиков. Со стороны тока Мария услышала надрывный женский плач и короткие, злые выкрики немцев. Сопровождаемая солдатами-автоматчиками нестройная толпа хуторян медленно двинулась по проселочной дороге. Дорога пролегала вдоль кукурузного поля совсем близко, метрах в сорока.

Мария затаила дыхание, приникла грудью к земле. «Куда ж они их гонят? — билась в ее воспаленном мозгу лихорадочная мысль.— Неужто расстреливать будут? Там же малые дети, ни в чем не повинные женщины»... Широко открыв глаза, она смотрела на дорогу. Толпа хуторян брела мимо нее. Три женщины несли на руках грудных детей. Мария узнала их. Это были две ее соседки, молодые солдатки, мужья которых ушли на фронт перед самым приходом немцев, а третья — эвакуированная учительница, она родила дочку уже здесь, на хуторе. Дети повзрослее ковыляли по дороге, держась за подолы материнских юбок, и Мария узнала и матерей и детей... Неуклюже прошагал на своих самодельных костылях дядя Корней, ногу ему отняли еще в ту германскую войну. Поддерживая друг друга, шли двое ветхих стариков вдовцов, дед Кузьма и дед Никита. Они каждое лето сторожили колхозную бахчу и не раз угощали Марию сочными, прохладными арбузами. Хуторяне шли тихо, и лишь только кто-нибудь из женщин начинал громко, навзрыд плакать, к ней тотчас же подходил немец в каске, ударами автомата сбивал ее с ног. Толпа останавливалась. Ухватив упавшую женщину за ворот, немец поднимал ее, быстро и сердито лопотал что-то, указывая рукой вперед...

Всматриваясь в странный светящийся полумрак, Мария узнавала почти всех хуторян. Они шли с корзинками, с ведрами, с мешками за плечами, шли, повинуясь коротким окрикам автоматчиков. Никто из них не говорил ни слова, в толпе слышался только плач детей. И лишь на вершине холма, когда колонна почему-то задержалась, раздался душераздирающий вопль:

— Сволочи! Пала-чи! Фашистские выродки! Не хочу я вашей Германии! Не буду вашей батрачкой, гады!

Мария узнала голос. Кричала пятнадцатилетняя Саня Зименкова, комсомолка, дочка ушедшего на фронт хуторского тракториста. До войны Саня училась в седьмом классе, проживала в школьном интернате в далеком районном центре, но школа уже год не работала, Саня приехала к матери и осталась на хуторе.

— Санечка, чего это ты? Замолчи, доченька! — запричитала мать.— Прошу тебя, замолчи! Убьют они тебя, деточка моя!

— Не буду молчать! — еще громче крикнула Саня.— Пускай убивают, бандиты проклятые!

Мария услышала короткую автоматную очередь. Хрипло заголосили женщины. Лающими голосами закаркали немцы. Толпа хуторян стала удаляться и скрылась за вершиной холма.

На Марию навалился липкий, холодный страх. «Это Саню убили»,— молнией обожгла ее страшная догадка. Она подождала немного, прислушалась. Человеческих голосов нигде не было слышно, только где-то в отдалении глуховато постукивали пулеметы. За перелеском, восточнее хутора, то здесь, то там вспыхивали осветительные ракеты. Они повисали в воздухе, освещая мертвенным, желтоватым светом изуродованную землю, а через две-три минуты, истекая огненными каплями, гасли. На востоке, в трех километрах от хутора, проходил передний край немецкой обороны. Вместе с другими хуторянами Мария была там, немцы гоняли жителей рыть окопы и ходы сообщения. Извилистой линией они вились по восточному склону холма. Уже много месяцев, страшась темноты, немцы по ночам освещали линию своей обороны ракетами, чтобы вовремя заметить цепи атакующих советских солдат. А советские пулеметчики — Мария не раз видела это — расстреливали вражеские ракеты, рассекали их, и они, угасая, падали на землю. Так было и сейчас: со стороны советских окопов затрещали пулеметы, и пули устремились к одной ракете, ко второй, к третьей и погасили их...

«Может, Саня жива? — подумала Мария.— Может, ее только ранили, и она, бедненькая, лежит на дороге, истекает кровью?» Выйдя из гущины кукурузы, Мария осмотрелась. Вокруг — никого. По холму тянулся пустой затравевший проселок. Хутор почти догорел, лишь кое-где еще вспыхивало пламя да над пепелищем мельтешили искры. Прижимаясь к меже на краю кукурузного поля, Мария поползла к тому месту, откуда, как ей казалось, она слышала крик Сани и выстрелы. Ползти было больно и трудно. На меже сбились, согнанные ветрами, жесткие кусты перекати-поля, они кололи колени и локти, а Мария была босиком, в одном старом ситцевом платье. Так, раздетой, она минувшим утром на рассвете убежала с хутора и теперь проклинала себя за то, что не взяла пальто, платок и не надела чулки и туфли.

Ползла она медленно, полуживая от страха. Часто останавливалась, вслушивалась в глухие, утробные звуки дальней стрельбы и снова ползла. Ей казалось, что все вокруг гудит: и небо, и земля, и что где-то в самых недоступных глубинах земли тоже не прекращается это тяжкое, смертное гудение.

Саню она нашла там, где и думала. Девочка лежала, распростертая в кювете, раскинув худые руки и неудобно подогнув под себя босую левую ногу. Еле различая в зыбком мраке ее тело, Мария прижалась к ней, щекой ощутила липкую влажность на теплом плече, приложила ухо к маленькой, острой груди. Сердце девочки билось неровно: то замирало, то колотилось в порывистых толчках. «Живая!» — подумала Мария.

Оглядевшись, она поднялась, взяла Саню на руки и побежала к спасительной кукурузе. Короткий путь показался ей бесконечным. Она спотыкалась, дышала хрипло, боясь, что вот сейчас уронит Саню, упадет и больше не поднимется. Уже ничего не видя, не понимая, что вокруг нее жестяным шелестом шумят сухие стебли кукурузы, Мария опустилась на колени и потеряла сознание...

Очнулась она от надрывного стона Сани. Девочка лежала под ней, захлебываясь от заполнившей рот крови. Кровь залила лицо Марии. Она вскочила, подолом платья протерла глаза, прилегла рядом с Саней, приникла к ней всем телом.

— Санечка, деточка моя,— шептала Мария, давясь слезами,— открой глазки, дите мое бедное, сиротиночка моя... Открой свои глазоньки, промолви хоть одно словечко...

Дрожащими руками Мария оторвала кусок своего платья, приподняла Санину голову, стала вытирать клочком застиранного ситца рот и лицо девочки. Прикасалась к ней бережно, целовала солоноватый от крови лоб, теплые щеки, тонкие пальцы покорных, безжизненных рук.

В груди у Сани хрипело, хлюпало, клокотало. Поглаживая ладонью детские, с угловатыми коленками ноги девочки, Мария с ужасом почувствовала, как холодеют под ее рукой узкие ступни Сани.

— Прокинься, деточка,— стала молить она Саню.— Прокинься, голубочка... Не умирай, Санечка... Не оставляй меня одну... Это я с тобой, тетя Мария. Слышишь, деточка. Мы же с тобой только двое остались, только двое...

Над ними однообразно шелестела кукуруза. Утихли пушечные залпы. Потемнело небо, лишь где-то далеко, за лесом, еще содрогались красноватые отсветы пламени. Наступил тот предутренний час, когда убивающие друг друга тысячи людей — и те, кто подобно серому смерчу стремился на восток, и те, кто грудью своей сдерживал движение смерча,— уморились, устали корежить землю минами и снарядами и, одуревшие от грохота, дыма и копоти, прекратили страшную свою работу, чтобы отдышаться в окопах, отдохнуть немного и вновь начать трудную, кровавую жатву...

Саня умерла на рассвете. Как ни старалась Мария согреть смертельно раненную девочку своим телом, как ни прижималась к ней горячей своей грудью, как ни обнимала ее,— ничего не помогло. Похолодели Санины руки и ноги, замолкло хриплое клокотание в горле, и вся она стала застывать.

Мария закрыла Сане чуть приоткрытые веки, сложила на груди исцарапанные, со следами крови и лиловых чернил на пальцах, одеревеневшие руки и молча села рядом с мертвой девочкой. Сейчас, в эти минуты, тяжкое, неутешное горе Марии — смерть мужа и малого сына, два дня назад повешенных немцами на старом хуторском тополе,— как бы уплыло, заволоклось туманом, сникло перед лицом этой новой смерти, и Мария, пронзенная острой, внезапной мыслью, поняла, что ее горе только невидимая миру капля в той страшной, широкой реке горя людского, черной, озаренной пожарами реке, которая, затапливая, руша берега, разливалась все шире и шире и все быстрее стремилась туда, на восток, отдаляя от Марии то, чем она жила на этом свете все свои недолгие двадцать девять лет...

Утро наступало медленно. Нехотя забрезжила бледная заря. Низко, с гортанным карканьем над кукурузой пролетела стая ворон. Тронутые холодной росой, притихли, вяло обвисли влажные кукурузные метелки. Со стороны окопов доносились глуховатые винтовочные выстрелы и редкие пулеметные очереди.

Охватив колени руками, Мария смотрела на мертвую Саню. Нос девочки уже заострился, лоб и щеки отливали матовой, восковой желтизной. На отвисшем подбородке

и на левой щеке засохли темные пятна крови. Прядка белесых волос прилипла к виску.

— Сейчас я обряжу тебя, бедная ты сиротиночка,— тихо проговорила Мария,— и личико твое обмою, и косочки заплету, и ротик твой закрою... Трудно мне будет выкопать тебе могилку, дитя мое несчастное, нет у меня ни лопаты, ни ломика...

Марию бил озноб. Она зябко поводила плечами, шептала слова, не вникая в их смысл. Тронув рукой пожелтевшую руку Сани, сказала, словно обращалась к живой:

— Пальцы-то у тебя в чернилах, девчоночка... хоть школу вашу закрыли, а грамотной ты хотела быть... Учительницей быть хотела. Не довелось тебе выучиться...

На увядших космах пырея, который обильно покрыл междурядья неполотой кукурузы, лежала утренняя заря. Мария поднялась, омыла росой липкие, грязные руки, оторвала от подола платья тряпицу и, увлажнив ее росой, стала отмывать от крови застывшее лицо Сани. Потом она осторожно подтянула тряпицей отвисший подбородок девочки, концы мокрой тряпицы подвязала на темени, стала поправлять ее светлую косу и вскрикнула от жгучего укола в палец. Высосала выступившую на пальце капельку крови. Осторожно перебрала растрепанную косичку умершей и нашла запрятанный в волосах значок с отогнувшейся острой застежкой.

Мария подержала значок на ладони. На его алой эмали блестел профиль Ленина. Мария заплакала.

— Вот, товарищ Ленин,— сказала она, давясь слезами,— вот чего сделали с людьми, с бедной Санечкой, со мной... Куда мне теперь податься, товарищ Ленин? Скажите, дайте мне ответ, Владимир Ильич, научите меня... Отец мой, и мать моя, и муж мой, и сыночек мой малый жизни лишились, и осталась я на белом свете одна...

Долго убивалась Мария, долго плакала, всхлипывая и причитая, потом упала ничком на пахоту, и ей показалось, что она летит куда-то вниз, в черную бездну. Над ней, будто короткий грозовой гром, со свистящим подвыванием, совсем низко пронеслись самолеты-штурмовики. Мария очнулась. Алый значок она приколола к темному, затвердевшему от крови платьишку Сани, отошла немного и, опустившись на колени, стала рыть могилу.

В эту осень дождей было мало, поросшая сорняками пахота затвердела. Мария рыла по-собачьи, с трудом подгребая под себя сухую, комковатую землю. У нее заболели пальцы, у ногтей появились болючие, кровоточащие заусеницы. Она села, вытерла пот. Подумав, оторвала от подола еще одну длинную тряпицу, разделила ее на десять равных лент. Теперь ее застиранное, захлюстанное росой платье превратилось в лохмотья. Помогая себе зубами, Мария туго забинтовала и завязала пальцы.

Ей нестерпимо хотелось пить, но воды не было. Она пожевала влажную траву, с отвращением выплюнула горький, зеленоватый комок и снова стала копать, углубляя яму.

Подумав о том, что надо знать длину могилы, чтобы не копать лишнего, она подошла к Сане, четвертями измеряла ее неподвижное, вытянутое тело. Получилось семь с половиной четвертей. Она отметила вдоль ямы девять. «Так,— подумала,— ей не будет тут тесно». Потом снова стала на колени, продолжая рыть могилу.

Где-то на западе послышался ровный, невнятный гул. Тяжкий гул нарастал. Мария легла, приложила ухо к земле. Земля глухо, утробно гудела. Мария поняла: по дороге вдоль хутора идут немецкие танки. Она видела их однажды, грузные, пышущие жаром громадины с черными крестами и чужими, непонятными буквами на боках и на башнях. «Подавят они наших,— с тоской и страхом подумала Мария,— захоронятся в лесу, потом выскочат и начнут давить». Не успела она так подумать, как вдруг из-за леса загрохотали беспорядочные залпы пушек. Над головой Марии с воем, с диким, пронзительным шелестом стали проноситься снаряды. Они рвались в той стороне, откуда слышался грозный скрежет танков. Три снаряда разорвались где-то совсем близко, на кукурузном поле. Воздушная волна отбросила Марию и мертвую Саню к самой меже...

В ушах у Марии звенело. Глаза запорошило пылью. Бурая пыль густым облаком колебалась над кукурузой, застилая солнце. Как видно, залпы советских пушек не смогли задержать движение танков, теперь они рычали у самого леса.

Мария подождала немного, протерла глаза, подошла к Сане, обобрала вокруг нее сбитые взрывами сухие кусты перекати-поля, взяла труп девочки на руки и понесла к недорытой могиле. Могилу рыла до самого подвечерья, вслушиваясь в отдаленную трескотню пулеметов, в редкие выстрелы пушек и разрывы мин. Руки у нее разламывались от усталости и боли, во рту пересохло, но роса давно сошла, и ей нечем было утолить жажду.

На закате солнца Мария подтащила тело Сани к могиле, опустила в яму ее босые ноги, поцеловала в лоб, оправила труп в глубине ямы. Плакать Мария уже не могла.

— Прощевай, деточка,— хрипло сказала она,— пусть земля тебе будет пухом...

Изорванное платье Марии было мокрым от пота. Солнце зашло, потянуло прохладой. Мария стала дрожать от озноба. С лихорадочной быстротой, чтобы успеть до темноты, она стала обрывать с кукурузных початков сухие шуршащие листья и таскать их в борозду. Рук она уже почти не чувствовала, но продолжала рвать, надеясь на то, что в ворохе листьев сможет укрыться от ночного холода. Ей очень хотелось есть, но, кроме перезрелых, твердых, как камень, початков, вокруг ничего не было. С трудом разломив пополам длинный початок, она стала выгрызать на сломе жесткие зерна, раскусывала их, ворочала во рту, но они застревали в горле, вызывали кашель и тошноту.

Разбитая, обессиленная, она прилегла на ворох кукурузных листьев, стала умащиваться, укрываться с боков и сверху. Долго ворошила, перекладывала листья, охапку положила под голову, другую нагребла на себя, свернулась на боку, подтянув колени к самому подбородку, и затихла. Уснула она не сразу, долго всхлипывала, прерывисто дышала, на короткое время ее охватывало полузабытье, и она отдыхала. Только к полуночи вконец измаянную Марию охватил спасительный сон... И в эти недолгие часы перед ней в отрывочных, то сладких, то горестных сновидениях промелькнула почти вся ее жизнь...

Ей снилось, что она летит по теплому, весеннему воздуху над зелеными, испещренными темными межами полями и у самой дороги узнает свое поле, на котором стоит ее отец, не такой худой, заросший рыжеватой щетиной, каким он был, когда его расстреливали белогвардейцы, а совсем молодой и красивый. Ветер шевелит его кудрявые волосы, он машет рукой, зовет Марию к себе, а она улыбается и не хочет спускаться на землю, потому что ей приятно, не чувствуя веса своего тела, легкой птицей парить над землей, видеть голубой извив речушки, и вербы на берегах, и стога сена, и белые, будто игрушечные, домики хутора...

Потом, после какого-то темного, томительного провала, Мария вдруг увидела пламя. Она застонала во сне, подумав, что это горит хутор, но это было пламя пионерского костра на берегу речки, и вокруг костра танцевали мальчики и девочки в красных галстуках, и она сама, двенадцатилетняя Маша, тоже держала кого-то за руку, пела веселую песню, и ей было так радостно и хорошо, что она хотела обнять всех: и учителей, стоявших под вербой, и высокого, ладного пионервожатого Ваню, который позже, через шесть лет, стал ее мужем, и хуторских мальчишек и девчонок, здоровых, румяных, чисто одетых. Они все смеялись, пели, плясали и все увидели, как на востоке, за речкой, за зелеными лугами, теплая, лучистая, загорается алая утренняя заря. Но оказалось, что это вовсе не заря, а огромный, прозрачный, охвативший полнеба значок, и оттуда, из алой зари — все увидели — улыбается живой Ленин...

Ночной холод разбудил Марию. Она проснулась, всмотрелась в звездное небо, еще не понимая, где она и что с ней произошло, а когда то страшное, что она пережила, дошло до ее сознания и Мария поняла, что нет ни пионерского костра, ни учителей, ни мужа Ивана, а есть только дотла сгоревший хутор, убийства и смерть,— она упала, зарыла лицо в холодные кукурузные листья и забилась в безудержном плаче.

Мария не знала, что за те два-три часа, пока она спала, вражеские танки прорвали за речкой слабую линию советской обороны, выбили советских солдат из окопов и, сопровождаемые пехотой и самоходной артиллерией, устремились на восток. Все более отдаленными и глухими стали пушечные залпы, а взрывы мин и пулеметные очереди уже не были слышны совсем. Только на дальней шоссейной дороге — она проходила севернее хутора, километрах в пятнадцати,— до слуха Марии едва доносилось невнятное урчание грузовиков да изредка пролетали почти невидимые в темноте немецкие ночные бомбардировщики. Мария не знала и не могла знать, что здесь, на неубранном кукурузном поле, она осталась одна в глубоком немецком тылу, что фронт все дальше откатывается на восток, что все окрестные хутора по приказу немецкого командования сожжены дотла, а уцелевшее после зверских казней их население угнано в Германию. И не осталось в этих глухих местах ни одного живого человека, кроме нее, Марии...

Вздрагивая от рыданий, страшась темноты, Мария снова зарылась в листья и, согревшись, уснула. И снова ей снились разрозненные обрывки ее жизни: давние похороны матери, лунная ночь в майском лесу и жаркие объятия Ивана; веселая пора сенокоса, узкое займище по обе стороны речушки, дурманящий запах срезанных косами трав; то она видела себя одетой в белое платье восемнадцатилетней невестой, и сладко замирала от первого на людях поцелуя милого и желанного своего Вани; то слышались ей громкие споры и ругань хуторских мужиков в тот памятный вечер, когда районный уполномоченный предложил всем вступить в колхоз; то мучилась она от свирепого зимнего холода и проклинала дырявый колхозный коровник, и председателя, который не хотел чинить крышу, и дойку коров, от которой у нее опухли руки...

Разбудило Марию стрекотание сорок. Она открыла глаза и, не шевелясь, смотрела на птиц. Две сороки сидели, покачиваясь, на чуть склоненных стеблях кукурузы и о чем-то разговаривали. Марию поразила тишина и эти живые птицы, которых она не видела уже три дня. Где-то очень далеко ухали пушки. Солнце осветило кукурузные метелки. Трава в междурядьях казалась серебряной от обильной росы. Разворошив листья, Мария села. Сороки тотчас же улетели.

Жажда и голод ослабили Марию. Она поднялась и тотчас почувствовала противную тошноту и головокружение. «Что делать? — подумала Мария.— Куда идти?» Она вспомнила, что рядом с кукурузным полем колхозники сажали поздний картофель, свеклу и капусту. Все это осталось неубранным. «Пойду туда,— решила Мария,— иначе я помру». Затравленно оглядываясь, стараясь не касаться стеблей кукурузы, чтобы шелест сухих листьев не выдал ее, она медленно пошла к западной меже поля...

Небольшая, кареглазая, с едва заметными конопинками на носу, она шла, переваливаясь, полуголая, едва прикрытая оторванными, пожухшими от крови лохмотьями. В разметавшихся по плечам каштановых ее волосах топорщились кукурузные листья, ломкие стебельки полыни; полные, округлые икры маленьких босых ног были исцарапаны, покрыты ссадинами.

Выйдя на межу, она осмотрелась и, страшась встречи с немцами, поползла между рядами картофельной ботвы. Не поднимая головы, стала рукой подрывать куст картофеля. Израненные пальцы нестерпимо болели, но она все же вырыла две картофелины, потерла их между ладонями, чтобы очистить от комочков сухой земли, и стала с жадностью есть. Пресная мякоть картофеля не утолила голода, только вызвала острую резь в желудке.

Мария прилегла в борозде, закинула руки за голову, закрыла глаза. Изнывая от горя, она вспомнила все, чем жила эти годы и как осталась одна...

В гражданскую войну белогвардейский карательный отряд расстрелял ее отца-коммуниста. Марии было тогда семь лет, но она помнила, как четверо пожилых бородатых казаков подвели связанного отца к глинобитной стенке соседского сарая, расстреляли, бросили его тело в телегу, забросали навозом и вывезли в поле. Была ранняя весна, слежавшийся за зиму навоз струил призрачный парок, а тощие лошади долго не могли вытащить телегу из грязи. После ухода белогвардейцев хуторяне привезли мертвого отца и похоронили на кладбище. Когда умерла мать, Марии было шестнадцать лет. Она осталась круглой сиротой, и за ней приглядывали соседи, родители Ивана. Они отремонтировали ее убогую халупку, помогли огородить двор вербовым плетнем. Иван был старше Марии на три года. Оба они смогли окончить только четыре класса начальной школы, потому что школа была далеко, в районном селе, да и по хозяйству надо было работать, чтобы добыть кусок хлеба. Иван и Мария были комсомольцами. Они в числе первых вступили в колхоз. Маленькая, ладная Мария давно нравилась Ивану, они часто гуляли в лесу, долгие вечера просиживали за хутором, на берегу мелководной речушки. Вскоре они поженились, а через год после свадьбы Мария родила сына, которого назвали Васей.

Высокий, сильный Иван души не чаял в своей жене. Таясь от хуторян, любил носить ее на руках, за малый рост называл «кнопочкой», а за смешные, едва заметные веснушки на переносице — «конопулей». Проходили годы, но Иван не растерял своей любви. Он все больше привязывался к Марии, уважал ее за тихий, спокойный нрав, за скромность, за то, что в доме у них всегда было чисто и уютно. И Мария отвечала ему такой же любовью.

Оба они работали в третьей бригаде колхоза имени Ленина, он — шофером, она — дояркой. Правление колхоза было далеко, километров за тридцать, а все взрослые жители заброшенного в степную глухомань хутора и составляли третью бригаду: сеяли хлеб, выращивали крупный рогатый скот и свиней. Руководил бригадой старый коммунист, бывший пастух дядя Федор. Вторым коммунистом был Иван.

Перед войной Иван и Мария с помощью колхоза построили новый домик, насадили молодой сад. Домик поставили на краю хутора. Тут и думали прожить жизнь. Но все сложилось иначе. В первый же день войны Ивана, бригадира дядю Федора и одиннадцать хуторян вызвали в военкомат и отправили на фронт. Осенью жена дяди Федора тетка Марфа получила похоронную, а через несколько месяцев на хуторе появился исхудавший, на себя непохожий Иван. Левая рука его была ампутирована выше локтя. Мария обрадовалась возвращению мужа, утешала его как могла, но, видно, в недоброе время вернулся он домой. Лавина

Степан ЩИПАЧЕВ

#

Старая женщина
у профессора няней живет,
капризную девочку
егозинкой зовет.
Уж не оттого ль,
что заря за окном красна,
распахнуты глазки
и в них ни темнинки сна?
Расплакалась девочка,
го́лоса ниточку тянет,
а няня устала —
не сладко живется няне.
Пора бы на отдых заслуженный,
как говорится,
да дочку жалеет,
а дочке за тридцать.
Красивою дочка считает себя.
Льноволосы,
короною светлой

войны неотвратимо приближалась к хутору. Немцы успешно развернули летнее наступление на юге. Советские армии отступали к Волге и Кавказу. В эти дни, как на грех, у Ивана поднялась температура, в культе отрезанной руки открылись свищи. Председатель колхоза свозил его в районную больницу, там сказали, что в кости культи идет воспалительный процесс, что называется это остеомиелит, что требуется специальное лечение, которое врачи сейчас обеспечить не могут, так как весь врачебный персонал эвакуируется.

Дни, прожитые Иваном после возвращения из больницы, были самыми черными днями в жизни его семьи...

Сейчас, лежа среди сухой картофельной ботвы, Мария вспоминала эти страшные дни, полные горя, слез, тяжелых предчувствий, ожидания чего-то неминуемого, неотвратимого, как смерть. Она помнила каждое сказанное тогда Иваном слово и каждое свое слово, помнила, где и как говорились эти слова, какое выражение лица было у больного мужа и как плакал десятилетний Васятка...

Вернувшись из больницы, Иван прилег на широкой деревянной скамье, поставленной в тень старой яблони, единственного дерева, которое оставили невыкорчеванным при посадке молодого сада. Яблоню в давние времена посадил дед Ивана. Его подворье примыкало к речке, потом, когда дед умер, пришло в упадок, а перед войной Иван и Мария, облюбовав удобное место, построили домик на разоренной дедовской усадьбе и сохранили старую яблоню...

Был теплый июньский день. Сквозь листья яблони пробивались солнечные лучи. Под легким ветерком ветки дерева слегка шевелились, и на земле, играя, мерцали светлые пятна. Подмостив под голову стеганку, Иван лежал с закрытыми глазами. Мария сидела рядом, держала горячую руку мужа в своей руке. Васятка, присев на корточки, полол лук на только что политой грядке. Стояла дремотная тишина. Среди молодых деревьев деловито жужжала одинокая пчела. Вдруг до слуха Марии донесся странный, протяжный звук. Ей показалось, что где-то очень далеко гремит гром. Она подняла голову. В чистой небесной голубизне не было ни одного облачка, сияло солнце. А дальние, едва слышные раскаты грома не утихали.

Иван открыл глаза, прислушался, пристально посмотрел Марии в глаза.

— Нам надо уходить,— сказал он,— это они.

Мария не поняла.

— Кто они?

— Немцы.

— Что ты, Ваня? — испуганно сказала Мария.— Какие немцы?

— Те самые,— сказал Иван.— Видать по всему, они скоро будут здесь.

Никогда не видела Мария такого лица у мужа: он смотрел на нее тоскливыми, воспаленными глазами. Небритые, с белесой щетиной щеки его глубоко ввалились. На скулах играл нездоровый румянец, а сухие, потрескавшиеся губы дрожали.

— Надо уходить,— повторил Иван,— иначе будет поздно.

— Куда ж ты такой пойдешь? — сказала Мария.— Погляди на себя! Ты весь в жару, рука у тебя горячая, как утюг.

— Все равно, надо уходить,— сказал Иван.— Ты понимаешь это? Уходить надо от проклятых зверей! Они никого не милуют, убивают старых и малых. Ты не видела, а я видел, что они творят... Людского в них ничего нет. Понимаешь? Ничего! Они ребятишек расстреливают... раненых добивают... грабят... насильничают... Надо нам уходить... уходить надо...

Речь Ивана становилась отрывистой, бессвязной. Он на минуту-другую терял сознание, умолкал, потом снова приходил в себя и не переставал твердить:

— Надо уходить, Марусь?! Слышишь? Надо уходить...

Мария заплакала.

— Как же мы уйдем, Ваня? Ты совсем больной, без памяти только сейчас был. Куда мы пойдем и кому мы нужны? И потом... потом... ты знаешь... Ваня...

Она покраснела, опустила голову, понизила голос.

— Я в положении... уже третий месяц пошел... куда мне идти?

Мария приникла щекой к груди Ивана. Они долго молчали. Иван ласково гладил волосы жены, взволнованно шептал:

— Ну хорошо... хорошо, Маруся... Подумаем... Завтра, может, мне станет лучше, я съезжу до председателя, с ним посоветуюсь... Я ведь коммунист... Я много могу сделать... Это ничего, что у меня одна рука. Стрелять можно и одной рукой...

— А что если тебя... если на тебя донесут, Ваня? — бледнея, сказала Мария.— Если найдется какая-нибудь сволочь, пойдет к немцам и докажет: так, мол, и так, есть у нас на хуторе один-единственный коммунист и к тому же красноармеец. Что будет тогда?

— Этого не может быть,— сказал Иван,— сволочей у нас нет, да и хуторяне-то почти что все наши родичи.

Иван помолчал, глядя куда-то поверх головы Марии.

— А все-таки, Маруся, лучше мне съездить до председателя и в райкоме побывать... Жалко, сил у меня нет, с ног валюсь... Один не доеду... упаду на дороге и сдохну, как собака...

Губы его искривила вымученная, виноватая улыбка.

— Прости меня, Маруся,— сказал он,— это я так, к слову. Завтра выпрошу в бригаде коня и дрожки... вместе с тобой поедем... и Васятку возьмем...

Однако ехать Ивану уже не пришлось. Часа два он пролежал без сознания, метался, рвал на себе рубашку, бредил. Васятка плакал. Мария прикладывала к голове Ивана смоченное холодной водой полотенце, целовала его руку, принималась голосить и умолкала, подавляя рыдания. На ее голос сбежались хуторяне, сгрудились под яблоней, с жалостью смотрели на искаженное, покрытое пóтом лицо Ивана. Когда он пришел в себя и открыл глаза, две пожилых женщины помогли ему сесть, бережно поддерживая под руки.

Стояла тихая пора летнего предвечерья. В хуторских дворах перекликались куры. На крыше дома заливисто ворковали Васяткины голуби. От недалекой речной поймы тянуло прохладным запахом болотной сырости. Где-то за хутором просительно мычал теленок. Казалось, в этот благословенный час тишины и покоя ничто не предвещало беды. Но вот сквозь воркованье голубей, кудахтанье кур, сквозь разрозненные звуки мирного вечера вначале негромкий, далекий послышался ровный гул моторов. Он доносился откуда-то из поднебесья, с той стороны, где, опускаясь на длинное лиловатое облако, садилось багряное солнце. Басовитый гул приближался, стало слышно однообразное подвыванье, словно там, наверху, кто-то нес тяжкую, непосильную ношу.

Люди подняли головы. Над ними в сопровождении истребителей с оглушительным треском и грохотом пронеслись большие транспортные самолеты с черными крестами на крыльях. Описав полукруг, они развернулись севернее хутора, отдалились от него, и вдруг люди увидели, как от самолетов стали отделяться темные точки. Они неслись к земле и над ними, розовые в лучах заходящего солнца, один за другим вспыхивали купола парашютов...

— Ну, вот и все,— сквозь зубы сказал Иван,— это немецкий десант. Они, видать, хотят отрезать путь отхода нашим войскам...

Хуторяне стояли безмолвные, испуганные. Кто-то из женщин заплакал. Старики растерянно переглядывались. Все смотрели на Ивана, ожидая, что он скажет.

— Что ж, дождались и мы гостей,— помедлив, сказал Иван.— Теперь остается одно: всем быть за одного, а одному за всех, иначе пропадем. Слушайте, чего надо делать.

Всматриваясь в лица хуторян, он заговорил медленно, почти спокойно:

— У кого есть продукты, мука или сало, сахар или чего другое, схороните все чисто, они это загребают под метлу. Поросят, овечек, гусей порежьте, мясо засолите и держите где-нибудь в тайнике, иначе с голода ноги протянете... Все фотокарточки фронтовиков в красноармейской форме, а также письма с фронта схороните, а ежели будут спрашивать, есть ли кто на фронте, отвечайте, что, мол, убит в самом начале войны. У кого есть портреты или же книги Ленина и Сталина, все приберите, чтоб фашистские гады не нашли...

С первых дней детства зная всех стоявших под яблоней людей, Иван стал обращаться к каждому из них в отдельности.

— Ты, Феня, похоронила свой батарейный приемник, не сдала, когда приказ вышел все приемники сдать, теперь береги его, он нам пригодится... То же самое, дед Корней, с твоей двустволкой. Закопай ее так, чтоб только ты один знал, где она закопана... Ты, тетка Варя, не обижайся на меня, но я тебе скажу прямо: язык у тебя дюже длинный и ты своим языком людям вред можешь причинить, лучше держи его за зубами...

Так Иван поучал хуторян, а под конец сказал:

— Самое главное — не разводите панику и крепко держитесь один за другого. Не век мы будем под немцем, все одно наша возьмет и советские бойцы вернутся.

Помолчав, Иван добавил:

— Про то, что у тетки Марфы покойный муж, дядя Федор, был коммунистом, ни один немец не должен знать, иначе ее первую расстреляют... Про то, что Нина Львовна, учительница, эвакуирована до нас и про то, что она еврейка, тоже надо молчать, не то эти гады прикончат ее вместе с дитем... Ну, и насчет меня то же самое. Если спросят, кто, мол, такой, надо говорить одно: наш, дескать, хуторской, коммунистом не был, а руку ему оторвала сенокосилка...

К этому времени у старой яблони собрались все хуторяне. Они внимательно выслушали Ивана. Старики и женщины заверили его, что все будет так, как он сказал, и что они будут приходить к нему за советом. Разошлись хмурые, молчаливые.

Когда стемнело, к Ивановой избе на старом, растрепанном автомобиле неожиданно подъехал секретарь райкома партии. Он попросил Марию оставить его наедине с Иваном, не очень долго разговаривал с ним, попрощался и уехал.

— Чего он говорил? — спросила Мария у мужа.

— Сказал, что если хуторяне меня не выдадут немцам, то мне лучше остаться, и что со мной, когда надо будет, свяжутся наши люди.

— Ну, а ты что сказал?

Иван пожал плечами.

— Мое дело солдатское. Чего ж я должен говорить? Сказал, что за наших хуторян можно головой поручиться и что раз надо, значит останусь...

Продолжение следует.

уложены толстые косы.
Семейная жизнь
как-то странно сложилась.
Наряды нужны,
Голова закружилась.
Опять — на курорт.
Что ей матери проседь!
Звонки, телеграммы.
Денег просит.
Пять красненьких
нежно в руке хрустят.
Сегодня
подруги с мужьями
в гостях.
Ах, няня!
Мне жалко тебя. Не пойму
твоей доброты.
Дай, хоть руку пожму.

Сергей ЛИСИЦКИЙ

НА ПОЗИЦИЯХ РЕАЛИЗМА

Национальное по форме и социалистическое по содержанию, наше искусство дало миру замечательные художественные произведения. То, чего достигла наша литература, вооруженная самым передовым творческим методом — методом социалистического реализма, не видят лишь люди с предвзятым мнением. Недоброжелатели наши не только пытаются не замечать, но и искажать сущность этих достижений. Многое ими ставится с ног на голову. Тем отраднее видеть, что за последнее время наши литературоведы и критики проделали значительную работу по изучению опыта советской литературы, основательно и разносторонне занимаются проблемами науки о художественном творчестве.

Мне хочется поговорить лишь о нескольких книгах.

Характерным обстоятельством является уже то, что все они на первый взгляд, кажется, такие разные, имеют некую общую линию, вполне определенное направление. Все они утверждают героическое понимание жизни, человека — творца и созидателя нового мира, со всей глубиной и сложностью его души, его характера, его мировоззрения.

Заметным научным явлением был выход книги Б. Соловьева «Поэт и его подвиг (Творческий путь Александра Блока)», изданной «Советским писателем». Этот объемный труд (почти 50 печатных листов) не менее объемен по широте и глубине затронутых в нем вопросов жизни и творчества великого русского поэта, который действительно представляет в своем лице «целую поэтическую эпоху». Автор исследования не только дает яркую характеристику многим событиям тех бурных лет, не только показывает вехи жизненного и творческого пути Александра Блока от его первых поэтических опытов до создания знаменитой поэмы «Двенадцать», но и тщательностью анализа, научной доказательностью убеждает читателя в неизбежности, в сложной закономерности прихода большого художника к единственно верному творческому методу — методу социалистического реализма.

Отход и в конце концов полный разрыв с декадентским искусством и переход на сторону революции был для Блока поистине сложным и противоречивым. Б. Соловьев показывает читателю, что дни революции были для поэта именно тем «важным временем», «великим временем», когда могут разрешиться все трагические противоречия жизни, исполниться все, о чем раньше можно только мечтать. Действительно, необычайно сложный, а вместе с тем и внутренне цельный творческий путь Блока — результат общности многих его коренных и существеннейших тем. И эта общность и цельность дала поэту право назвать «великим предательством» время после революции 1905 года, которое Горький определил самым позорным и бесстыдным десятилетием в истории русской интеллигенции.

«Блок чувствовал: духом «великого предательства» заражены все сферы и области «страшного мира», ни одна из них — даже, казалось бы, самая далекая от злободневности и современности — не свободна от его влияния, и такие, казалось бы, извечно неизменные чувства, отношения, привязанности, понятия, как любовь, дружба, семья, красота, природа, мечта, благо, счастье и т. д.,— все это в условиях «страшного мира» подвергается деформации, превращается в одно из тех орудий, с помощью которых господствующие силы стремятся расширить и упрочить свое влияние, и нет почти ни одной сферы и области, которая была бы свободна от воздействия «страшного мира» и которая — в той или иной мере — не становилась бы его проводником и агентурой».

Такое понимание всего этого определяет мысль поэта, согласно которой «...только о великом стоит думать, только большие задания должен ставить себе писатель; ставить смело, не смущаясь своими личными малыми силами; писатель ведь — звено бесконечной цепи; от звена к звену надо передавать свои надежды, пусть несовершившиеся, свои замыслы, пусть незавершенные...»

Трудно да почти и невозможно рассказать обо всех новинках в литературной критике и в нашем литературоведении. Нельзя, однако, пройти мимо таких работ, какими являются книги А. Овчаренко «Социалистический реализм и современный литературный процесс» и Ю. Барабаша «Довженко. Некоторые вопросы эстетики и поэтики». Книги эти ценны прежде всего тем, что они, каждая по-своему, раскрывают творческий метод советских писателей, их эстетический (героический) идеал, раскрывают концепции многих художников слова, как наших, так и зарубежных.

Немало было споров о реализме: быть ли ему с прилагательным или без него, а если быть, то с каким? Предлагались самые разные: и реализм без берегов, и честный реализм, и гуманный, для недругов реализма, на худой конец лучше, разумеется, критический, чем социалистический! Говорилось и по поводу слияния реализма с романтизмом и наоборот, и многообразия стилей, и о многом другом, не говоря уже о том, на чьей стороне будущее: на стороне реализма или модернизма?

Большим вкладом в решение этих и других литературоведческих проблем является книга А. Овчаренко. Достоинство ее заключается прежде всего в том, что такие проблемы, как социалистический реализм или «модерность», социалистический реализм как художественный метод, романтизм в советской литературе, национальное и интернациональное и другие, решаются на опыте не только нашей, но и литератур других стран. В книге Овчаренко приводятся высказывания самых разных писателей и деятелей культуры, их взгляды на советскую литературу, на творческий метод наших писателей, рожденный на заре Октябрьской революции.

«Привожу все эти высказывания потому,— пишет автор,— что, поставленные в один ряд, они, как мне кажется, дают правильную характеристику (хотят того или не хотят их авторы) нового художественного качества. Художник, не идущий ни на какие компромиссы при изображении жизни народа, пробуждающегося к сознательному историческому творчеству, художник, показывающий «трудности рождения нового человека в сердце человека старого», художник, широко захватывающий жизнь в ее историческом движении, «сумятице сокрушительных перемен», не лишая человечество реальной надежды, художник, умело прозревающий в индивидуальных судьбах судьбу народа, охваченного яростным стремлением перевернуть мир, художник, видящий мир глазами активных участников социалистической революции, улавливающий в них красоту человечества, художник, достигающий при всем этом или, вернее, благодаря всему этому удивительного реализма,— такой художник и является настоящим социалистическим реалистом».

В книге А. Овчаренко как бы синтезированы многие положения литературоведческой науки, которые определились в последнее время, особенно в связи с дискуссиями о творческом методе, как у нас, так и у зарубежных художников. И эта масштабность (имеется в виду литература и искусство не только стран социалистического лагеря, но и других, капиталистических стран) дала автору возможность сделать оригинальные выводы и обобщения, которые являются в известной степени итоговыми. А. Овчаренко справедливо считает, что многое еще в литературоведческой науке не определено. И это естественно, когда смотреть на дело с диалектических позиций.

Известно, что как раньше, так и в последнее время особенно много дискуссий идет вокруг проблемы национального и интернационального начал в искусстве. Все настойчивее и целенаправленнее апологеты вне национального и надклассового творчества пытаются атаковать ряды художников-реалистов. И в связи с этим и сама по себе в книге А. Овчаренко привлекает особое внимание глава «Национальное и интернациональное». Критикуя И. Гренуля, Ю. Карасева и других литературоведов, которые пытались утвердить целую теорию, по которой якобы с переходом литератур на единую социалистическую идейно-художественную основу это единство «вытесняет национальное из сферы как их содержания, так и формы», автор утверждает иную точку зрения. Он говорит о преобразовании многочисленных наций в социалистические в процессе революционной перестройки мира, когда происходит сближение народов и их национальных культур только и только на интернациональной основе. И, разумеется, этот процесс не имеет ничего общего со стиранием национальной специфики. Автор рассматриваемой нами книги особо подчеркивает осторожность, с которой надо подходить к крайностям во взглядах на национальные и интернациональные начала в искусстве. Он говорит, что защищать национальные основы в искусстве — это не значит проявлять безразличие к другим литературам.

Желание автора нарисовать картину, где факты, такие разнообразные и трудносоединимые, выражали бы характер многонациональной советской литературы, приводит его к Александру Довженко. И это естественно, ибо трудно найти другого художника, творчество которого бы так блестяще разрешало многие проблемы национального и интернационального в современном искусстве. А. Овчаренко видит в лице Александра Довженко художника, который поднимался к вершинам мировой культуры через максимальное выражение в своем творчестве всего лучшего, что он видел в родном народе, в его национальном своеобразии. Анализируя творчество, приемы и методы одного из крупнейших мастеров культуры, А. Довженко, автор приходит к очень верному выводу: именно национальное в лучшем своем проявлении — это то, что взаимно обогащает людей, позволяет видеть особенности и своеобразие друг друга, сближает и объединяет их усилия в борьбе против общего врага.

Приступая к рассмотрению книги Ю. Барабаша «Довженко. Некоторые вопросы эстетики и поэтики», первоиздание которой — явление заметное и значительное, я намеренно опустил разговор о романтизме в советской литературе в книге А. Овчаренко. Поскольку Ю. Барабаш этой теме придает немаловажное значение и в силу того, что между тем и другим автором имеются некоторые разногласия, здесь хотелось бы поговорить об этом отдельно.

Сразу же хочется сказать, что сам факт некоторых разноречивых точек зрения на место романтизма и его значения в социалистическом реализме между А. Овчаренко и Ю. Барабашем (разумеется, и другими литературоведами) — свидетельство и развития как самого творческого метода нашего искусства, так и литературной науки о нем. Критикуя Ю. Барабаша за то, что тот считает проблему романтизма в нашей литературной науке решенной, А. Овчаренко в своей книге приводит высказывания Горького, Воровского, Луначарского, которые усматривали диалектическую подвижность границ между реализмом и романтизмом в искусстве нового мира, способность реалистических и романтических элементов соединяться самым неожиданным образом или существовать отдельно, как самостоятельное художественное качество.

Ю. Барабаш, в свою очередь, видит во взглядах А. Овчаренко иную крайность, он замечает, что его оппонент представляет проблему романтизма гораздо шире и неопределеннее, чем она есть в действительности. Свою аргументацию не всегда оправданного расширения «берегов» социалистического реализма Ю. Барабаш подкрепляет высказыванием А. Метченко, который, собственно, не отрицает сближение понятий «социалистический реализм» и «советская литература», но не признает взглядов тех, кто «отождествляет» с социалистическим реализмом и литературу первых пооктябрьских лет, когда в ней существовало не только «многообразие стилей и взаимоисключающих методов, отвергавших друг друга течений». Развивая эту мысль, Ю. Барабаш видит, что сегодня до полного взаимопроникновения понятий «советская литература» и «социалистический реализм» еще далеко. Он усматривает наряду с главным творческим методом — социалистическим реализмом — «элементы других методов (критического реализма, романтизма, модернизма), а также множество переходных форм». Ю. Барабаш в творчестве А. Довженко отмечает, что «романтическая стихия — у него — не является безраздельно господствующей, с нею соседствует, с нею переплетается и взаимодействует стихия реалистическая».

Таким образом, автор приходит к выводу, что А. Довженко вплотную подошел к решению синтеза реалистического и романтического начал, сочетания конкретного исторического изображения действительности «с ро-

мантическими приемами художественного обобщения», он верно подмечает наличие известной автономии романтики внутри нашего творческого метода. «Видимо, вместо категорического вопроса «Стиль или метод?» — и требования однозначного ответа на него правильнее было бы говорить о многогранности самого метода, многогранности, которая находит свое проявление в богатстве и разнообразии форм стилей советской литературы».

Через всю книгу Ю. Барабаша проходит основная, главная его мысль: раскрыть вопреки утверждениям противников «интеллектуальное богатство литературы социалистического реализма, доказать, что не претенциозный, на самом же деле плоский, банальный модернизм, а именно социалистический реализм есть воплощение... достижений в эстетике, истинное знамя искусства XX столетия». И эту задачу автору удалось решить самым исчерпывающим образом.

Привлекающим внимание изданием является вышедший недавно сборник литературно-критических статей Е. Книпович «Художник и время». В своей книге Е. Книпович анализирует сложные, порой противоречивые литературные явления, дает оценку многим произведениям как наших, так и зарубежных писателей. Внимание критика в первую очередь привлекает творчество Горького, Шолохова, Леонова, Светлова, Тихонова. Особый раздел книги составляют статьи, рассматривающие творчество Брехта, Кафки, Фолкнера и других писателей, на творческой судьбе которых критик обнаруживает «еще одно вещественное доказательство преступления капитализма против человеческой культуры».

Радует появление и таких интересных книг, как «Революция и Родина в творчестве А. Н. Толстого» А. Налдеева и «Горький и советская действительность» В. Панкова, а также «В борьбе и созидании» А. Власенко, в которых ставятся и разрабатываются важнейшие проблемы нашей литературы.

В книге А. Налдеева анализируются произведения А. Н. Толстого о революции и гражданской войне. В центре внимания автора — трилогия Толстого «Хождение по мукам». А. Налдеев рассматривает идею и образы романа «Сестры», его литературно-художественные достоинства, прослеживает историю создания романов «Восемнадцатый год», «Хмурое утро» и других произведений. Особое внимание привлекает раздел книги, где идет разговор о высоком чувстве патриотизма, любви к России А. Н. Толстого, которое с небывалой силой и страстностью проявилось в творчестве писателя в годы минувшей войны.

Всесторонне рассматривает известный литературовед и критик В. Панков произведения А. М. Горького, изображающие в основном новое, наше, советское время. В его книге раскрываются многие сложнейшие вопросы, связанные с наследием великого писателя. Автор доказательно, научно убеждает читателя в несостоятельности буржуазных идеологов, пытающихся принизить значение Горького, дискредитировать идеи основоположника советской литературы.

В сборнике критических статей А. Власенко рассматривается проблема героического образа в творчестве наших ныне работающих писателей, таких, как М. Алексеев, С. Антонов, С. Бабаевский, С. Никитин, В. Титов, В. Чивилихин...

Заметным стало появление книг А. Дымшица «Звенья памяти» и Ю. Пухова «Живые родники». Воспоминания, размышления о писателях, об их творчестве представляют собою для нас непреходящую ценность. Если А. Дымшиц рассказывает нам о таких деятелях культуры, как В. Маяковский, А. Толстой, Д. Бедный, А. Фадеев и другие, то Ю. Пухов говорит больше о своих современниках. Его внимание привлекают Н. Носов, Д. Еремин, М. Бубеннов и другие.

Разумеется, здесь сказано лишь о небольшой части вышедших за последнее время книг, но и они дают вполне ясное представление о разносторонней работе наших критиков и литературоведов. Рассматриваемые нами книги представляют, безусловно, интерес не только для исследователей, но и для всех, кто любит литературу, следит за ее новинками. Ценность их состоит не только в том, что они помогают нашим писателям разобраться в сложных вопросах теории и практики, но и в том, что их благотворное влияние ощутимо скажется на будущем литературы.

МНЕ Б ТОЛЬКО РЕЧКУ ПЕРЕПЛЫТЬ...

Аркадий САХНИН

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Поездка в Бонн началась для меня неприятностью. Двухместное купе в вагоне «Москва — Париж», где мне надлежало ехать, было превращено в багажное. Три кофра, швейная машина, чемоданы, баулы, тюки занимали все купе, высились до уровня верхней полки. Свободным оставался уголок у оконного столика, куда и втиснулась неопределенного возраста женщина с маленьким лицом, похожая на мышь. Остренький подбородочек, острые ушки, острый нос и очень мало жиденьких волос, как хвостик.

Владелица багажа повернула голову, хвостик шевельнулся и скрылся, и я увидел еще остренькие глазки.

Лицо ее выражало готовность дать отпор. Она не испытывала неловкости, а значит, винить ее не имело смысла. Надо было искать пути к мирному сосуществованию, ибо ехать в этом купе предстояло тридцать шесть часов, а места не было, хотя, согласно купленному билету, нижняя полка принадлежала мне. Я робко, может быть, даже несколько заискивающе поздоровался.

Это был мой просчет. Увидев, что противник сдался без боя, она ответила не сразу, возможно, прикидывая, нет ли здесь подвоха, или соображая, как вести себя дальше. Ее ответ звучал не «драсте», хотя именно это слово она произнесла, а нечто вроде снисходительного: «То-то же, смотри у меня!»

Поскольку и это я снес, она потеряла ко мне интерес и отвернулась к окну.

Я пошел к проводнику просить место в другом купе. Вежливый, предупредительный, он с досадой развел руками:

— Я уж и связываться с ней не хочу. В прошлом году ездила вот так же, а теперь опять... Во время войны вышла замуж в лагерях за полицая, а потом обосновались в Бельгии. Он боится сюда нос показать, а она ездит к своим и его родственникам, скарб перетаскивает, чтоб ничего не осталось. Подождите немного, пересажу вас, одно местечко есть.

В соседнем купе ехала Оля, девушка лет девятнадцати, монтер с какого-то завода. Она волновалась и нервничала, убедительно доказывая, как спокойно себя чувствует, ибо волноваться ей абсолютно не из-за чего и о нем она даже думать не хочет. Правда, парень он положительный, ударник коммунистического труда, но гордый. Перед самым призывом в армию они и поссорились из-за его гордости. Так и уехал, не попрощавшись. А потом прислал ребятам письмо. Оказывается, где-то под Берлином служит. Вместе с Лёней с их же завода. Написал — через полгода в отпуск приедет, хочет проверить, как там без него живут.

Она и не думала ему писать. Раз он свой характер выказывает, и она не будет унижаться. Послала письмо Лёне. Просто так, без значения. Интересно же знать, как живут за границей. Вот и просила сообщить ей об этом. О себе для приличия написала. Много работает, а вечерами учится, даже в кино некогда ходить. А если и ходит, то только с девочками.

Это Лёне написала. О нем и не спросила. Чего это ради она должна унижаться первой! Лёня ответил и про него написал, его все уважают и он — отличник боевой и политической подготовки... Это и так ясно, он и на заводе таким был. Но, надо же, привета и то не передал. И армия его от гордости не перевоспитала.

Ей было интересно, как там живут, за рубежом, и она стала собирать деньги на туристскую путевку. А то все ездят, а она еще ни разу никуда не была. Путевку дали со скидкой, но все равно деньги большие, и на них можно было много всего купить. Зато с Берлином ознакомится, где водружали знамя победы над рейхстагом, все достопримечательные места, музеи или что там у них еще есть посмотрит. Пригороды, наверно, красивые...

Брестский вокзал с обеих сторон обтекают пути. По одну сторону от него расстояние между рельсами, как и по всей нашей стране, — 1 524 миллиметра, а по другую — 1 435. Здесь нам стоять около двух часов. Поезд загонят в парк, поднимут вагоны домкратами и заменят тележки. Потом состав подадут на другую сторону вокзала. Следующая остановка уже на польской земле.

Пока готовился поезд, мы ездили смотреть Брестскую крепость. Когда вернулись, увидели на перроне мою бывшую соседку по купе со всеми ее вещами. Рядом стоял человек в форме таможенника. Проводник радостно говорил:

— Вот, стерва, барахло свое для видимости возила, золото у нее нашли. В тряпках оказалось...

— А у меня ничего не проверяли, — с сожалением сказала Оля.

— Да ни у кого не проверяли, — заметил стоявший рядом. — Они знают, где искать.

— И что же теперь с ней будет?

— А ничего не будет, — улыбнулся проводник. — Золото отберут, и пусть везет свое барахло в свою Бельгию...

Перед Берлином я подошел к Оле, стоявшей в коридоре у окна.

— Написала Лёне, что приеду с этим поездом, и вагон указала... А может, вообще не встретят... Ну и не надо. Не к ним же я в гости еду... Если не встретят, разве найдешь? Только номер воинской части...

Губы ее подрагивали, вот-вот расплачется. Задолго до остановки взяла свой чемоданчик и пошла в тамбур.

Поезд еще двигался вдоль перрона, когда мы увидели солдата. Он бежал, улыбаясь, махал рукой Оле.

Мне очень хотелось узнать, «он» это или Лёня. Когда удалось выбраться из вагона, на перроне их уже не было.

После Берлина вагон опустел. Кроме меня, осталась лишь грустная и странная пожилая чета из Франции. Я обратил на них внимание еще в Москве. Они ждали какого-то Диму, высматривая его сквозь окно на перроне, то и дело поглядывая на дверь тамбура.

Она называла его Данилой, а он ни разу не произнес ее имени. Маленькая, сухонькая, послушная, она заглядывала ему в глаза и все спрашивала:

— Ну, где же он, Данила?

Старик не отвечал жене, переступал с ноги на ногу и тихо не то напевал, не то бормотал:

Мне б только речку переплыть,
А там я знал бы, как мне жить...

Поезд тронулся. Старушка тихо заплакала.

— Опоздал Дима, — всхлипывала она.

— Замолчи! — крикнул Данила. — Не опоздал он, провожать нас постеснялся.

Часами они стояли в коридоре и смотрели в окно. Он объяснял ей:

— Депо. Видишь? Электродепо... Стадо пасется. Видишь?.. Картошка. Всю жизнь путевые обходчики картошку сажают возле своих хат.

Старушка молча кивала.

— Лес. Совсем как наш, видишь?

— Так это же и есть наш, а там — не наш.

— Дура ты, — грустно и беззлобно заключил он. — И там не наш, и это не наш...

И опять она тихо плакала, а он упрямо напевал:

Мне б только речку переплыть,
А там я знал бы, как мне жить...

Казалось, вот на глазах разыгрывается какая-то трагедия. Хотелось поговорить с ними, но все не получалось. Правда, в Бресте мы вместе ездили смотреть крепость, но вопросы задавали они, а о себе так ничего и не рассказали.

После Берлина Данила пригласил меня в купе.

— Вот, — показал он на фигурную бутылку. — Для проводов сохранил, думал, Дмитрий, племянник мой, подойдет. А он вот... — и Данила развел руками. — Может, не побрезгуете...

Не много рассказал о себе Данила и за стаканом вина. Был он когда-то помощником мастера подсобного цеха Луганского трубного завода и вел практику слесарного дела в заводском училище. А потом война забросила на чужбину. Долго скитались по странам, пока не осели под Парижем, основав собственное дело. Так и живут.

Поезд приближался к Кельну, где мне предстояло сходить, и я начал прощаться.

Данила сказал:

— Будете в наших краях, заходите. Это всего двадцать километров от Парижа.

Может, просто из вежливости приглашал, может, не думал, что, даже попади я во Францию, стану искать их в каком-то маленьком поселке, но слова его показались искренними. И старушка — звали ее Евдокия Ильинична — подтвердила:

— Приезжайте, приезжайте...

В Кельне поезд стоит несколько минут. Когда я вышел на перрон, заметил, что оба они, прижавшись к окну, грустно смотрят в мою сторону. Было неловко просто уйти, и я подошел поближе. Улыбаясь, они приветственно подняли руки. Когда поезд тронулся, старик исчез, но тут же появился в дверях тамбура. Глядя через плечо проводника, он махал мне рукой.

Было обидно, что так и не узнал судьбу людей, для которых лес «и там не наш, и это не наш», которым бы «только речку переплыть», чтобы начать иную жизнь.

Вскоре, однако, мне довелось побывать в Париже, и я решил известить их, особенно потому, что Данила — мой земляк. Они обрадовались. Данила обхватил меня своими большими руками и не выпускал, то тискал, то прихлопывал по плечу, а Евдокия Ильинична топталась вокруг нас, без конца повторяя:

— Бог ты мой, бог ты мой...

Квартира у них отдельная. Кухня метров семи и комната чуть поменьше, но в ней вполне уместилась широкая кровать. Данила показал и источник своих доходов — собственное дело. Оно находится в том же двухэтажном доме, где они живут,— под лестницей, рядом с входом в их квартиру. Это — слесарное производство. Если испортится у кого замок, несут к нему. Надо ключ сделать или ручку у чемодана укрепить, тоже к нему идут. Расценок на свои работы Данила не устанавливает — дают кто сколько может.

Зарабатывает он хорошо. Если бы не квартира, на которую уходит почти половина доходов, мог бы уже прилично накопить. Но все равно хватает на то, чтобы оплатить квартиру, страховку, налоги за производство и все другие виды налогов и остается еще на жизнь. Правда, на питание уходит мало, да много ли надо двум старикам?

За аренду производственного помещения домовладелец ничего с них не берет. Вместо этого Данила выполняет кое-что по мелочам для дома. Следит, чтобы исправно работали приборы отопления и водопроводная сеть. Ремонтирует краны, если они портятся, прочищает трубы, когда засорятся, выполняет другую мелкую работу.

Данила добросовестно нес свои обязанности, и хозяин это видел. Видел, что прогадал. Так он и сказал Даниле: работа по дому в среднем не отнимает и двух-трех часов в день и не возмещает стоимости выгодного места под лестницей. Но Данила — человек хороший, и можно пойти ему навстречу. Просто пусть Евдокия, которой все равно нечего делать, один раз в день подметает и всего один раз в неделю моет коридоры и лестницу да время от времени убирает во дворе. Жильцы аккуратные, мусора немного, какая уж там уборка!

То, что дверь в их квартиру рядом с лестницей, очень удобно. Если случится заказчик во время завтрака, обеда или ужина, можно оставить еду, поесть всегда успеется, зато люди знают: к Даниле можно идти в любое время. Не будь этого преимущества, вряд ли имел бы он клиентуру, потому что охотнее идут к толстяку Плашоне, у которого есть и токарный и сверлильный станки.

Данила не любит Плашоне, хотя тот ничего плохого ему не сделал. Напротив, завидев Данилу где-нибудь на улице в воскресный день, всегда первым любезно поздоровается и пригласит в гости. «Заходи на стаканчик вина, Данила,— весело подмигивая, скажет он.— Заходи, не стесняйся я угощу. Сегодня большой и выгодный заказ получил»,— и обязательно рассмеется.

И что тут смешного, непонятно. Просто дурачок какой-то. И врет он: дела у него идут плохо.

Данила не любит Плашоне и его глупый смех. Даниле хочется вот так же непринужденно ответить толстяку и в пику ему тоже рассмеяться. Сказать, что у него и самого дела идут хорошо и сам он приглашает на стаканчик вина. Он каждый раз думает вот так сказать и еще громче, чем толстяк, рассмеяться, но ничего из этого не получается. Он лишь буркнет что-то в ответ и заспешит, чтобы не послать ко всем чертям пузатого, потому что повода для этого нет, а вежливые, но колкие слова не приходят в голову.

Двадцать лет сидит он под деревянной лестницей. Он привык к электрическому свету в дневное время, его не раздражают скрипучие шаги над головой. Он слушает их и разговаривает сам с собой: «Ишь, как рано прискакал Поль, должно быть, с уроков сбежал... А старик Морме опять клюкнул. Сейчас ему достанется... Э-э, да никак Шарлотта нового гостя ведет. Этих шагов ни разу здесь не было. Вон как тяжело ступает, немолод уже, а тоже вот...»

Данила привык к этой жизни и не ропщет. Он ни к кому не ходит в гости, и никто не посещает его. Есть в поселке еще несколько эмигрантов, но они не встречаются, ненавидят друг друга, может быть, потому, что идет между ними глухая, скрытая борьба за место в жизни в этом чуждом для них мире, где все они словно из одной партии уцененных товаров. И паспорта у них уцененные. Это только «вид на жительство», который не дает и тех прав, что имеет любой бродяга француз. И на вопрос о подданстве, гражданстве они отвечают: «Без подданства, без гражданства». Они не граждане.

Когда дом затихает и запирается парадная дверь, ведущая к лестнице, Данила складывает инструмент, снимает фартук и идет домой. Наступают самые мучительные минуты. Именно в эти минуты одолевает его непостижимо щемящее чувство. Собственно, чувство это никогда не покидает его, но днем оно ослабевает, затушевывается. Оно остается и живет в нем, будто затянутое пленкой. А вот к ночи душа начинает болеть, как оголенная рана.

Он гнал от себя видение белой хатки на Донце, где родился и вырос, откуда ушел на трубный завод. Он видел ее по ночам в парижском предместье с удивительной ясностью, вплоть до трещин на стенах их глиняного коровника.

Он лежал с открытыми глазами в абсолютной темноте, а перед ним стояла его конторка в цехе, и весь цех, и ребята, которых он учил слесарному делу. Это были не воспоминания, не застывшие видения, не пейзажи или фотографии. Это была жизнь.

В центре ее постоянно находился он сам. То мирно разговаривал, то спорил, то смеялся, и он помнил, о чем разговаривал, по какому поводу спорил, над чем смеялся.

Это было сладостно и до стона мучительно. Если засыпал в середине разговора, продолжал беседу во сне именно с того места, на котором она была прервана. И, когда открывал глаза, заканчивал разговор с той полуфразы, на которой проснулся. Поэтому он не знал, когда заснул, когда проснулся и спал ли вообще. Скорее всего то забывался, то спохватывался, но не улавливал границ между забытьем и бодрствованием.

Данила ненавидел ночь и ту минуту, когда Евдокия шла готовить постель. Он ненавидел и свою постель, где провел столько бессонных ночей.

Однажды он лежал, стараясь не шевелиться, и, щадя жену, делал вид, будто спит. Пусть хоть она отдохнет. Ей тяжелее. Она испытывает то же, что и он, и еще дополнительно его капризы, его плохое настроение, которое он вымещает на ней, потому что больше не на ком.

Когда стало ясно, что удалось обмануть Евдокию и уже можно было не подавлять вздоха, рвавшегося из груди, он услышал ее тихий голос:

— Попробуй все-таки заснуть, Данила.

Тогда он закричал на нее, что вечно она не дает ему покоя и будит среди ночи и что это в конце концов невыносимо.

Он резко поднялся, надел штаны и ушел в свою мастерскую. Здесь стояла детская коляска, сданная ему в ремонт. Он хотел работать. У него были для этого силы, ему требовалось применить их, дать выход тому, что скопилось в голове. Взяться за коляску он не рискнул: неизбежно потревожит соседей.

Он сидел, уже ни о чем не думая, и ему было жаль Евдокию. Она безответная. Она ничего ему не скажет, не возмутится, не упрекнет. Она просто ни за что не заснет, пока он не вернется. Он упрямо сидел и терзался из-за нее и не мог подняться с места.

Они прожили долгую жизнь, и все, что надо было сказать друг другу, давно сказали, и теперь им не о чем разговаривать. Она знала его привычки, знала, что готовить ему на обед, и он не мог даже попросить горчицу или перец, потому что всегда все стояло на месте. Они молча обедали, и он молча уходил под лестницу.

Никогда не думали они, что могут остаться на чужбине. Это была дикая и нелепая мысль, поэтому и не могла она появиться у них. Они твердо знали: как только кончится война, тут же уедут. Только бы дотянуть до конца войны. Вот тогда он и услышал где-то эти слова, накрепко засевшие в голове: «Мне бы только речку переплыть...» Только бы дотянуть.

А когда война кончилась, пошла эта умно организованная, подлая ложь: всех, кто был в плену или по другим причинам оказался здесь, расстреливают на границе. Люди стали задерживаться с отъездом. Они тоже решили пока остаться, пусть пройдет немного времени, пусть успокоится обстановка.

И опять ждали какого-то рубежа, каких-то новостей, потому что не может быть, чтобы все осталось так, как есть. Должно же что-то произойти, после чего они смогут спокойно поехать домой. Они ждали этого мифического часа, глубоко веря в него, а годы шли. Постепенно вера угасала, все меньше оставалось надежд на чудо, надо было действовать самостоятельно. Как действовать, они не знали. Многие уже уехали, а они все ждали.

...Данила долго сидел среди ночи под лестницей, тупо уставившись на коляску, пока в хаосе туманных мыслей не проплыла одна, за которую он ухватился, отгоняя все остальные,

боясь, чтобы не вылетела она вот так же внезапно, как и появилась. И когда мысль эта окрепла в нем и превратилась в твердое решение, он медленно поднялся, медленно пошел в комнату, зажег свет и торжествующе сказал:

— Ты не спишь, Дуся?

— Это ты мне говоришь, Данила? — испуганно подняла она голову. Она давно забыла это имя. Веселый Даня называл ее так только до войны. Она уже не помнит, когда это было. Счет времени у нее начался с той минуты, когда стало ясно, что эвакуироваться не успеют, и он сказал: «Плохи наши дела, Евдокия». Так назвал он ее тогда впервые. Но это показалось естественным, такая была обстановка.

Уже много лет он иначе ее не называет. Нет необходимости. Если обращается к ней, то просто: «Сходила бы в магазин наждачной бумаги купить». Или: «Посмотри, не оставил ли я на столе очки?» В тех редчайших случаях, когда называл ее по имени, то только «Евдокией».

И вдруг — Дуся. Она испугалась больше, чем два часа назад, когда он так неожиданно и несправедливо обидел ее. Быстро привстала и потянулась за платьем.

— Нет, нет, ты лежи, послушай, что я скажу.

Он сел возле нее на постели. Она подвинулась, и он, наклонившись, заговорил шепотом:

— Мы уедем отсюда, Дуся. Что нам здесь делать? Это уже решено твердо. Напишу Клаве, все-таки жена моего родного брата. Ну, когда-то не ответила, может, и не дошло письмо, а сейчас ответит. Поедем к ней, все разузнаем, а потом вернемся за вещами. Или продадим к черту. Там купим новое. Пойду на свой завод, не может быть, чтобы знакомых не осталось. А может, списки сохранились, я ведь стахановцем был, помнишь? Может, и приказ уцелел — как передовика производства меня тогда в помощники мастера выдвинули, помнишь?

Голова у Евдокии затуманилась. Надо было ответить Даниле, что-нибудь сказать, но она боялась сказать невпопад, боялась прикоснуться к этой картине, возрожденной им, потому что за его словами увидела всю их прошлую жизнь в целом, и по частям и по кусочкам, вроде того дня, когда пришли вместе с Данилой заводские друзья, чтобы отметить его выдвижение.

Именно в тот день принес он столь странный и неожиданный подарок. Это была шелковая ночная рубашка голубого цвета, с кружевами, которая и не очень-то ей была нужна и размером не подходила, и она никак не могла сообразить, почему вдруг он это купил.

Данила стеснялся своего подарка и избегал ее взгляда. А она все спрашивала, и он рассердился и сказал: пусть не пристает, если не понимает, что в доме праздник.

Уже и до этого она стала догадываться, но еще не верилось и хотелось, чтобы он вслух сказал словами, что это подарок ей, Дусе, в честь его выдвижения, ибо и она причастна к его труду, и он знает это, благодарит и ценит ее. И хотя его отвлекли друзья и ничего больше он не сказал, она теперь уже твердо знала, почему он это принес, и убежала в другую комнату, прижала рубашку к лицу, чтобы никто не увидел слез.

Она все вспомнила. Ей хотелось, чтобы Данила говорил еще, а он неожиданно умолк. Тогда она сама сказала:

— А помнишь, как ты на общем заводском собрании выступал? Человек пятьсот, наверное, слушали. И все поздравляли. Конечно, тебя помнят...— Ей хотелось добавить: «Даня».— Тебя помнят, Даня...— Но она разучилась говорить это слово, оно прозвучало бы, как чужое, и не хватило смелости произнести его...

Рано утром Данила сел за письмо Клаве. Коляска, принятая в срочный ремонт, подождет. Он сейчас занят. Да и вообще мастерская у него еще закрыта. А то привыкли ночь-полночь, когда хотят, тогда и ходят. Подумаешь, французы! Плевать на них! Пусть лучше вспомнят, как гнала их русская армия. Хватит, поунижались! Он занят важным делом, и пусть не беспокоят. А не нравится, пусть отправляются к своему Планшоне...

Вскоре пришла настоящая, большая радость: почтальон принес письмо из Москвы. Сын Клавы, их родной племянник Дима, о существовании которого они не знали, сообщал, что их письмо пришло как раз, когда он приезжал в Луганск навестить мать, а сам он работает и учится в Москве, и, если они хотят приехать, пусть приезжают. И мать просила написать, что будет рада их приезду.

Разрешение дали неожиданно быстро. Разрешение ехать на родину, о чем сказали ему в советском консульстве на бульваре Мальзерб в Париже, и это само по себе было ошеломляющей радостью.

Им хотелось повезти Диме хорошие подарки, может быть, костюм, им не жалко для этого денег. Беда, только размеров не знают. Ну, ничего, дорогие подарки привезут во вторую поездку, а пока купили кое-что оригинальное, чего в России, конечно, нет.

...Уже была ночь, уже ушла спать Евдокия Ильинична, а чуть захмелевший Данила неторопливо вел рассказ о трагедии своей жизни.

Я слушал Данилу и невольно вспомнил инженера Николая Лаврова, с которым случайно познакомился в Версале. Потом мы несколько раз с ним встречались. Особенно запомнилась мне одна встреча на озере. Он принес с собой обещанную мне книгу Д. Мейснера «Миражи и действительность».

— Вот,— сказал он,— прочтите. Ее автор — известный в прошлом политический деятель, чуть ли не правая рука Милюкова. Я жил так же, как описана здесь жизнь большинства эмигрантов. Как и у них, из десятилетия в десятилетие, из года в год распадалась, крошилась, выветривалась моя идеология, идеология человека, не принявшего революции. Но, чтобы судить о моей жизни, надо иметь в виду одно отнюдь не маловажное обстоятельство. Я инженер-конструктор высокой квалификации. Такого положения добились немногие эмигранты.

Между Лавровым и Данилой — пропасть. Но в одном вопросе они абсолютно едины.

Ностальгия! Я много слышал об этой болезни. От нее не умирают. Еще ни один врач не констатировал смерть от ностальгии. Но она давит человека, душит его, доводит до отчаяния, до безумия.

— Вам этого не понять,— говорил мне Данила. Но именно такие слова произнес и Лавров.

Почему не понять? Мне приходилось бывать на чужбине по нескольку месяцев. Однажды больше трех лет.

— Это совсем не то,— с досадой махнул рукой Лавров.— У вас оставалось главное: сознание, что пройдет какое-то время, и вы обязательно вернетесь. Вернетесь в свой дом, к своим друзьям и родным, в свой лес, к своей реке. Нет-нет, это совсем не то. Это тоска по родине, которую потерял навсегда. А оставаться на чужбине не хватает сил. Все кажется постылым, отвратительным, непереносимым: и язык, и дома, и запахи. Да-да, что вы так смотрите?! Разве вы не знаете, что каждая страна имеет свои запахи? Разве можно сравнить аромат украинской деревни с французской? Да что деревня? Куда ни пойдешь — все чужое. Нравы, обычаи, весь уклад жизни, чуждый и нелепый, к которому не привыкнуть, и тебя, как замурованного в бетон, окружает мертвая тишина в этом крикливом, гудящем, многолюдном мире, и одиночество охватывает так, что хочется выть...

Я одинок и беззащитен. Вся система построена так, чтобы человек не переставал чувствовать себя зависимым, униженным, беспомощным. В бюро, где я работаю, ни один инженер не знает, сколько зарабатывает такой же, как он, сидящий рядом и выполняющий такую же, как он, работу. Заработок держится в страшной тайне. Управляющий или владелец предприятия дает вам грошовую надбавку, прикладывая к губам палец: «Смотри, не проговорись, один ты это получил». И молчит человек. И лезет из кожи, изворачивается, только бы шеф был доволен. Эта система изолирует человека от товарищей, воспитывает в нем эгоизм, чувство зависти.

Такая система повсюду. Попробуйте спросить француза, сколько он зарабатывает. Никто не ответит.

Это хитрая и безжалостная система. Обратили ли вы внимание, ну, хотя бы в вашей гостинице, как все вежливы, предупредительны, как вам улыбаются, как подхватывают ваши чемоданы?

Вы думаете, это воспитание? Вы думаете, это вежливые, радостные люди? Нет! Это страх, страх за место. Улыбка — фактор экономический. Пусть попробует не улыбаться портье, пусть попробует отвернуться, если плюет ему в лицо богатый заморский турист.

Мне рассказывали, что у вас бывают конфликты между служащими гостиницы, даже если это уборщица, и постояльцами, словно у них одинаковые права. И будто администрация даже разбирается, кто из них виноват. У нас такой конфликт просто немыслим. Можно сколько угодно хамить, никакому портье в голову не придет жаловаться или хоть как-то проявить обиду. Его просто выгонят, и нигде уже не найдет работы человек, изгнанный за «недостаточную учтивость». Он снесет любое оскорбление и будет прятать слезы, улыбаясь.

Да что говорить о портье,— с какой-то безнадежностью покачал головой Лавров.— Вот я, совсем не рядовой инженер, а мне тоже плюют в лицо. И стыдно и унизительно, а я молчу, улыбаюсь. Несколько дней назад мой шеф, желая похвалить меня, в присутствии нескольких человек сказал: «Да какой он русский, он настоящий француз».

Я молча снес обиду. Это ведь сам шеф! Скажи я хоть слово, и это был бы последний день моей работы в фирме. Я вынужден вести себя так, чтобы как можно меньше проявлялось мое русское происхождение.

Вот так-то,— грустно улыбнулся Лавров.— Но, знаете, даже не в этом, по сути, унизительном факте главное. В прошлом году я изобрел специальную термитную печь. Извините за нескромность, это было великолепное инженерное решение трудной проблемы. Когда только появилась идея, я сам не мог поверить в простоту, с какой можно вести сложнейшие процессы. Я не спал ночи, еще и еще проверяя теоретические обоснования моей смелой мысли. Эта идея поглотила меня. Я жил только ею. Хорошо понимая, какой экономический эффект дает моя печь, я даже не подсчитал его. Меня увлекла только инженерная сторона дела. Поверьте, это было удивительное, оригинальное решение.

Моя печь дала шефу сотни тысяч франков; мне же он дал месячное содержание. И опять приложил палец к губам. И я молчу. Моего имени нет на моем изобретении. Печь фирмы. Штамп фирмы. Фирма — это шеф. Если я скажу, что это — мое изобретение, меня высмеют.

Кому же отдаем свое творчество, свои бессонные ночи? — говорил Лавров, словно жалуясь мне.— Созданное нами, конструкторами, идет только шефу. Ему одному. Ему не интересно оригинальное решение, безразличен полет конструкторской мысли. Бизнес! Только бизнес. Вот в чем разница между трудом инженера у нас и у вас.

— Так почему же вы не возвращаетесь на родину? — вырвалось у меня.

Окончание следует.

Софи Лорен в роли Джованны.

На съемках фильма «Подсолнухи» Витторио Де Сика, Софи Лорен, Людмила Савельева.

Фото Е. Умнова.

ЭТО МОЙ ГОЛОС ПРОТИВ ВОЙНЫ!

— Так говорит знаменитый итальянский режиссер и актер Витторио Де Сика о своем новом фильме «Подсолнухи». Более русское название трудно придумать, но именно подсолнухи, поворачивая к солнцу свои золотые головы, каждый раз видят обелиски с надписью: «Здесь похоронены итальянские солдаты, расстрелянные фашистами».

Здесь ищет своего мужа героиня фильма Джованна. Много лет она не может поверить, что ее Антонио погиб.

В этой грустной, уже немолодой женщине сразу вроде бы и не узнаешь так хорошо всем нам знакомую Софи Лорен. Совсем новые черты образа — трагические и мужественные — предложили актрисе сценаристы Чезаре Дзаваттини и Тонино Гуэрра... Ее любимый жив, но навсегда потерян для нее. Чудом оставшись в живых, Антонио привязался благодарным сердцем к русской девушке Марии, полюбил ее. Мария — словно сама судьба — спасла его, изнемогшего от ран, замерзающего в поле, на лютом ветру... Для Антонио — его играет Марчелло Мастроянни — началась вторая жизнь.

Тут итальянские сценаристы оказались перед трудной задачей: они ведь незнакомы с этой другой, новой жизнью своего героя. Не знают они ни завода, где теперь работает Антонио, ни его дома, где он и Мария вместе растят свое дитя... Незнакомы им ежедневные будни столицы, неведом сегодняшний уклад жизни украинских крестьян... И на помощь сценаристам пришел советский писатель и драматург Георгий Мдивани — он осуществил замысел итальянских друзей.

Мария — образ чистый, светлый; в фильме эта роль поручена Людмиле Савельевой, которую все помнят как прелестную Наташу Ростову в «Войне и мире» С. Бондарчука.

И. ЗЫБИНА

Юрий БЛАГОВ

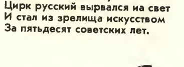
Рисунки В. Соловьева.

О цирк!.. В нем сложное — несложно,
Он из чудес сооружен,
В нем невозможное — возможно,
Иначе б цирком не был он!

Из балаганов захолустных
Цирк русский вырвался на свет
И стал из зрелища искусством
За пятьдесят советских лет.

Рождает сильных и умелых
Талант и мужественный труд,
И всюду цирк «искусством смелых»
По справедливости зовут.

Улыбки цирка, несомненно,
Должны согреть сердца всех тех,
Кому милы огни арены,
Кто любит цирк и любит смех.



Дуэль со шпагоглотателем.

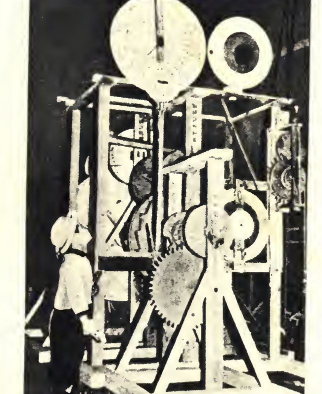
Досуг антиподиста.

— Повторяю: дрессировщик ушел в цирк.

Перерыв на обед.

С НОЖОМ НА КРОКОДИЛА

Бразилец Мануэль Поковез известен как бесстрашный охотник на крокодилов. За три года он уничтожил 125 хищников.



ДЕРЕВЯННЫЕ ЧАСЫ

Этим деревянным часам, хранящимся в одном из музеев Японии, сто пятьдесят лет. Они показывают час, день и месяц.

СТРАННОЕ СЕМЕЙСТВО

Нынешним летом в вятских лесах грибов было, как обычно, вдоволь. Правда, непогода перепутала их сроки: маслята, подберезовики и сыроежки пошли только в июле. В середине августа неожиданно резко похолодало и заморосило, как осенью, и в мелких ельниках появился рыжик. Моему знакомому, жителю лесного села Нема, что в полутораста километрах на юг от областного города Кирова, Анатолию Николаевичу Микрюкову, можно сказать, повезло. В лесу близ деревни Зюзихи, в низменном местечке, где росли кусты черники, он натолкнулся на необыкновенный гриб, который сначала принял за свернувшегося ежа. Основная шляпка твердого гриба-наплыва была усеяна великим множеством мелких темно-серых грибков на белых ножках ростом от одного до трех сантиметров.

Когда Анатолий Николаевич принес находку в село, мы стали считать грибки и, досчитав до трехсот, со счету сбились. Показали местным грибникам-знатокам. Те видели такой гриб впервые и точного названия его дать не смогли.

Две недели гриб хранился в подвале нашего сельского дома. Шляпки начали распускаться. Собираясь в Москву, я захватил гриб с собой, но дорогой — ехали мы пять дней автомашиной — из-за жары гриб сохранить не удалось.

И. МОКРЕЦОВ
Фото А. Быстрых.

КОМПАНЬОН ЛЮБИТЕЛЕЙ КОКТЕЙЛЕЙ

На одной австрийской ферме живет верблюжонок по имени «Пенелопа». Малыш ни на шаг не отходит от своей хозяйки, которая научила его пить воду через соломинку.

Грайр БУРНАЗЯН

Старая черепаха

В теплый летний вечер я сидел на веранде дома, стоявшего на самом берегу моря.

Внизу, на песке, там, где с шумом на берег обрушиваются пенистые волны и, исчерпав всю свою мощь, мирно откатываются назад, толпилась ватага ребятишек, увлеченных какой-то игрой.

Гомон детских голосов привлек мое внимание. В кругу ребятишек я увидел большую старую черепаху. Они перебрасывали ее друг другу, катали колесом, закапывали в песок, и все это приводило их в восторг. Только двое из них не принимали участия в «игре».

— Ребята, да за что же вы ее так мучаете! Жалко! Давайте пустим ее в воду,— горячо защищали они черепаху.

Но товарищи не обращали на них внимания.

Время от времени черепаха, устало высунув голову из-под своей брони, казалось, умоляюще смотрела на своих мучителей.

Улучив момент, двое мальчуганов, жалевших черепаху, схватили ее и быстро опустили в море.

Я облегченно вздохнул. Но... вскоре черепаха вынырнула из воды и с удивительной для нее скоростью поплыла к берегу.

«Видать, это доброе, безобидное существо успело привязаться к детям и все им прощает»,— подумал я.

На этот раз мальчишки привязали к спине черепахи ржавую консервную банку и, наполнив ее камнями, с любопытством ждали, как потащит она свой груз.

Долго мучилась черепаха, но одолеть непосильную для нее ношу так и не смогла. Тогда, упершись левыми лапками в землю, она повалилась на бок и опрокинула банку, из которой посыпались камни.

Освободившись от груза, мудрая, старая черепаха осторожно высунула свою голову и, с горькой обидой взглянув на ребят, быстро-быстро засеменила к морю и поплыла.

«Там будет спокойнее»,— должно быть, решила она, хотя и придется ей всю жизнь носить на себе ржавую банку.

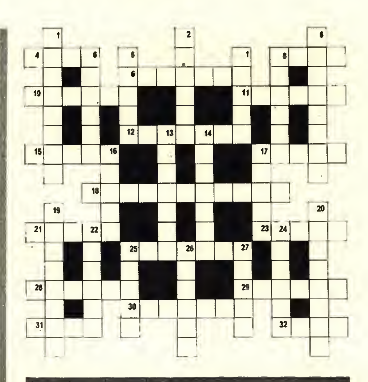
С тех пор я все думаю: какими-то вырастут эти мальчишки?

НА ЛЮБОЙ ВКУС

В Италии стали выпускать необычной формы очки против солнца — в виде телефонного диска, телевизионного экрана, спасательного пояса...

ДОМАШНИЙ КАБАН

У одного польского лесника в Зеленогурском воеводстве живет дикий кабан. Он попал на ферму совсем маленьким и стал ручным.



КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Пьеса В. Маяковского. 8. Бревна, скрепленные для сплава. 9. Рыба семейства карповых. 10. Наивысшее достижение. 11. Созвездие северного полушария неба. 12. Автор комической оперы «Виндзорские проказницы». 15. Героический крейсер. 17. Периодическое понижение уровня океана. 18. Актер, ведущий концертно-эстрадное представление. 21. Женская одежда. 23. Смазочное масло. 25. Школьная письменная работа. 26. Беспалубное судно 29. Французский естествоиспытатель. 30. Болотная птица. 31. Действующий вулкан на острове Сицилия. 32. Приток Дуная.

По вертикали: 1. Народная артистка СССР. 2. Режущий инструмент. 3. Польский астроном. 5. Государство, расположенное у восточного побережья Азии. 6. Роман И. С. Тургенева. 7. Остров в Тирренском море. 6. Дощечки для настила пола. 13. Город в Челябинской области. 14. Небольшая поляна. 16. Атмосферное явление. 17. Лиственное дерево или кустарник. 19. Курорт в Аджарской АССР. 20. Резкое различие, противоположность. 22. Коллектив артистов. 24. Химический элемент. 25. Сорт мелких конфет. 26. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 27. Слоистый минерал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 4. Пржевальский, 7. Карпаты. 8. Стамеска. 10. Рота. 12. Сентаво. 13. Тбилиси. 14. Вольта. 17. Булава. 18. Антенна. 19. Кафириниган. 20. Скачки. 22. «Сапоги». 24. Канада. 28. «Торпедо». 27. Сусанин. 26. Грот. 29. Сомбреро. 30. Позитив. 31. Железноводск.

По вертикали: 1. Нестеров. 2. Блесна. 3. Эстафета. 5. Саванна. 8. Окулист. 9. Балакирев. 11. «Финансист». 15. Оска. 16. Триод. 21. Черенок. 23. Пунктир. 24. Конвейер. 25. Астроном. 26. Гродно.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Д. Налбандян. Портрет Ованеса Туманяна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ранняя осень.

Фото Г. Смехова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-81; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-96; Литературы — 250-56-68; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-36-52, 253-32-45.

А 00407. Сдано в набор 2/IX 69 г. Подп. к печ. 18/IX 69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1669. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2453.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СОВЕТСКОМУ ЦИРКУ — 50

Советскому цирку — полвека! Пора творческой зрелости: есть на что оглянуться, о чем поразмышлять... Владимир Дуров-старший, Виталий Лазаренко, Вильямс Труцци и другие выдающиеся мастера прошлого передали эстафету мастерства Владимиру Дурову-младшему, Карандашу, Алибею Кантемирову, Олегу Попову, Ирине Бугримовой, Валентину Филатову, Владимиру Волжанскому и другим звездам сегодняшнего цирка...
По просьбе «Огонька» журналисты Я. Островский и А. Гурович обратились к ведущим мастерам циркового искусства.
Вот что они рассказали.

ПОЧЕМУ ПЕРВЫЙ В МИРЕ?..

— Чем объяснить тот несомненный факт, что советский цирк не имеет себе равных в мире? — этот вопрос наши корреспонденты задали В. Г. Дурову — первому и пока единственному в цирке народному артисту СССР.

— Этот вопрос,— ответил Владимир Григорьевич,— мне задавали сотни раз во время многократных поездок за рубеж. Отвечая на него на пресс-конференции в Лондоне, я сказал, что все дело в общественном строе, в политической системе. Я, конечно, увидел, как скривились лица многих журналистов и до моего слуха донеслось иронически брошенное: «Пропаганда...»

— Что делать, господа,— возразил я.— Вероятно, это и впрямь пропаганда! Но судите сами... И дальше я стал говорить о вещах, само собой разумеющихся...

— А именно?

— Я сказал, что советский артист цирка свободен от многих забот. Ему не надо думать о том, где он будет работать завтра, послезавтра, и вообще будет ли он работать... Не надо волноваться ни о реквизите, сколько бы он ни стоил, ни о костюме, в котором он выступает; не надо нанимать музыкальное сопровождение своего номера... Да разве все перечислишь! Такие вопросы и в голову не приходят! А на Западе подобные проблемы не покидают артиста ни на минуту; они неотступно следуют за ним, не давая ему покоя ни днем, ни ночью. Ведь его номер, его творчество — это сугубо личное его дело. Он и выполняет его на собственный страх и риск, за собственный счет в буквальном смысле слова. Где уж тут заботиться о совершенствовании циркового искусства в целом!..

А у нас... Располагая огромным — несколько вагонов! — «штатом» животных, я, например, никогда не помышляю о том, где и какой корм для них раздобыть. Есть специальные служащие, и я знаю, что мой «Ноев ковчег» — так часто называют за рубежом мою труппу четвероногих и пернатых артистов — всегда будет вовремя накормлен, напоен, обеспечен необходимым уходом. И если вы все это назовете пропагандой, господа, что ж, пожалуйста, я ничего не имею против!..

ЗНАЧЕНИЕ ЗРИТЕЛЬСКОЙ УЛЫБКИ

— Надо полагать, улыбки играют какую-то роль в вашем деле? Какую же? Какие ответные чувства овладевают вами при виде этих улыбок?

Клоун Борис Вяткин, заслуженный артист РСФСР, на наш вопрос ответил так:

— Величайшее удовлетворение, наверное, главное чувство каждого актера. Но его надо понять правильно. Это не обывательское самодовольство, этакая блаженная умиротворенность: вот, мол, как я хорош! Нет, это ощущение своей очевидной нужности людям. Это — бесценное чувство, что ты делаешь важную, необходимую работу. И пусть скромен твой личный вклад в общенародное дело, а все же вклад! Мой вклад измеряется не метрами, не тоннами, а улыбками...

Заявляю ответственно: продуктивность труда клоуна можно учесть только порцией доброго смеха и хорошего настроения, которое клоун вызвал у зрителей. И если люди после циркового представления выходят веселые, радостно повторяя реплики из только что увиденной клоунады, то для нас, клоунов, это великая награда. Она означает, что твой труд, по выражению Маяковского, вливается в труд твоей республики!..

МЕДВЕЖЬЯ СВАДЬБА

Представлять публике народного артиста РСФСР Валентина Филатова с его «Медвежьим цирком» нет нужды! Мастерство прославленного дрессировщика, как и его четвероногих питомцев, всем хорошо известно.

На наш вопрос: «Что нового в «Медвежьем цирке»?» — Валентин Иванович, широко улыбаясь, ответил:

— О, у нас сейчас переполох! У нас радостные хлопоты! Старейший артист нашего цирка — Макс выдает свою дочь замуж. И как на каждой порядочной свадьбе, тем более если она идет со старинными обрядами, с тройками и хлебом-солью, все происходит у нас очень весело, интересно и трогательно.

Правда, чистый «стиль» довольно часто нарушается. То появится исполнительница цыганских песен и танцев Сильва Медведянская, то молодежь вдруг — ну, что ты с ней поделаешь, тоже подвластная моде! — примется отплясывать буги-вуги, твист или шейк... Но ведь всем известно, что мои артисты обладают изяществом и грацией! А уж когда они веселятся на свадьбе у своих коллег, то тут они, конечно, стараются вовсю! В общем, у нас все, как в порядочном доме... Правда, где-то в середине свадьбы любящему отцу, Максу, становится плохо: он узнает, что молодые, не дождавшись конца церемонии и бросив гостей, отправились в свадебное путешествие. Однако медвежья «Скорая помощь» и на самом деле оказывается скорой. Поэтому Максу сразу становится лучше. Тем более, что в это же время приходит почтальон с хорошими вестями от молодых. И тут веселье разгорается вновь!..

Словом, приходите на свадьбу, пока еще не наступил разъезд гостей!..

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЕ РЕКОРДЫ ВЛАДИМИРА ДОВЕЙКО

— Возможны ли рекорды в искусстве?

— Пожалуй, единственное из искусств, которое отвечает на подобный вопрос утвердительно,— это цирк. В сущности, именно от цирковых номеров люди ждут всегда чего-то из ряда вон выходящего. А если этого нет, то какой же это цирк! Наш же зритель избалован цирковым зрелищем самого высокого класса. Но даже и среди замечательных работ советского цирка выделяется номер акробатов-прыгунов, возглавляемых Владимиром Довейко.

— За долгую работу в цирке — я ведь из цирковой семьи и на манеж вступил совсем еще мальчиком,— рассказывает В. Довейко, заслуженный артист РСФСР,— мне удалось установить в прыжковой акробатике шесть мировых рекордов. Потом четыре из них были повторены, а два так и остаются до сих пор непревзойденными. Вы спрашиваете, каковы они? Ну, если вы их не видели, то слушайте.

На высоких ходулях Олег Покусалин — один из артистов труппы — становится на край подкидной доски. «Отбитый» партнерами, он высоко взлетает и выкручивает двойное сальто, чуть ли не чиркая ходулями по куполу... Это стоит посмотреть! А Владимир Довейко-младший, мой девятнадцатилетний сын, исполняет с подкидной доски сальто-мортале с пируэтом на одной ходуле!

В этом номере много выдающихся трюков, но славен он не только трюками. Номер отличается удивительной слаженностью, ансамблевостью, красотой и четкостью построений.

— Мы постоянно ищем новых путей,— продолжает Довейко.— Поэтому нам важно, чтобы каждый исполнитель был не только отличным акробатом, но и подлинным артистом.

— Глядя на вашу работу, право же, думаешь, что возможности акробатики полностью исчерпаны!

— Почему же? Мы, наоборот, надеемся перекрыть их! Через некоторое время зрители увидят, например, такие трюки, как сальто-мортале с двумя пируэтами на одной ходуле! Или тройное сальто-мортале с подкидной доски... Все это будет новое, рекордное. Только обязательно надо увидеть это своими глазами! Обратимся мы и к старым, забытым номерам: цирковое наследие чрезвычайно богато, и негоже забывать его, держать в архивной пыли...

ЦИРК ЛЮБИТ СЕКРЕТЫ

Номер, созданный В. Волжанским,— эталон искусства манежа. Не случайно Волжанские, где бы они ни гастролировали, всегда в центре внимания публики и критики. Они неоднократные лауреаты всесоюзных цирковых смотров, премию «Оскар» получили на Всемирной выставке в Брюсселе и много других наград...

— А что вы сами считаете главным в своем творчестве? — спросили мы Владимира Александровича.

— Постоянное стремление создать небывалое и достигнуть невозможного... Обычно в человеческом существе артиста, да и не только артиста,— в каждом, кто стремится к новому, сидят как бы два человека: один из них говорит: делай, а другой, более осторожный и благоразумный, говорит: лучше подожди! Мне посчастливилось: во мне оба моих «человека» всегда говорят: добивайся нового!

— Вы создали много рекордных трюков и были первым их исполнителем, воспитали ряд первоклассных артистов. Нет ли у вас чувства завершенности творческих стремлений? Тем более, что и дети ваши уже стали мастерами миро-

На память о Владимире Дурове...

Борис Вяткин объясняется с партнершей.

Попробуйте-ка так прыгнуть!